(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 3.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры прежнихъ годовъ Русскаго Архива.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 годъ. Книга первая.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго**.—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина**.—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна **4** рубля.

1872 годъ. Книга вторая.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма **графа С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна **3** рубля.

1873 годъ. Книга первая.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о **Франціи, князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки Н. И. Греча.—Записка графа **І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна **4** рубля.

1873 годъ. Книга вторая.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—**Бумаги П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова.—**Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, **статья Ѳ. И. Тютчева**.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна **4** рубля.

1874 годъ. Книга первая

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ **о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости** Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**.—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 годъ. Книга вторая.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй**.—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и **тайный наказъ** о переговорахъ съ Бонапартомъ.—**Два письма графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона **отъ графа С. Р. Воронцова къ графу** Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**. — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна **4** рубля.

Сказанія о святыхъ Романѣ и Давидѣ (Борисѣ и Глѣбѣ) и о кончинѣ Русскаго епископа святаго Ѳомы.

По Армянскимъ Четьи-Минеямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Читатель не безъ удивленія прочтетъ заглавіе предлагаемой статьи: Русскіе князья—мученики и Армянскія Минеи!

Сочетаніе именъ и названій дѣйствительно необычайное.

Какъ вошло Русское сказаніе въ Армянскія Минеи?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, скажемъ нѣсколько словъ объ Армянскихъ Четіяхъ-Минеяхъ, съ которыми наши ученые, если не ошибаемся, вовсе незнакомы.

Въ духовной Армянской письменности V вѣка мы встрѣчаемъ житія святыхъ, переведенныя съ Греческаго языка вмѣстѣ съ многими другими духовно-историческими произведеніями. Это тѣ житія, которыя впослѣдствіи вошли въ такъ называемый Прологъ (а его начало относится къ первымъ годамъ христіанства). Объ ихъ существованіи мы узнаёмъ изъ Евсевія, который пользовался ими для своего «Сборника мученичествъ», не дошедшаго, къ сожалѣнію, до насъ [1]). Армянскій Прологъ имѣлъ, вѣроятно, тотъ же источникъ, по которому былъ составленъ и Сборникъ Евсевія, а можетъ быть и самый этотъ Сборникъ, хотя о немъ и не упоминается у духовныхъ Армянскихъ писателей. Но какъ бы то ни было, эти житія, послѣ Греческихъ, должны по своей древности занять въ церковно-исторической письменности почетное мѣсто [2]). Къ этимъ переводнымъ житіямъ святыхъ древніе Армянскіе писатели присоединяли также житія святыхъ своей церкви. Сборниками мученичествъ весьма богата Армянская литература: они извѣстны у позднѣйшихъ Армянъ подъ названіемъ *тчарентир*'овъ [3]), которые не ограничивались V вѣкомъ: ихъ объемъ расширялся постепенно, по мѣрѣ того, какъ становились извѣстными

---

[1]) Кн. IV, 5, 20; IV, 15; V, 1.

[2]) Изданы въ Венеціи учеными мхитаристами въ 1855 году. 2 ч. in 8°.

[3]) *Тчарентир* — слово сложное и значитъ «избранныя слова или рѣчи» сборникъ избранныхъ словъ. Подобные сборники заключаютъ въ себѣ, кромѣ житій святыхъ, также панегирики въ честь послѣднихъ. Эпитетъ же *избранныя* придаютъ этимъ рѣчамъ потому, что онѣ написаны изящнымъ древне-Армянскимъ классическимъ языкомъ: онѣ переведены, большею частью, корифеями Армянской письменности въ V вѣкѣ.

подвиги святыхъ и мучениковъ. Само собою разумѣется, что они обогащались также переводомъ подобныхъ же сказаній съ Сирійскаго языка, одновременно съ Греческими житіями.

Кромѣ отдѣльныхъ Сирійскихъ сборниковъ, сохранившихся до насъ въ Армянскомъ переводѣ, мы встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ замѣчательный сборникъ этого рода, составителемъ котораго является одинъ изъ настоятелей обители св. *Атома*, по имени *Гагикъ*, собравшій (какъ замѣчаетъ Армянскій историкъ Степаносъ Асохикъ) житія мучениковъ въ одну книгу, называемую *Атомадир'омъ* [4]). Она, правда, не такъ обширна и не такъ полна, какъ послѣдующія Армянскія Минеи (о которыхъ будетъ рѣчь ниже), но замѣчательна тѣмъ, что вся она состоитъ почти изъ переводовъ съ Сирійскаго языка. Объ ней мы со временемъ дадимъ нашимъ ученымъ подробный отчетъ; теперь же скажемъ, что этотъ именно *Атомадиръ* и служитъ началомъ Армянскимъ Минеямъ. Съ IX вѣка, времени его редакціи, до XI столѣтія и далѣе не переставали пополнять его новыми переводами житій святыхъ то съ Греческаго, то съ Сирійскаго языковъ. Въ XI столѣтіи явился человѣкъ, который всецѣло посвятилъ себя собиранію и переводу на отечественный свой языкъ недостающихъ въ помянутомъ сборникѣ Гагика житій и сказаній о мученической кончинѣ святыхъ. Это—Вахрамъ, сынъ Григорія Магистроса, дукса Месопотамійскаго. Избранный каѳоликосомъ, онъ вступилъ на патріаршій престолъ (1065) подъ именемъ Григорія II въ Цамендавѣ, не далеко отъ нынѣшняго Мараша. Во время путешествія и пребыванія своего въ Римѣ, Константинополѣ, Египтѣ и другихъ городахъ и странахъ, онъ прилежно искалъ древніе и лучшіе списки мартирологовъ и впослѣдствіи перевелъ ихъ на Армянскій языкъ при содѣйствіи ученыхъ, между которыми непослѣднимъ ему пособникомъ былъ ученикъ его Киракосъ (Киріакъ) [5]). Такимъ образомъ восполнилъ онъ пробѣлы *въ Атомадиръ* Гагика, довершилъ начатый симъ послѣднимъ трудъ и «оставилъ на землѣ, какъ говоритъ Нерсесъ Благодатный, духовную пищу для алчущихъ душъ».

Таковы начало и постепенный ростъ Армянскихъ Миней съ V вѣка до кончины Григорія II, т. е. до начала XII-го.

Укажемъ теперь на существующія главныя ихъ редакціи, какъ рукописныя [6]), такъ и печатныя.

1. Первое мѣсто между Армянскими Минеями принадлежитъ тому Сборнику, который начинается церковнымъ годомъ Грековъ, т. е.

---

[4]) См. мой переводъ «Всеобщей Исторіи» Степаноса Асохика, кн. III, гл. 3, стр. 109.

[5]) Въ послѣсловіи къ Сборнику своего учителя Киракосъ называетъ его *векайасэр'омъ*, т. е. *мартирофиломъ*—эпитетъ, который съ тѣхъ поръ остается неразлучнымъ съ именемъ Григорія II. *Векайасэр* умеръ въ 1105, недалеко отъ *Кармир-ванк'а* (Красный монастырь) въ городѣ Кесонѣ, въ Киликіи.

[6]) Свѣдѣнія о рукописныхъ Армянскихъ Минеяхъ, не изданныхъ еще, находимъ у ученаго Мхитариста о. М. Авгера, который сообщаетъ ихъ намъ по спискамъ, имѣющимся въ богатой библіотекѣ Конгрегаціи Венеціанскихъ Мхитаристовъ.

1-го Сентября, памятью о св. Симеонѣ Столпникѣ. Отецъ Авгеръ называетъ этотъ сборникъ *«Главными Минеями»*, такъ какъ онъ служилъ прототипомъ для послѣдующихъ и заключаетъ въ себѣ древній переводъ исключительно-Греческихъ житій съ *краткими* свѣдѣніями *о нѣкоторыхъ только* Армянскихъ святыхъ, а именно о св. Григоріѣ Просвѣтителѣ, о св. дѣвахъ-мученицахъ Рипсиме и Гаіане съ ихъ спутницами и наконецъ о св. Саакѣ и Месропѣ, переводчикахъ Св. Писанія.

По этому образцу составлены впослѣдствіи и собственныя Минеи Армянскія со внесеніемъ въ нихъ житій Армянскихъ святыхъ.

2. Къ началу XIII вѣка относятся Минеи, редактированныя отцемъ Израилемъ и извѣстныя подъ его именемъ. Онѣ открываются гражданскимъ годомъ, а именно Январемъ, съ сопоставленіемъ соотвѣтственнаго мѣсяца и числа Армянскаго года, начинающагося съ 11 Августа. Въ нихъ за житіями Греческихъ слѣдуютъ житія Армянскихъ святыхъ.

3. Къ концу XIII же вѣка слѣдуетъ отнести Минеи, такъ называемыя *Киликійскія*, редактированныя Григоріемъ, уроженцемъ Киликійскаго города Аназарба.

4. Наконецъ слѣдуютъ Минеи архимандрита Григорія Церенц'а, уроженца Хлата, города лежащаго на сѣверо-западѣ отъ озера Вана въ Ванскомъ пашалыкствѣ. Редакція ихъ относится къ XV вѣку. Онѣ во многихъ отношеніяхъ уступаютъ первымъ тремъ; ибо съ одной стороны редакторъ ихъ, а съ другой переписчики безъ разбора и критики вносили въ нихъ все, что попадалось имъ подъ руку по части житій.

Изъ этихъ четырехъ редакцій посчастливилось, къ сожалѣнію, послѣдней въ томъ отношеніи, что она имѣла нѣсколько изданій въ Константинополѣ, и въ настоящее время находится въ общемъ употребленіи у Армянъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Четіи Минеи называются по армянски *йайсм-авур* что значитъ *«въ сей день»*. Для уразумѣнія этихъ словъ надобно замѣтить, что житія святыхъ въ Армянскихъ Минеяхъ, какъ и въ другихъ, расположены по порядку дней мѣсяца и обыкновенно озаглавлены: или *житіе*, или *сказаніе* о мученической кончинѣ, или *память* такого-то святаго. Затѣмъ, если на тотъ же самый день приходится еще святой, что случается нерѣдко, то слѣдуетъ о немъ повѣсть, но уже безъ помянутыхъ заглавій: она начинается просто словами: *«йайсм-авур»*, т. е. въ *«сей день»*, и т. д. [7]).

Обратимся теперь къ вопросу, поставленному нами въ началѣ этой статьи, а именно: «откуда вошло Русское сказаніе въ Армянскія Минеи?»

---

[7]) Въ Армянской церкви существуетъ обычай, что передъ вечерней, до начала службы, народъ собирается въ церковь. Выходитъ діаконъ или чтецъ и приступаетъ къ чтенію житія того святаго, память котораго празднуется въ тотъ день. Въ это время народъ, сидя, внимаетъ благоговѣйно благочестивому чтенію. Чтеніе Минэй до сихъ поръ соблюдается въ Армянской церкви на Востокѣ.

Рѣшеніе этого вопроса облегчаетъ само Армянское «Сказаніе о Романѣ и Давидѣ», въ концѣ котораго читаемъ небольшую замѣтку, вставленную, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, кто вносилъ его въ Армянскія Минеи. Редакторъ этотъ такъ заключаетъ разсказъ о чудесахъ: «много другихъ совершено чудесъ этими святыми (т. е. Романомъ и Давидомъ), и они записаны въ *пространной ихъ исторіи* (интересно было бы знать, какая это «пространная исторія»); чудеса совершаются ими и *понынѣ*». Далѣе: *многіе изъ нашей страны* (т. е. изъ Арменіи), *видѣвшіе эти чудеса, разсказывали намъ* (о нихъ).

Значитъ, одинъ изъ многихъ Армянъ, посѣщавшихъ въ старину Кіевъ и бывшихъ свидѣтелями помянутыхъ чудесъ, жившій долго, быть можетъ, въ этомъ городѣ и хорошо знакомый съ Русскимъ языкомъ, возъимѣлъ благочестивое желаніе перевести на свой языкъ «Сказаніе о Романѣ и Давидѣ». По возвращеніи въ отечество, онъ, вѣроятно, познакомилъ съ нимъ представителей своего духовенства, и чрезъ нихъ оно вошло въ Армянскія Минеи. Что Армяне съ давнихъ поръ были вхожи въ Россію, это видно, вопервыхъ, изъ вышеприведенныхъ словъ «Сказанія», а вовторыхъ, изъ свидѣтельствъ Русскихъ лѣтописцевъ. Армяне посѣщали Русскую землю главнѣйше по торговымъ дѣламъ. Хотя Русскіе и несочувственно относились къ этимъ своимъ гостямъ вообще *за ихъ вѣру*, тѣмъ не менѣе они невольно отдавали справедливость тѣмъ изъ нихъ, кои являлись между ними какъ врачи, и это еще въ XI вѣкѣ. Въ житіи преподобнаго Агапита упоминается «врачъ нѣкто, родомъ и вѣрою Армянинъ, хитръ зѣло въ врачеваніи, якоже прежде того не быти такому».

Вотъ, по нашему мнѣнію, путь, которымъ могло войти въ Арменію Русское «Сказаніе»; и вошло оно въ Малую Арменію, т. е. въ Киликію, во время господства здѣсь послѣдней Армянской династіи, а именно династіи Рубэнидовъ.

Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ насъ еще то обстоятельство, что послѣднюю свою редакцію Армянскія Минеи получили, вопервыхъ, въ Киликіи, какъ было сказано выше; а вовторыхъ, и слово *баронъ*, которое встрѣчаемъ въ Армянскомъ переводѣ «Сказанія» и которое впервыя является въ Армянской письменности и языкѣ въ этой странѣ съ появленіемъ въ ней крестоносцевъ (см. ниже *примѣч.* 17).

Остается сказать два слова о *другомъ* нижеслѣдующемъ сказаніи, а именно «О кончинѣ св. Ѳомы, епископа Енкрузовъ» (Руссовъ). Кто этотъ св. Ѳома, когда онъ жилъ и при какомъ князѣ, мы не могли уяснить себѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ тѣмъ труднѣе, что встрѣчающіяся въ Сказаніи немногія собственныя имена до того не опредѣленны, что не допускаютъ никакой догадки, кромѣ развѣ города *Кизлъ*, въ которомъ мы могли бы видѣть искаженное названіе *Кіева*. Затѣмъ, какъ самъ Ѳома, такъ и Римскій (Константинопольскій) патріархъ Александръ остаются для насъ загадкой, которую предлагаемъ на рѣшеніе нашихъ археологовъ.

Наконецъ возникаетъ естественный вопросъ: что служило источникомъ Армянскому «Сказанію о Романѣ и Давидѣ?»

По нашему мнѣнію, Русское сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Это послѣднее возникло, какъ извѣстно, между 1074 и 1113 годами и дошло до насъ въ двухъ спискахъ. Авторомъ одного изъ нихъ считается лѣтописецъ Несторъ, другаго — черноризецъ Іаковъ. По внимательномъ сличеніи Армянскаго «Сказанія о Романѣ и Давидѣ» съ помянутыми двумя списками, мы пришли къ заключенію, что первому служило источникомъ Сказаніе черноризца Іакова, у котораго подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ у Нестора, излагаются чудеса, совершенныя святыми князьями надъ недужными. Эта же подробность и обстоятельность, равно какъ и объемъ разсказа о каждомъ чудѣ и послѣдовательность, въ какой чудеса описываются одно за другимъ, замѣчаются и въ Армянскомъ Сказаніи. Въ этомъ могутъ убѣдиться сами читатели по сличеніямъ, которыя мы приводимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ изъ черноризца Іакова, по изданію ученаго академика Срезневскаго [8]).

При описаніи чудесъ Армянскій переводчикъ строго держится своего подлинника, чего нельзя сказать объ исторической его части, къ которой онъ относится довольно свободно и которую замѣняетъ незатѣйливымъ своимъ вступленіемъ, оставляя въ тоже время въ сторонѣ всѣ благочестивыя размышленія автора-черноризца.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать объ этихъ любопытныхъ *странствующихъ* сказаніяхъ, очутившихся въ средніе вѣка на страницахъ Армянскихъ Миней изъ Кіева въ Киликіи. Теперь предлагаемъ ихъ въ Русскомъ переводѣ вниманію нашихъ ученыхъ.

25 Ноября 1876 года.

Н. Эминъ.

---

[8]) Оба списка изданы въ С.-Петербургѣ въ 1860 году И. И. Срезневскимъ, который относитъ ихъ къ XIV вѣку.

Сказаніе о Давидѣ и Романѣ [1]).

(Армянскія Четіи Минеи. 8 Іюля).

Страна Енкрузовъ [2]) была въ невѣріи до воцаренія Греческаго Алексія [3]). Во дни его воцарился надъ народомъ Рузовъ [4]) (нѣкто) по имени П'раміосъ [5]), который увѣровалъ во Христа. Онъ принялъ крещеніе, и черезъ него вся страна приняла истинную вѣру Христову. Еще до обращенія царя [6]), у него родилось двѣнадцать сыновей отъ разныхъ женъ, между которыми онъ раздѣлилъ власть надъ страною. Давидъ и Романъ были отъ одной матери [7]). Они были благонравнѣе и благочестивѣе, чѣмъ ихъ братья. Какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ юношескомъ возрастѣ они заботились о будущей жизни,

---

[1]) Рѣчь идетъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ, въ святомъ крещеніи нареченныхъ: первый *Романомъ*, второй *Давидомъ*.

[2]) *Енкрузы*, *Рузы*. Подъ этими названіями разумѣются *Руссы*. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Армянскихъ лѣтописяхъ форма *Енкрузы* не встрѣчается: она является только въ приведенныхъ здѣсь двухъ Сказаніяхъ. Кромѣ формы *Рузъ*, обыкновенной у средневѣковыхъ Армянскихъ писателей, мы находимъ еще третью форму этого названія, а именно *Ерузъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что *Енкрузъ* Армянскихъ Чет. Миней образовалось изъ этой послѣдней формы со вставкою между начальной буквой и корнемъ, т. е. *Рузъ*, согласныхъ *нк*. Форму *Рузъ* мы находимъ у Моисея Кахакантуаци (X в.), Степаноса Таронскаго (XI в.), Вардана Великаго (XIII в.), Киракоса (XIII же в.) и другихъ.

[3]) Имя *Алексій* въ Византійской имперіи является со вступленіемъ на престолъ дома Комненовъ. Алексій I воцарился въ 1081 г., а Владиміръ святой скончался въ 1015 г. Явная путаница.

[4]) О *Рузахъ* см. примѣч. 2-е.

[5]) *П'раміосъ* или, какъ ниже пишется, *П'рамиросъ*, есть ничто иное какъ имя *Владиміръ* только въ искаженной формѣ. Стоитъ отбросить букву *п*'съ придыханіемъ и окончаніе *ос*, приставляемое обыкновенно Армянами къ иностраннымъ собственнымъ именамъ (какъ это было у нихъ въ древности), и мы получимъ *рамир*. Если прибавить къ началу послѣдняго остова букву *в*, да *р* замѣнить буквою *л*, то образуется *вламир*, близко граничащее съ именемъ *Владиміръ*.

[6]) Какъ здѣсь, такъ и въ продолженіи всего разсказа обоихъ Сказаній употребляется слово *царь*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть *великій князь*.

[7]) Показаніе о 12-ти сыновьяхъ вѣрно; вѣрно и то, что Борисъ и Глѣбъ были младшіе изъ сыновей Владиміра отъ одной матери, а именно Болгарыни Анны.

вслѣдствіе чего ихъ любили и отецъ и всѣ князья. Отецъ ихъ П'рамиросъ [8]) заболѣлъ. Народъ Питцаковъ [9]), узнавъ о томъ, сдѣлалъ набѣгъ на землю Рузовъ. Отецъ послалъ Романоса съ войсками противъ нихъ, а самъ преставился изъ сего міра съ доброй вѣрой во Христа.

Старшій изъ сыновей его (царя) Стаполкасъ [10]) случился при кончинѣ отца. Онъ былъ злаго нрава и завидовалъ успѣхамъ Романа и Давида. Когда Романъ возвратился изъ похода съ великой побѣдой, Стаполкасъ скрылъ отъ него кончину отца [11]): онъ измышлялъ, какъ бы погубить его, чтобы самому одному владѣть страною. Романъ же, услыхавъ о смерти отца, оплакивалъ ее. Войско [12]) открыло ему коварство брата, возбуждая его возстать на него; но онъ отвергалъ это изъ уваженія къ старшинству [13]), говоря: «мнѣ не надобенъ этотъ міръ, и я готовъ на смерть ради надежды на Христа».

И между тѣмъ, какъ онъ, поставивъ шатеръ, стоялъ подъ Кива-городомъ [14]), и священники въ его присутствіи совершали утренніе часы, вдругъ напали на него вооруженные воины, по приказанію беззаконнаго брата (его), Евстаполка [15]), и поразили мужественнаго Романоса [16]). А онъ, имѣя передъ собою икону съ изображе-

---

[8]) См. *примѣч.* 5-е.

[9]) *Питцаки*—Армянская форма имени *Печенѣгъ*. 'У Армянскаго лѣтописца Матѳея Едесскаго (XII в.) мы встрѣчаемъ это имя подъ формою *Патценк*, близко подходящею къ Греческой формѣ.

[10]) *Стаполкасъ*; изъ-подъ этой прозрачной формы ясно видно имя *Святополкъ* (I). Ниже, какъ мы увидимъ, оно сильнѣе искажается подъ перомъ переписчика, являясь *Евстаполк*'омъ.

[11]) ...И се вѣстникъ приде къ нему, сказая отцю ему смерть, како преставися отецъ его Василии: въ се бо имя быше нареченъ въ святомъ хрещеньи и како Святополкъ потаи смерть отьца своего»... (*Сказание* страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глѣба. Изданіе И. Срезневскаго. СПБ., 1860 г., стр. 43).

[12]) Подъ словомъ *войско* разумѣть должно *дружину*.

[13]) «И рѣша ему дружина: поиди сяди на столѣ отни, се бо вси вои въ руку твоею суть. Онъ же къ нимъ отвѣщеваше: не буди ми взяти руки на брата моего, еще же и на старѣйша мене, его же быхъ имѣлъ якы отца. Се слышавше вои разидошася отъ него, а самъ оста токмо съ отрокы своими. (Тамъ же, стр. 47).

[14]) *Кива*-городъ, *Кіевъ*-городъ.

[15]) См. *примѣч.* 10-е.

[16]) «Възбнувъ рано и виде, яко годъ есть оутрѣнии... рече къ прозвутеру: «встани, начни оутреню»... Послании же придоша отъ Святополка... и поступиша близъ. И слышаша блаженаго гласъ страстотерпца, поюща псалъмы заутрьняю. Бяже же ему вѣсть о убьении его. И начатъ пѣти: «Господи что ся умножишася стужащи ми, мнози въсташа на мя... и пр. Боязьни въ любви нѣсть, съвершеная бо любы выну измещетъ боязнь. Тѣмъ же, Владыко, душа моя въ руку Твоею выну, яко закона Твоего не забыхъ»... И яко оузьрѣста попинъ его и отрокъ же служаше ему, господина своего дряхла и печалию облиява суща, зѣло расплакастася и глаголаста: «Милыи наю гос-

ніемъ лика Господня, воззвалъ къ Нему и сказалъ: «Господи! страстно желаю къ Тебѣ, и хотя красота тѣла моего блекнетъ отъ меча, но душа моя стремится видѣть Тебя—мою радость. Ты Самъ вѣдаешь, Господи, что я умираю невинно по зависти (только), какъ Авель отъ Каина. Посѣти меня, Боже мститель, и не покидай меня изъ рукъ своихъ». (Воины) готовилися убить его, уже покрытаго ранами, когда онъ попросилъ ихъ дать ему время помолиться, и онъ сказалъ: «Господи, благодарю Тебя, избавляющаго меня отъ этой суетной жизни!» Окружающіе проливали слезы, лишаясь добраго своего князя и милаго *барона* [17]) своего, говоря: «о христолюбивый и благочестивый государь! почто ты возненавидѣлъ жизнь свою и предалъ смерти свой прекрасный образъ»?

Вмѣстѣ съ святымъ (княземъ) былъ убитъ также одинъ изъ его служителей [18]). Положили тѣло блаженнаго на телѣгу и повезли въ крѣпость Веселоратонъ [19]), пока онъ еще былъ живъ. Но тутъ подоспѣли другіе воины отъ беззаконнаго брата его Евстаполка и мечемъ раскрыли ему бокъ. За симъ онъ отдалъ Богу душу, какъ приношеніе благовоннаго ладона. И ввезли святое тѣло въ крѣпость и поставили въ церкви св. Василія [20]).

И (Евстаполкъ) послалъ къ брату Давиду (сказать): «отецъ зоветъ тебя» [21]). И когда этотъ подходилъ еще къ городу, узналъ о смерти отца и объ успеніи брата. Онъ горько заплакалъ, обращая жалобныя рѣчи къ брату: «Горе мнѣ, лишившемуся тебя, милый невин-

---

подине драгыи, колкои благости сподобленъ бысть, яко не въсхотѣ противитися брату своему любве ради Христовы»... и се рекъша оумилистася. (Тамъ же, стр. 48—50).

[17]) *Баронъ.* Мы съ намѣреніемъ удержали это слово въ нашемъ переводѣ: оно имѣетъ важное для насъ значеніе здѣсь, ибо присутствіемъ своимъ указываетъ на мѣсто редакціи Армянскаго Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, а именно на Киликію. Въ Киликіи оно вошло въ Армянскій языкъ и получило въ немъ право гражданства при владычествѣ въ ней династіи Рубэнидовъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Армянскіе владѣтельные князья приняли этотъ титулъ вмѣстѣ со многими западными титулами, каковы: *маршалъ*, *конетабль*, *сиръ* и пр. Слово *баронъ* здѣсь употреблено въ значеніи *господинъ*, *князь*. Послѣднихъ царей Грузинскихъ Армяне называли *баронами.* У нынѣшнихъ Армянъ оно употребляется въ смыслѣ monsieur.

[18]) «Видѣ же отрокъ его вержеся на тѣло его, рекши: «Да не останy тебе, господине мои драгыи; да идѣ же красота тѣла твоего оувядаетъ, ту азъ да сподобленъ буду съ тобою животъ свои скончати». Бяше же сь родомъ Оугринъ, именемъ же Георгии»... и пр. (См. тамъ же, стр. 50).

[19]) *Веселоратонъ*—это, конечно, *Вышгородъ.*

[20]) «Блаженаго же Бориса обертѣвше въ шатеръ, възложивъше на кола повезоша. И яко быша на бору, начатъ въскланяти святую свою главу. И се оувѣдѣвъ Святополкъ посла два Варяга, и прободоста и мечемъ въ сердце... И положиша тѣло его, принесъше таи. Вышгородѣ оу церкви святого Василія. въ земли погребоша и». (Тамъ же, стр. 52).

[21]) «И се на оумѣ си положивъ злыи свѣтникъ дияволь: посла по блаженаго Глѣба, рекъ: приди въ борзѣ, отець зоветъ тя и не здравить велми»... (Тамъ же, стр. 54).

ный братъ! Горе мнѣ! Какая горькая смерть заставила тебя покинуть сей міръ? Горе мнѣ! Какая неповинная смерть вынудила тебя оставить жизнь? Горе мнѣ, ибо прекрасный твой образъ, красивый твой станъ, могучая юность твоя покрылась землею! Но ты, братъ мой желанный, ты, какъ невинный, имѣешь дерзновеніе передъ Господомъ: моли Его сдѣлать меня участникомъ въ твоихъ страданіяхъ и въ твоей славѣ!» [22]).

Между тѣмъ какъ онъ проливалъ слезы, (сидя) въ ладьѣ, приближаясь по рѣкѣ (къ берегу), вышли ему на встрѣчу воины невѣрнаго брата его Евстаполка, схватили святаго и, когда онъ еще молился, отсѣкли ему голову: она была принесена Богу, какъ непорочная жертва [23]). И взявъ тѣло блаженнаго Давида, бросили его въ каменистое пустынное мѣсто. Но Богъ не скрылъ этого честнаго сокровища; ибо тѣло въ продолженіе многихъ лѣтъ оставалось неповрежденнымъ и нетронутымъ отъ хищныхъ звѣрей: свѣтовой столпъ являлся на томъ мѣстѣ и слышались ангельскіе голоса [24]).

Пастухи слышали (голоса), видѣли (свѣтовой столпъ), пришли разъ и разсказали (о видѣнномъ и слышанномъ): никто не обратилъ на то вниманія. Боялись коварнаго Евстаполка, ибо велико было его могущество. Однако долготерпѣніе Божіе возъимѣло (наконецъ) предѣлъ относительно того невѣрнаго: оно отмстило за кровь праведниковъ черезъ посредство благочестиваго ихъ брата, по имени Руславусъ [25]). Онъ, во главѣ многочисленнаго войска, пришелъ, сра-

---

[22]) «Присла Ярославъ къ Глѣбу, река: «Не ходи, брате, отець ти умерлъ, а братъ ти оубиенъ отъ Святополка». И си слышавъ блаженыи възопи плачемъ горькомъ и печалию сердечною. И сице глаголаше: «Оувы мнѣ... плачюся по отци, плачюся паче, зѣло очаявся, по тебѣ, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси! Како безъ милости прочи смерти предася! Како не отъ врага, но отъ своего брата пагубу восприялъ еси! Оувы мнѣ! Оуне бы ми съ тобою оумрети, неже оуединому и оусирену отъ тебе, въ семъ житии пожити. Азъ мняхъ лице твое оузрѣти аньгельское. Ти селика туча постиже мя... О милыи мои брате и господине, аще еси получилъ дерзновение оу Бога, моли о моемъ оуныньи, да быхъ и азъ сподобленъ былъ туже смерть прияти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнемь». (См. тамъ же, стр. 55).

[23]) «И сице ему стенющу и плачущу и слезами землю омачающу... присиѣша внезапу посланни отъ Святополка злыя его слугы... И яко быша равно пловуще, начаша скакати змия они въ ладию его, обнажены мечи имуща, въ рукахъ блещащася якы вода.... Тогда оканьныи Горясѣръ повелѣ и зарѣзати въ борзѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, иземь ножь и закла блаженаго, акы агня безлобиво... И принесеся Господеви жертва чиста, свята и благовоньна, и взиде въ небесныя обители къ Богу». (См. тамъ же, стр. 55—56, 58).

[24]) и [25]) «Оубьену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ, межю двѣма кладома, и Господь всегда не оставляетъ своихъ рабъ... И сему оубо святому лежащю долго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти, но показа овогда же свѣща горяща. И пакы пѣния ангельская слышаху мимоходящии гостие, и инии же ловы дѣюще и пасущи, иже слышаще и видяще, не бысть памяти ни единому же о взыскании тѣлеси свя-

зился съ коварнымъ братомъ, обратилъ его въ бѣгство, и онъ отъ (полученныхъ) ранъ околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ [26]).

И благочестивый Руславусъ, завладѣвъ страною, сталъ искать святыя мощи брата своего Давида. Онѣ были ему указаны. Пошли въ пустыню и тамъ нашли тѣло св. Давида, какъ бы спящаго. Взяли его при пѣніи псалмовъ и молитвъ, понесли и положили подлѣ брата его Романа. И Богъ далъ имъ силу чудотворенія. И новообращенная страна Рузовъ, благодаря многочисленнымъ чудесамъ, еще крѣпче утвердилась въ вѣрѣ во Христа [27]).

Разъ воины [28]) пришли въ церковь св. Василія молиться. Мощи блаженныхъ были еще подъ спудомъ. Одинъ изъ воиновъ неосторожно наступилъ на ихъ могилу. Тогда, по изволенію Божію, изъ могилы святыхъ блеснулъ огонь въ виду многихъ и опалилъ ноги того мужа, который съ небреженіемъ коснулся могилы святыхъ. Послѣ того всѣ подходили къ ней осторожно [29]).

Нѣсколько дней спустя послѣ этого чуда, сдѣлался пожаръ въ церкви св. Василія, гдѣ покоились мощи святыхъ, и братъ святыхъ,

---

того, дондеже Ярославъ, не терпя сего злаго убииства, движеся на братоубиица онаго оканьнаго Святополка». (См. тамъ же, стр. 59—60).

Упоминаемый въ Армянскомъ Сказаніи *Руславусъ* есть Ярославъ Нижегородскій.

[26]) «И приде Ярославъ на Святополка и побѣди и. И бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы» (см. тамъ же, стр. 63); слѣдовательно Святополкъ умираетъ въ чужой странѣ; изъ разсказа Армянскаго Сказанія мы заключаемъ другое, какъ будто онъ умеръ тутъ же отъ жестокихъ ранъ.

[27]) «И оттолѣ крамола преста въ Рустѣи земли, и Ярославъ прия всю власть земля Рускыя. И начать въпрашати о тѣлесѣ святою, како или гдѣ положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть, а о святѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдаху. Яко въ Смоленскѣ оубиенъ есть. И тогда съказаша Ярославу свои ему. яже слышаша отъ приходящихъ оттуду, како видѣша свѣтъ и свѣща въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ посла на взисканіи къ Смоленьску прозвутеры рекше: Ть есть мои братъ. И шедше обрѣтоша, идеже и бѣша видѣли и. И шедше съ кресты и съ честью и свѣщами мнозѣми и съ кандилы... и пришедше, положиша и Вышгородѣ, идеже лежитъ тѣло преблаженаго Бориса, и раскопавше землю и туже и положиша... Се же пречюдно и дивно, и памяти достойно, како и колико лѣтъ лежало тѣло святаго невређено пребысть, ни отъ коего плотоядця, ни бяше почерпѣло, яко же и обычаи имуть тѣлеса мертвыхъ, но свѣтло и красно и цѣло и благовонно имуще. Не можеть градъ укрытися верху горы стоя... тако и сия святая постави свѣтити въ мірѣ и премногыми чюдесы сияти въ Рустѣи странѣ, идеже много стражющихъ спасени бюваютъ». (См. *тамъ же*, стр. 64—66).

[28]) Рѣчь идетъ о *Варягахъ*-дружинникахъ, упоминаемыхъ въ Русскомъ Сказаніи. (См. тамъ же, стр. 71).

[29]) ...«Придоша бо единою Варязи близъ мѣста, идеже лежаста подъ землею погребена, и яко единъ въступи, въ томъ часѣ огнь ишедъ отъ гроба, зажьже нозѣ его... И оттолѣ начаша не смѣти близъ приходити. нъ съ страхомъ поклоняхуся». (См. тамъ же, стр. 71).

Руславусъ, въ сопровожденіи многихъ священниковъ пришли и открыли могилу святыхъ, и увидѣли ихъ нетлѣнными, съ сіяющими лицами, какъ бы (покоящимися) во снѣ. Взяли ихъ, перенесли въ другую малую часовню, недалеко отъ церкви и положили на возвышенномъ мѣстѣ [30]).

Нѣкто по имени Мироне [31]), имѣвшій изсохшія ноги, опираясь на посохъ, съ вѣрою пошелъ къ мощамъ святыхъ [32]). Святые явились ему въ видѣніи и сказали: «Мироне! Чего ты ищешь»? Тотъ, указавъ на свои ноги, сказалъ: «Государи мои! исцѣленія ногъ моихъ». Святые осѣнили ихъ крестнымъ знаменіемъ. Тотъ проснулся исцѣленнымъ, бѣгалъ въ радости, говоря: «я видѣлъ святыхъ исповѣдниковъ вмѣстѣ съ Георгіемъ и горящія передъ ними лампады [33]).

Какой-то слѣпой, услыхавъ это, пошелъ ко гробу святыхъ, коснулся глазами гроба и тотчасъ прозрѣлъ [34]).

Когда государь услыхалъ о великихъ чудесахъ, совершаемыхъ его братьями, то построилъ красивую церковь о пяти [35]) главахъ во имя

---

[30]) «И по сихъ по малѣ днии възгорѣся церкы святого Василия... Повѣдаша же Ярославу о всемъ семь. Тъ призвалъ митрополита Иоана, сказа ему о святою мученику брату своею... и шедъ отъ князя, събере клиросъ и все попавьство, и повелѣ поити въ похрьстьхъ Вышегороду. И поидоша до мѣста идеже лежаста святая; бѣ же съ ними и Ярославъ князь... И приступи митрополитъ Иоанъ съ прозвутеры, съ страхомъ и любовию; откры гробъ святою, ти видѣша чюдо преславно, телеси святою никакои же язвы имуща, но присно всецѣло и лица свѣтьлѣи бяста акы ангела... И несъша въ ту храмину, яже бяше поставлено на мѣстѣ погорѣвъши церкви. (См. тамъ же, стр. 71—72).

[31]) *Мироне* этотъ есть *Миронѣгъ* Русскаго Сказанія.

[32]) Здѣсь Миронѣгъ самъ представляется съ сухими ногами, между тѣмъ какъ въ Русскомъ Сказаніи говорится о *сынѣ* Миронѣга, у котораго сухія и скорченныя были ноги (см. у г. Срезневскаго стр. 73).

[33]) ...«И пришедъ (отрокъ) къ святыма, падъ ко гробу святою, молися Богу и святыма, исцѣления прося отъ святою. И прѣбваше день и нощь моляся съ слезами. И въ едину нощь явистася ему святая страстотерпца Христова Романъ и Давидъ, и глаголаста: Что въпиеши къ нама, оному же показующю ногу, исцѣления просящю, и смъша ногу сухую, прекрестиста ю трижды. И оубужься отъ сна видѣся съдравъ, и въскочи славя Бога и святою, исповѣда всѣмъ, како исцѣлиста и, и повѣдаше яко съ нима видѣвъ Георгия, оного отрока святого Бориса, ходяща съ нима и носяща свѣщю. И видѣвше людие таковое чюдо, прославиша Бога о бывшемъ» (См. тамъ же стр. 73). Въ Армянскомъ Сказаніи не говорится, что «Георгій шелъ съ ними, неся свѣчу», а «я видѣлъ святыхъ исповѣдниковъ вмѣстѣ съ Георгіемъ и горящія передъ ними лампады».

[34]) «Мужъ нѣкто бѣ слѣпъ. Пришьдъ паде оу гробу святою, и цѣловавъ любезно, очи прикладая, исцѣления просяще. И абие прозрѣ. И вси прославиша Бога и святою мученику» (см. тамъ же, стр. 73).

[35]) ...«Церковь *о пяти* главахъ»... Въ Армянскомъ Сказаніи стоитъ: «*о семи* главахъ»: явная ошибка переписчика, поставившаго *седьмую* букву Армянскаго алфавита вмѣсто *пятой*, которыя буквы въ письмѣ мало отлича-

святыхъ, куда были перенесены честныя ихъ мощи. Постановлено было праздновать ихъ память каждогодно 8-го Іюля [36]).

Въ день освященія церкви, когда праздновалась память святыхъ, во время обѣдни, какой-то разслабленный приползъ ко гробу и обрѣлъ исцѣленіе, чему свидѣтелемъ былъ государь и всѣ присутствовавшіе. Всѣ единогласно прославляли Бога, который являлъ чудеса на святыхъ своихъ [37]).

Одинъ нѣмой, разслабленный, лишенный пятокъ, пришедъ упалъ у храма святыхъ. Въ праздникъ святыхъ онъ приблизился къ дверямъ, гдѣ служили молебенъ въ честь святыхъ, но не обрѣлъ милости. Опечаленный онъ тутъ же заснулъ. И видитъ онъ во снѣ себя какъ бы въ церкви и святыхъ исповѣдниковъ, которые, вышедъ изъ алтаря, осѣняли крестнымъ знаменіемъ уста его и ноги. Стоявшіе вокругъ люди видѣли, въ какомъ онъ былъ ужасѣ отъ видѣнія, и думали, не бѣсовское ли то навожденіе. Они сжалились надъ нимъ, и потому подняли его и понесли какъ мертваго въ церковь святыхъ въ надеждѣ быть свидѣтелями чуда. Тогда на глазахъ всѣхъ дѣйствительно совершилось чудо; ибо видно было, какъ изъ разслабленнаго безчувственнаго колѣна выростала ступня, а затѣмъ и пята, какъ у новорожденнаго дитяти. И не болѣе какъ въ часъ времени нога дошла до размѣра ноги взрослаго человѣка. Тутъ проснулся человѣкъ тотъ и, пришедъ въ себя, тотчасъ разсказалъ видѣніе. И всѣ въ удивленіи Богу воздавали славу [38]).

ются одна отъ другой по своему начертанію. Въ нашемъ переводѣ мы исправили эту описку.

[36]) «Тогда Миронѣгъ повѣда князю обѣ чюдѣ... И възгради церковь велику, имѣющю верховъ пять, исписа всю, и оукраси ю всею красотою. И шедше съ хрьсты Іоанъ митрополитъ, князь Ярославъ, и все попавьство и люди. и прѣнесоша святая, и церковь освятиша. И оуставиша праздникъ праздьновати мѣсяца иоуля въ кд. въ ньже день оубиенъ преблаженныи Борисъ. Въ тъ же день церквы освящена, и прѣнесена быста святая» (Тамъ же, стр. 73—74).

[37]) «И еще сущемъ въ церкви на святѣи литургии и князю и митрополиту, и бѣ человѣкъ ту хромъ, и придеползая мьногомъ трудомъ, и приде въ церковь, моляшеся Богу и святыма. И абие оутвердистася нозѣ ему благодатью Божіею и молитвою святою. И воставъ ходяше предъ всѣми. И то чюдо видѣвше, самъ благовѣрный князь Ярославъ, и митрополитъ и всѣ людие, хвалу въздаша Богови и святымъ» (Тамъ же, стр. 74).

[38]) «Бяше нѣкоторыи человѣкъ нѣмъ и хромъ. и оуята бѣ ему нога по колѣно, и съдѣлавъ ногу деревяную, и хожаше на неи, и пребываше оу церкви святою, съ инѣми оубогыми, приемля требование отъ хрьстиянъ, еже кто подаваше ему: овъ ризу, инъ же елико хотяше. И бяше человѣкъ Вышгородѣ старѣи огородьникъмъ, зовемь бяше Жьдань по мирьскому, а въ крещении Никола. И творяше праздьньство святому Николѣ по вся лѣта. Въ единъ же отъ днии сице ему творящю, и идоша тамо оубозии, идежъ и онъ хромець чаяше нѣчто взяти. И вшедъ домъ тъ, сѣдяше предъ храминою. По приключаю же не подаша ему ни ясти, ни пити, и пребысть алченъ и жаденъ. И абие бысть внезапу въ иступлении и видѣ видѣніе. И мняшеся оумомъ сѣдя оу церквы святаго. И оузрѣ святая Бориса и Глѣба исходяща акы изъ

Въ другомъ городѣ той же страны Рузовъ былъ слѣпой, который каждый день ходилъ въ храмъ св. Георгія, съ вѣрою прося исцѣленія. Св. Георгій явился ему въ видѣніи и сказалъ: «Человѣкъ! о чемъ ты молишь меня? Развѣ ты не знаешь, что Богъ далъ силу чудотворенія свв. Роману и Давиду?» Проснувшись, онъ немедленно отправился въ храмъ святыхъ, и когда онъ съ вѣрою приблизился ко гробу блаженныхъ, мгновенно прозрѣлъ [39]).

Много другихъ совершено чудесъ этими святыми, и они записаны въ пространной ихъ *исторіи* [40]). Чудеса совершаются ими и понынѣ.

Многіе изъ нашей страны (т. е. Арменіи), видѣвшіе эти чудеса, разсказывали намъ [41]). Новообращенную страну Рузовъ посредствомъ многоразличныхъ чудесъ утвердилъ Богъ въ познаніи истинной вѣры. Ибо оба родные брата—Романосъ и Давидъ, какъ свѣти-

---

олтаря и идуща къ нему, онъ же паде ниць. И имше и святая за руку, акы посадиста, и начаста глаголати о исцѣлении его; и потомъ прехрьстоста оуста его, имьша ногу его вредьную, и акы масломъ помазающе, протягаста колѣно его. И то все недужныи акы во снѣ видяше, бѣ бо палъ ниць въ дому томъ. Люди видѣвъше и тако падьша, обращахуть и сѣмо и овамо; онъ же лежаше акы мертвъ и не могы двигнути оусты и очима. Токмо душа его въ немъ бяше, и сердце кьчаше въ немъ. И вси мняху, яко поразилъ и есть бѣсъ, вземше несоша, и положиша оу церквы святою предъ двермя. И мнози людие стояху около зряще, и дивяшеся видѣти чюдо преславно, яко явися изъ колѣна нога, акы младу дѣтищю, и начатъ расти и дондеже бысть акы и другая; не на мнозѣ бо си времени, но въ единъ часъ. И видѣвше обрѣтъшеися ту прославиша Бога и Его оугодника мученика Романа и Давида. И купно възопиша глаголюще: Кто възглаголетъ силы Господня и слышаны сотворитъ вся хвалы Его? И паки: Дивенъ Богъ творяи чюдеса единъ». (Тамъ же, стр. 77—78).

[39]) «Паки нѣгдѣ бяше въ градѣ человѣкъ слѣпъ, приходяи къ церкви святого Георгия, молящеся святому Георгию, и просяше дабы прозрѣлъ. И сице ему творящю, въ едину нощь спящу ему, явися ему святыи мученикъ Георгии, глаголя къ нему: что вопиши ко мнѣ человѣче, но аще прозрѣния требуеши, то азъ ти повѣдѣ, иди ко святыма Борисови и Глѣбови; и та ти имата дати видѣние, аще хощета, его же ты требуеши; тѣма бо дана есть благодать отъ Бога, въ странѣ земля Руския, прощати и исцѣляти всяку страсть и недугы. И си видѣвъ и слышавъ, въспрянувъ отъ сна, пути ся ятъ, яко же повелѣно ему бысть. И пришедъ прѣбываше оу церкви святою мученику днии нѣколко припадая моля святая, дондеже бысть ему посѣщение. И прозрѣ, и бысть видя, славя Бога и святая мученика, яко приятъ съдравие» (Тамъ же, стр. 80).

[40]) *Исторія.* Здѣсь употреблено въ значеніи *Сказаніе.*—Армянскому любознательному путешественнику, какъ видно изъ этихъ немногихъ его словъ, извѣстны были не тѣ только чудеса, которыя приведены имъ въ своемъ Сказаніи, но и «*тѣ многія, кои записаны въ пространномъ Сказаніи Русскомъ*»: онъ только «разсказалъ и изложилъ немногое изъ многаго», какъ онъ самъ выражается черезъ нѣсколько строкъ.

[41]) О посѣщеніи Армянъ Кіева и вообще южной Россіи въ древности см. выше въ нашемъ *введеніи.*

ла, распространили между Рузами лучи богопочитанія, благодаря чудесамъ, многоязычная молва о которыхъ шла всюду. Мы здѣсь разсказали и изложили немногое изъ многаго.

Послѣ Руславуса воцарились сыновья его, Баладима и Мономахъ [12]), которые еще бóльшимъ, чѣмъ ихъ отецъ, почтеніемъ окружили святыхъ: украсили ихъ гробъ серебромъ и золотомъ, жемчугами и драгоцѣнными каменями [13]). Храмъ же былъ возобновленъ въ болѣе великолѣпномъ видѣ [14]) въ лѣто Армянскаго лѣтосчисленія 621-е [15]).

Всѣ Рузы съ большимъ торжествомъ празднуютъ память ихъ (т. е. свв. Романа и Давида), и не одинъ разъ въ году. Во время каждаго празднованія обильно изливается благодать исцѣленія отъ разныхъ недуговъ, во славу Христа Бога нашего.

Кончина святаго Ѳомы, епископа Енкрузовъ [1]).

9-ю Іюля.

Святой Ѳома [2]) по Божіему указанію былъ избранъ въ епископы и сѣлъ въ царствующемъ городѣ Кизлѣ [3]). Онъ былъ (мужъ) цѣломудренный и воздержный, украшенный всѣми добродѣтелями, строгій блюститель божественнаго закона. Царь [4]) Енкрузовъ не ходилъ по волѣ Божіей: ко многимъ беззаконіямъ своимъ прибавилъ онъ еще прелюбодѣяніе, ибо, оставивъ святое супружество, предавался разнообразному разврату. Онъ возъимѣлъ даже желаніе посадить на престолъ царства сына, прижитаго въ прелюбодѣяніи. Противъ этого возсталъ истинный первосвященникъ Ѳома и не далъ помазанія сыну отъ блудницы. Царь, разгнѣванный на это, созвалъ всѣхъ еписко-

---

[12]) Здѣсь опять путаница въ собственныхъ именахъ. Ярославъ I былъ дѣдъ Владиміра-Мономаха, а не отецъ; отцемъ же послѣдняго былъ Всеволодъ I. Простодушный переписчикъ изъ *Владиміра-Мономаха* сдѣлалъ *Баладимъ и Мономахъ*—два лица, и принялъ ихъ за сыновей Ярослава.

[13]) Въ Русскомъ Сказаніи о Мономахѣ говорится: «И сь оубо многую любовь имѣя къ святыма, и много приношение творяше къ святыма, таче и сице оумысли старити да окуеть сребромъ и златомъ святѣи рацѣ честьною мученику... (см. тамъ же, стр. 84 и далѣе).

[14]) О построеніи храма и о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба (см. тамъ же, стр. 86—87).

[15]) 621-й годъ Армянскаго лѣтосчисленія соотвѣтствуетъ 1173 году, что невѣрно, ибо перенесеніе мощей святыхъ было много прежде этого.

*

[1]) См. примѣч. 2-е къ предыдущему Сказанію.

[2]) Мы не могли добраться, кто этотъ Ѳома.

[3]) Городъ *Кизлъ*, вѣроятно, *Кіевъ*: названіе это исказилось подъ перомъ переписчиковъ.

[4]) Кто этотъ царь, мудрено опредѣлить.

повъ своего государства внѣ соборной церкви, безъ согласія архіепископа Ѳомы, и приказалъ помазать сына рабыни на царство. Послѣ этого (царь) далъ повелѣніе прекратить отпускъ положеннаго содержанія въ пользу церкви. Тогда блаженный епископъ Ѳома отправился въ Римъ [5]) къ патріарху Александру [6]) и разсказалъ ему обо всѣхъ поступкахъ царя. И онъ (т. е. патріархъ) далъ Ѳомѣ право наложить запрещеніе по всей странѣ. По возвращеніи отъ патріарха, онъ заперъ двери всѣхъ церквей и запретилъ всѣмъ іереямъ священнодѣйствовать по причинѣ беззаконія царя; самъ же Ѳома печалился, какъ въ древности Самуилъ о Саулѣ. Не смотря на то, царь не раскаявался и въ продолженіи цѣлаго года упорствовалъ въ непокорности епископу. Наконецъ, онъ убѣдился въ бѣдствіяхъ, посѣтившихъ страну вслѣдствіе наложеннаго епископомъ запрещенія: служба церковная всюду была пріостановлена, дѣти оставались некрещеными, умершіе не удостоивались законнаго погребенія. Тогда царь, вмѣсто того, чтобы принести раскаяніе, еще болѣе воспламенился гнѣвомъ и сказалъ своимъ князьямъ: «отчего вы не отомстите за меня этому человѣку, причинившему столько бѣдствій моему государству?» Тогда вооружились четверо изъ служителей и съ оружіемъ въ рукахъ устремились къ архіерейскому дому, проникли въ церковь, гдѣ нашли блаженнаго въ самый часъ св. жертвоприношенія передъ священнымъ алтаремъ, съ распростертыми руками, и сказали: «сними наложенное тобою запрещеніе со всей моей страны», говоритъ нашъ государь. На это епископъ: «пусть царь подставитъ выю свою подъ ярмо закона Божія, тогда Самъ Богъ освободитъ эту страну отъ наложеннаго мною запрета». Они же, обнаживъ мечи свои, сказали: «если ты не согласишься, то будешь пораженъ этими мечами». Епископъ сказалъ: «въ объятіяхъ матери всего приличнѣе умертвить младенца, и я готовъ умереть за свой законъ». Одинъ изъ нихъ поднялъ на него мечъ и отсѣкъ епископу голову, когда онъ, наклонившись надъ алтаремъ, молился. При этомъ одинъ изъ діаконовъ протянулъ руку (подъ ударъ), желая защитить епископа; но ударъ былъ повторенъ, и отпала рука его вмѣстѣ съ головою св. епископа жертвою, угодною Богу. Служители же немедленно возвратились къ царю. И пока металось честное тѣло въ священной крови, изъ двухъ слѣпыхъ, стоявшихъ въ оградѣ церкви и узнавшихъ объ умерщвленіи епископа, одинъ поспѣшно вбѣжалъ въ церковь и съ вѣрою, взявъ отъ той крови, помазалъ себѣ ею глаза съ призываніемъ имени Божія, и тотчасъ прозрѣлъ. Діаконъ, у котораго рука была отсѣчена мечемъ, со слезами на глазахъ приступилъ къ крови епископа, приблизилъ къ ней отсѣченную свою длань, и тотчасъ она присоединилась. Молва объ этомъ распространилась по городу. Приходили многіе недужные, и каждый изъ нихъ получалъ исцѣленіе.

Но царь, когда услыхалъ о чудесахъ, раскаялся и приказалъ, чтобы всѣ епископы страны, собравшись, предали землѣ блаженнаго съ почестями. Равнымъ образомъ раскаяніе взяло и убійцъ, которые оплакивали свое несчастіе. И епископы и священники съ великимъ

---

[5]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о *новомъ Римѣ*, т. е. Константинополѣ.

[6]) Мы не могли уяснить себѣ, кто такой этотъ патріархъ Александръ, и когда онъ жилъ.

торжествомъ положили св. мученика, епископа Өому, въ мѣстѣ его кончины—подъ священнымъ алтаремъ.

Царь послалъ дорогія, шелковыя ткани, приказавъ покрыть ими гробъ и просить (у св. мученика) прощенія. Едва настлали шелковыя ткани надъ могилой, какъ онѣ мгновенно слетѣли съ гроба, разодравшись на мелкіе куски. Видя это, многіе, объятые великимъ страхомъ, были поражены глубоко. Царь, узнавъ о томъ, пришелъ въ ужасъ, отрекся отъ всѣхъ своихъ злодѣяній и не переставалъ оплакивать себя.

Наконецъ онъ поѣхалъ въ Римъ къ патріарху, который наложилъ на него тяжкую епитимію, послѣ чего удостоились причащенія какъ онъ, такъ и все его государство, во славу Христа Бога нашего.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XXI.

Последніе месяцы жизни.—Предсмертная болезнь и кончина.

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ убѣжденію, что для сбереженія остатка силъ непремѣнно должно разстаться съ служебными занятіями. Обратиться съ просьбою объ увольненіи прямо къ Государю было не особенно ловко, послѣ множества полученныхъ отъ него милостей. Чрезъ постороннее же лицо просить увольненія, безъ предварительной подготовки къ этому впечатлительнаго Императора, было столько-же опасно. Опытный князь-канцлеръ и въ настоящемъ случаѣ поступилъ вполнѣ дипломатически. Въ описываемое время особенно близкимъ къ императору Павлу царедворцемъ былъ и особеннымъ его довѣріемъ пользовался князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Къ нему Безбородко, около 10 Декабря 1798 г. [1]), и обратился съ письмомъ, которое можно назвать второю исповѣдью князя Безбородки, если первою считать ту, которую онъ представилъ покойной Екатеринѣ въ трудные дни своего ослабѣвшаго значенія при дворѣ. И эта исповѣдь вполнѣ характеризуетъ прекрасныя качества князя Безбородки, какъ сановника и человѣка. «Давно не имѣлъ я чести васъ видѣть и для того дозвольте обременить васъ письмомъ, прибѣгая къ дружеской вашей помощи въ такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ спокойство и благосостояніе мое въ самой высшей степени. Вы мнѣ отдадите справедливость, что я, хотя мало имѣлъ способовъ и случаевъ, но никогда не уклонялся тамъ, гдѣ могъ, друзьямъ своимъ сдѣлать что-либо угодное. Поступите и со мною такимъ же образомъ, какъ я всегда отъ добраго сердца вашего надѣялся. Никогда я не скрывалъ предъ вами моего желанія, еще при жизни покойной Государыни существовавшаго, чтобъ остатокъ дней моихъ прожить въ Москвѣ спокойно. Смерть ея, застигшая (меня) въ тяжкой болѣзни, поставила меня въ иное положеніе. Государю угодно было, чтобъ я остался при немъ. Я повиновался волѣ его; онъ осыпалъ меня преизбыточно почестями и щедротами. Ласкалъ я себя, что хотя нѣсколько могу ихъ заслужить моими трудами, но вижу крайнюю свою къ тому неспособность. Два года протекшіе были для меня исполнены болѣзней. Лѣченіе нынѣшняго года разслабило меня до самой крайности, такъ что, вѣрьте—ибо я не привыкъ вещей черными видѣть—ощущаю я часто такіе

*) См. выше стр. 198.

[1]) Князь Лопухинъ помѣтилъ письмо Безбородки 10-мъ Декабря.

симптомы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростію работы и понятіемъ награждалъ я прежде природную лѣнь свою; но теперь природное только и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ исчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться, что, работая иногда длинныя пьесы, впадаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковые, по преданіямъ Жилблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется, что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣйшаго климата и лѣченіе у водъ могли-бы еще поддержать безвременную старость, не по лѣтамъ, но по дѣламъ меня постигшую? Пускай сіе почтете и воображеніемъ; но простительно человѣку, для сохраненія своего, отвѣдать разные опыты. Для сего намѣренъ я принести Его Величеству формальную просьбу, а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выѣхать на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно, я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія: и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставляйте отдалять всякія непріятности, которыя клеветами злыхъ людей (на томъ и счастіе свое основывающихъ) или воображеніемъ противъ меня, наилѣнивѣйшаго, преспокойнѣйшаго въ свѣтѣ существа, воздвигнуты быть могутъ. Но между тѣмъ, покуда сей рѣшительный шагъ учиню, намѣренъ я попроситься на мѣсяцъ въ Москву, для учрежденія своихъ домашнихъ дѣлъ. Возвратяся, примусь за васъ во всей силѣ, уповая, что вы не упустите случая заранѣе сдѣлать въ мою пользу внушеніе и пріуготовить, чтобы мое желаніе скорѣе и какъ лучше сбылось, и чтобъ я вамъ по конецъ дней моихъ покоемъ и удовольствіемъ обязанъ былъ. Не подумайте, чтобъ я имѣлъ тутъ причины какого либо неудовольствія на одного или другаго человѣка. Я привыкъ всегда себя и должность поставлять въ зависимость отъ одного Государя, а конечно выше всякой посторонней инфлюенціи. Нѣтъ иныхъ причинъ моему исканію, кромѣ сказанныхъ выше, и у меня одно правило: коль скоро чувствую, что я для службы не могу полезнымъ быть, оставить ее; а не такъ какъ многіе, что Богъ ихъ и не сдѣлалъ прочными для службы, да они тутъ свои выгоды находятъ, такъ ея и держатся, не заботясь ни о славѣ государства, ни о его пользѣ, и ни о чемъ, что на насъ налагаетъ долгъ сыновъ Отечества. Ввѣряя вамъ жребій свой, я ласкаю себя имѣть удовольстіе васъ видѣть и на досугѣ о сей-же матеріи побесѣдовать, но заевременно прошу васъ и дружбою заклинаю никакихъ не употреблять способовъ къ отвращенію меня отъ принятаго намѣренія, исповѣдуясь предъ вами, что если я не достигну того заслуженнымъ мною образомъ, то, хотя и съ неудовольствіемъ, выдти изъ службы предпочту дальнѣйшему въ ней пребыванію. Вѣрьте, впрочемъ, моей къ вамъ привязанности, и что я въ вашемъ и всего дома вашего добрѣ приму искреннее участіе» [2]).

Получивъ увольненіе на мѣсяцъ, Безбородко, въ концѣ Декабря, уѣхалъ въ Москву.

---

[2]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей 1863 года, книга 3.

Намекъ на другихъ, употребленный Безбородкою въ приведенномъ письмѣ къ Лопухину, имѣлъ значеніе. Онъ объясняется въ письмѣ графа Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 22 Декабря 1798 г. «Князь Безбородко уѣхалъ вчера въ Москву. Онъ предполагаетъ пробыть тамъ до 20 Января. Это его конекъ, и вы знаете, какъ онъ пристрастенъ къ мелочамъ. Кочубей управляетъ Коллегіею въ его отсутствіе. Такъ какъ Безбородкѣ болѣе нечего желать, а лѣнь имъ овладѣваетъ: то, для благовиднаго предлога, онъ прикидывается недовольнымъ, говоря, что пришлетъ изъ Москвы письмо съ просьбою объ отставкѣ, или подастъ такую просьбу по возвращеніи сюда. Не думаю, чтобъ его намѣреніе было окончательнымъ; ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, не дозволяющую оставленія службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ. Ему хотѣлось-бы, чтобъ Императоръ либо не принялъ его просьбы, либо вновь призвалъ его торжественно, по миновании нѣкотораго времени. Но какъ въ просвѣщенной публикѣ всему находятъ причины, то все это мнимое неудовольствіе князя Безбородки взвалили на меня, приписывая мнѣ виды на должность вице-канцлера, канцлера и прочее» [3]).

Не придавая значенія послѣднимъ замѣчаніямъ графа Ростопчина, очевидно увлекшагося не въ мѣру и навязывающаго Безбородкѣ свои предположенія, обращаемся къ разсказу. Предпринятая поѣздка въ Москву произвела весьма пагубное вліяніе на разстроенное здоровье канцлера. 7 Января 1799 г. онъ такъ говоритъ въ письмѣ изъ Москвы къ гр. П. В. Завадовскому [4]): «По искренней моей къ вамъ и всему дому вашему привязанности, вы, конечно, увѣрены, что я весьма обрадованъ былъ извѣстіями о милостяхъ государскихъ, наканунѣ новаго года вамъ и Катеринѣ Николаевнѣ (женѣ Завадовскаго) оказанныхъ. Продолженіе вашего благосостоянія и преуспѣваніе во всемъ по желаніямъ вашимъ будутъ всегда служить къ крайнему для меня удовольствію. Болѣзненные мои припадки продолжаются во всей силѣ и отъ часу болѣе и убѣдительнѣе мнѣ предвѣщаютъ весьма неотдаленное совершенное мое разрушеніе. Не смотря на все, 16-го въ вечеру или 18-го по утру, выѣду отсюда и надѣюся въ пять дней васъ увидѣть. Настоящая моя поѣздка непохожа на прежнія, хотя у себя и принимаю людей. Я привыкъ съ вами говорить чистосердечно и потому не могу скрыть сожалѣнія объ отставкѣ графа Разумовскаго, которая для службы есть большая потеря. Я не великаго мнѣнія о его моральныхъ качествахъ, но способностей его не замѣнитъ г. Колычевъ. Послѣдняя, отправленная къ нему, экспедиція, конечно бы исправила его, если онъ иногда казался приверженнымъ системѣ двора Вѣнскаго. Если же бы и угодно было перемѣнить его, то никто не могъ быть лучше, какъ графъ Марковъ, который, при большихъ знаніяхъ, умѣлъ-бы удержать и честь, и интересы двора, да и, въ случаѣ нужды, Тугуту, Колоредо и всѣмъ спѣсивымъ Вѣнцамъ сдѣлать хорошее поученіе. Все-же лучше нынѣшняго посла былъ-бы и графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Богъ ему проститъ, что онъ меня не жалуетъ и много мнѣ надѣлалъ неприличныхъ досадъ; но я, гдѣ идетъ дѣло о публичномъ, свое отлагаю въ сторону и считаю, что у двора мелочныя его интриги не годятся; а уѣз-

[3]) Р. Архивъ, 1876, III, 90. [4]) Авторъ ошибается, думая, что письмо это писано къ Завадовскому, коего супругу звали Вѣрою, а не Екатериною Николаевною: это имя княгини Лопухиной. П. Б.

жай онъ, дѣла не испортитъ, смотря за дѣлами, хотя пускай, по слову его, *творитъ сплетни между бабими Нѣмецкими и имъ подобнымми.* Прошу все сіе сохранить для себя, ибо я не мыслю говоренья противъ сдѣланнаго». Въ заключеніи письма Безбородко «въ милость Завадовскому поручаетъ нѣкоего Пятскаго и проситъ «пособить ему въ исканіи» [5]).

По пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Безбородко, 1 Февраля, писалъ матери: «Недѣля уже тому, что я благополучно возвратился изъ Москвы, не смотря на жестокую стужу и еще несовсѣмъ оправившееся мое здоровье. Отъ сильныхъ морозовъ сидимъ всѣ запершися, такъ что я, кромѣ одного раза во дворецъ, никуда еще не могъ выѣхать. Графъ Андрей Ильичъ вчера, по особливой Его Императорскаго Величества милости, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ Воскресенье представленъ онъ будетъ благодарить. Для успѣшнѣйшаго ученія и лучшаго воспитанія располагаюся я отправить его въ Вѣну, гдѣ онъ, считаяся при посольствѣ, останется года три, а тамъ примется за службу».

Отличая и жалуя всю родню Безбородки, Государь не забылъ и удрученнаго болѣзнями своего канцлера: 18 Февраля 1799 года, указомъ Кабинету, повелѣвалось отпустить пожалованныя ему 100.000 рублей [6]).

Въ Воскресенье, 20 Февраля, не смотря на сильнѣйшую боль въ ногахъ, князь Безбородко явился во дворецъ и участвовалъ въ церемоніи обрученія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ [7]); а при отъѣздѣ домой вручилъ князю Лопухину свою просьбу объ отставкѣ (написанную, какъ я слышалъ, въ Москвѣ, въ присутствіи графа Александра Романовича Воронцова), при чемъ со слезами молилъ князя сейчасъ-же поднесть ее Императору.

Изложивъ свою дѣятельность при Екатеринѣ [8]), Безбородко такъ описываетъ свои труды при императорѣ Павлѣ: «При самой кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы, угодно было Вашему Императорскому Величеству употребить меня не только по департаменту, гдѣ я находился, но и по другимъ дѣламъ. Возведя меня на первую степень чиновъ государственныхъ, щедроты ваши упредили мои заслуги. Краткость времени и болѣзненные припадки, коими одержанъ я былъ въ послѣднее время прошедшаго царствованія, соединяясь съ усиліями, которыя я при семъ случаѣ дѣлать быть долженъ, совершенно разстроили мое здоровье; но если силы, время и обстоятельства не дозволяли мнѣ заслужить столь великія монаршія милости, ревность моя не оставалася въ тунѣ. Въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и разныхъ казенныхъ распоряженіяхъ, какъ Вашему Величеству извѣстно, имѣлъ я немалое участіе. Всѣ, учиненныя отъ меня, представленія по дѣламъ политическимъ и другимъ были чужды всякихъ иныхъ уваженій, кромѣ вашей славы и пользы. Охотно продолжалъ-бы я усердную мою службу, если-бы тѣлесныя

---

[5]) Съ подлинника, въ собраніи автографовъ Румянцевскаго Музея.

[6]) Подлинникъ въ Кабинетѣ Е. И. В., въ книгахъ именныхъ указовъ за 1799 г., № 38.

[7]) СПб. Вѣдомости 1799 года 25 Февраля 1799 г. № 16.

[8]) Эта часть, изложенная Безбородкою въ просьбѣ объ отставкѣ, была приведена мною въ предъидущихъ главахъ, гдѣ требовали обстоятельства дѣла.

немощи, произведя въ дѣйство ихъ и надъ душевными дарованіями, не ослабили до крайности память и другія способности, къ доброму и успѣшному дѣлъ производству необходимо-нужныя. Въ таковомъ положеніи дерзаю прибѣгнуть къ тому-же самому великодушію, съ каковымъ благоволили вы взыскать меня не по мѣрѣ службы моей и, повергая себя къ священнѣйшимъ стопамъ вашимъ, прошу всеподданнѣйше, дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было меня, по болѣзненному состоянію, уволить отъ всѣхъ дѣлъ и для пользованія здоровья моего всемилостивѣйше дозволить отлучиться въ чужіе краи» [9]).

Была-ли просьба Безбородки объ отставкѣ поднесена Павлу, документально неизвѣстно. Мнѣ разсказывали, что была. Въ такомъ случаѣ можно справедливо думать, что Императоръ, жалѣя разстаться съ своимъ канцлеромъ, или догадываясь по внѣшнему виду князя о скорой его смерти, медлилъ исполненіемъ его желанія. Между тѣмъ, быстро развивавшаяся болѣзнь не позволила Безбородкѣ ѣхать за границу, куда его готовился провожать племянникъ, вице-канцлеръ Кочубей [10]).

Изъ словъ подкамердинера Безбородки Степана, отпущеннаго на волю и служившаго впослѣдствіи по найму у Ѳ. П. Лубяновскаго, которымъ записаны были его разсказы, узнаёмъ, что во время своей болѣзни Безбородко «былъ спокоенъ, но задумчивъ, любилъ уединяться; одинъ графъ Петръ Васильевитъ Завадовскій входилъ къ нему безъ доклада». Однажды Степанъ отворилъ ему дверь кабинета. Графъ въ удивленіи на порогѣ остановился. «Помилуйте, князь Александръ Андреевичъ, какое малодушіе!» говорилъ Завадовскій: князь на колѣняхъ молился. Услышавъ голосъ гостя, вскочилъ, отиралъ слезы и извинялся» [11]).

«Когда болѣзнь [12]) Безбородки усилилась такъ, что онъ слегъ, да никого изъ чужихъ притомъ у него не было», передаетъ Ѳ. П. Лубяновскій со словъ подкамердинера Степана, «то князь читалъ нерѣдко со слезами небольшую нерусскую книжку, съ картинкою—Распятіемъ, и пряталъ ее подъ подушку, когда кто входилъ къ нему. Увидѣвъ у меня «Подражаніе Іисусу Христу», на Французскомъ языкѣ, съ тѣмъ же изображеніемъ, Степанъ сказалъ, что точно такую же книжку князь Александръ Андреевичъ любилъ читать, пока могъ, на смертномъ одрѣ» [13]).

Какъ только болѣзнь Безбородки приняла опасный характеръ, императоръ Павелъ приказалъ ежедневно доносить себѣ о состояніи его здоровья и нерѣдко, какъ увѣряли, самъ посѣщалъ больнаго. 6

---

[9]) Жизнь, свойства, военныя и политическія дѣянія: Россійскаго императора Павла I, генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго и канцлера князя Безбородки. Спб. 1805 года, стр. 20—32.

[10]) Р. Архивъ, 1876, III, 65.

[11]) Р. Архивъ 1872, 181—183.

[12]) О болѣзни кн. Безбородки въ одной изъ своихъ записокъ къ Капнисту Львовъ говоритъ: «Писать же самъ ничего я не могу: кромѣ глазной болѣзни, я такъ боленъ болѣзнію князя Александра Андреевича, что отъ утра до вечера бываю у него. Глупъ я, это я чувствую, никогда не умѣлъ разсудкомъ разорвать связь сердечную. Состояніе его меня чрезвычайно безпокоитъ». Сочиненія и письма Хемницера, изд. Я. К. Грота, С.П.Б. 1873 г., стр. 42.

[13]) Р. Архивъ 1872, 181—183.

Апрѣля дежурный адъютантъ Императора, справившись, по обыкновенію, о положеніи страдавшаго канцлера, явился для доклада Павлу въ Михайловскій дворецъ. Въ немъ тогда производились лѣпныя и вообще внутреннія работы, которыя Государь въ это время показывалъ одному изъ иностранныхъ посланниковъ. «Что князь?» спросилъ Императоръ. «Государь», отвѣчалъ адъютантъ: «Россія лишилась Безбородки!»—«У меня всѣ Безбородки», съ досадой возразилъ Павелъ. Что было на сердцѣ Царя, когда онъ произносилъ эти слова, сказать невозможно. Афоризмъ, произнесенный Павломъ при извѣстіи о смерти Безбородки, носитъ на себѣ очевидный характеръ дипломатической тенденціи, имѣвшей цѣлію внушить чужеземному представителю, осматривавшему новый царскій дворецъ въ Россіи, сильную вѣру Императора въ геніальность его министровъ. Но его подданные, знаменитые Русскіе люди, судили о князѣ Безбородкѣ иначе: я разумѣю исторіографа Карамзина и законовѣда-администратора Сперанскаго. Первый, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 3 Іюня 1825 года писалъ: «Графъ Воронцовъ давалъ мнѣ читать письма Безбородки къ графамъ Воронцовымъ о временахъ Екатерины и Павла. Онъ былъ хорошій министръ, если и не великій; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи, то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: нѣтъ совершеннаго» [14]. Сперанскій же отозвался, что «въ Россіи, въ XVIII столѣтіи, было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній—прибавилъ онъ—не имѣлъ характера» [15]. Державинъ отозвался на смерть князя-канцлера двумя стихотвореніями:

I.

Онъ мнѣ творилъ добро,
Быть можетъ, что и лихо;
Но умеръ человѣкъ; не входитъ въ небо зло.
Творецъ! Мольбѣ моей вонми:
Въ объятіе Свое, въ сіянье тихо,
И слабости его прими.»

II.

За сердце и за умъ
Онъ былъ почтенъ двумя царями;
Любимъ, осѣтованъ друзьями.
И не народный шумъ,
Не погребальный блескъ, не звукъ, ему хвала—
Дѣла» [16].

Святлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко скончался отъ «ревматизма съ послѣдовательнымъ развитіемъ водяной» [17], на

[14]) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, С.П.Б., 1868 г., стр. 397.
[15]) Жизнь графа М. М. Сперанскаго, барона Корфа, С.П.Б., 1861 г., II, 378.
[16]) Сочиненія Г. Р. Державина. СПБ. 1866 г. т. III, стр. 377 и 378.
[17]) Гельбигъ въ своемъ сочиненіи Russiche Günstlinge говоритъ, что Без-

52 году своей жизни, 6 Апрѣля 1799 года, въ своемъ Петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Обрядъ погребенія былъ совершенъ 13 Апрѣля. Роскошная картинная галлерея (нынѣшняя почтамская церковь), гдѣ стояло тѣло почившаго князя, представляла печальный видъ. Всѣ картины, стѣны и окна были завѣшаны чернымъ сукномъ, украшеннымъ серебряными крестами и тускло освѣщались четырьмя свѣчами. Въ переднемъ углу, на катафалкѣ, возвышался богатый гробъ съ прахомъ князя, а надъ гробомъ висѣлъ, сдѣланный именно для этого случая, богатый балдахинъ [18]) изъ малиноваго бархата съ золотымъ фигурнымъ подзоромъ на 8 столбахъ и съ страусовыми перьями.

Въ день погребенія князя, съ ранняго утра, Благовѣщенская церковь Александро-Невской Лавры наполнилась массой народа. Императоръ со свитою, родные, сослуживцы, друзья и недруги умершаго князя провожали его тѣло. Обѣдню служилъ архіепископъ Казанскій Амвросій. «По отпѣтіи обѣдни», какъ записано въ Лаврской лѣтописи [19]) «надгробное слово сказывалъ Троицкой пустыни архимандритъ Амвросій [20]), знаменитый тогдашній проповѣдникъ, впослѣдствіи ар-

---

бородко былъ жертвою «водяной болѣзни», развившейся вслѣдствіе «его пиршествъ».

[18]) Митрополитъ Евгеній, въ письмѣ своемъ къ В. И. Македонцу, разсказывая о похоронахъ генералиссимуса князя Суворова-Рымникскаго, между прочимъ, пишетъ, что надъ гробомъ его стоялъ «препышный малиноваго бархату съ золотымъ подзоромъ фигурнымъ балдахинъ на 8 столбахъ. Сей балдахинъ дѣланъ былъ еще для князя Безбородки и оставленъ въ Невскомъ (монастырѣ)». Р. Архивъ 1870, 778.

[19]) Вотъ содержаніе записи о погребеніи князя Безбородки, внесенной въ лѣтопись Лавры. «Сего 799 года Апрѣля 13 дня въ Невской лаврѣ было погребеніе преставльшагося свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородки, и тогожъ числа по утру въ 9 часовъ былъ выносъ покойнаго съ большею церемоніею. Были въ ходу: преосвященнѣйшій Ириней, архіепископъ Псковскій и Павелъ, епископъ Тверскій, со архимандриты и протчимъ духовенствомъ. Обѣдню служилъ преосвященнѣшій архіепископъ Казанскій. По отпѣтіи обѣдни, надгробное слово сказывалъ Троицкой архимандритъ Амвросій. По отпѣтіи провода, погребено тѣло при Благовѣщенской церкви, въ палаткѣ, къ стѣнѣ, по правую сторону». Митрополитъ Гавріилъ, который завелъ эту лѣтопись, на заглавномъ листѣ ея написалъ: «Въ сей книгѣ Невскому намѣстнику записывать обстоятельства, заслуживающія вниманія, особливо которыя будутъ относиться къ Невскому монастырю, и записанное каждую треть года представлять намъ». Со смертію его веденіе лѣтописи прекратилось. Послѣднею записью была вышеприведенная запись о похоронахъ князя Безбородки. Подъ нею сдѣлана отмѣтка: «Отъ сего времени описаніе важныхъ происшествій прекратилось». Лѣтопись хранится въ Лаврской библіотекѣ (по каталогу по порядку № 18, по отдѣлу рукописей № 17) подъ заглавіемъ: «Историческое повѣствованіе о началѣ Александро-Невскаго монастыря, или Лѣтопись Александро-Невской Лавры». Въ монастырѣ ведется и другая книга, въ которой записываютъ фамиліи лицъ, погребаемыхъ на его кладбищѣ. Она озаглавлена: «Всеобщій хронологическій списокъ особъ, погребенныхъ въ Александроневской лаврѣ, съ показаніемъ: кто когда скончался, и гдѣ погребенъ».

[20]) Амвросій (Протасовъ) въ Январѣ 1799 г. произведенъ въ архимандрита. Скончался въ санѣ Тверскаго архіепископа, 17 Іюля 1831 года. Въ изданныхъ

хіепископъ Тверскій. На отпѣваніи присутствовали, кромѣ преосвященнаго Казанскаго Амвросія, архіепископъ Псковскій Ириней и епископъ Тверскій Павелъ, провожавшіе тѣло «со архимандриты и протчимъ духовенствомъ» изъ дому въ Лавру. По окончаніи отпѣванія, гробъ вынесли на лаврское кладбище и тѣло канцлера предали вѣчному покою.

Мѣсто, гдѣ погребено тѣло князя Безбородки, въ то время находилось между алтаремъ Благовѣщенской церкви и зданіемъ придворныхъ залъ, изъ которыхъ съ 1819 по 1821 годъ сооружена была церковь во имя Сошествія Святаго Духа, и такимъ образомъ часть Лаврскаго кладбища, гдѣ находились могилы: князя А. А. Безбородки, князя А. А. Вяземскаго, И. И. Бецкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, очутилась подъ кровлею, образовавъ довольно большое темное пространство между алтаремъ Благовѣщенской и Духовской церквей, называемое теперь «палаткою».

Н. Григоровичъ.

его «Словахъ и рѣчахъ» (СПБ., 1856 г.), проповѣди, произнесенной при погребеніи князя Безбородки, нѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ нигдѣ не удалось отыскать этой проповѣди ни въ печатномъ, ни въ рукописномъ видѣ.

Приложеніе къ біографіи князя Безбородки.

Записка князя Безбородки о потребностяхъ Имперіи Россійской.

4-го Сентября 1855 г. покойный графъ Д. Н. Блудовъ препроводилъ къ управляющему II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „копію съ записки князя А. А. Безбородки, собственноручно писанной предъ концомъ его жизни, о потребностяхъ Имперіи Россійской". На копіи неизвѣстною рукою написано: „Cette pièce a été faite par le défunt prince Bezborodko en 1799". Въ письмѣ же графа Блудова записка была озаглавлена: „Записка для составленія законовъ Россійскихъ", и для этой именно цѣли передана въ II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ она теперь и хранится.

Россія есть самодержавное государство. Обширность ея, составленіе изъ разныхъ языковъ и обычаевъ и многія другія уваженія сей единый образъ правленія дѣлаютъ ей свойственнымъ. Тщетны всякія вопреки того умствованія, и малѣйшее ослабленіе самодержавной власти навлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія.

Государь самодержавный, если онъ одаренъ качествами сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что они отъ того уклониться или избѣжать могутъ.

Престолъ въ Россіи есть наслѣдственный. Актъ, при короновaніи императора Павла I-го изданный, достаточно объясняетъ порядокъ онаго, и когда оный точно будетъ исполняемъ, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ встрѣтиться ни замѣшательствъ, ни безпокойствъ.

Россійскій Императоръ долженъ быть Греческаго Православнаго Восточнаго закона, такъ какъ его супруга, его наслѣдникъ и его супруга; но что̀ касается до супругъ прочихъ великихъ князей Россійскихъ, оныя могутъ быть и другаго христіанскаго закона, а токмо никто наслѣдникомъ престола облаченъ быть не долженъ, кто не воспріиметъ Православной вѣры.

Коронованіе Императора есть обрядъ, посредствомъ коего Государь, принося торжественное Богу благодареніе, исповѣдуя вѣру свою предъ алтаремъ и народомъ, воспринимаетъ залогъ благодати Божіей къ лучшему управленію своимъ царствомъ. Не было-бы противно самодержавной власти, если бы Государь, по изреченіи символа вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя являли бы народу его непорочное намѣреніе цар-

ствовать во славу Имперіи и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть въ слѣдующей силѣ [1]).

Въ Россіи три суть состоянія народныя: дворянство, мѣщанство и поселяне. Всѣ они имѣютъ разныя выгоды и преимущества; но общія ихъ выгоды состоятъ: 1) въ одинаковомъ для каждаго охраненіи законовъ, и потомъ 2) въ одинаковой безопасности личной и со стороны собственности, 3) въ участіи въ управленіи по мѣрѣ того, какъ законы однажды имъ опредѣлили.

Дворяне имѣютъ свои привилегіи, означенныя въ грамотѣ 1785 года и провинціальныхъ законахъ, такъ что нѣтъ почти нужды распространять оные, а только, собравъ, сложить по порядку.

Мѣщане также въ грамотѣ ихъ 1785 года и въ разныхъ провинціальныхъ правахъ имѣютъ достаточно объясненныя ихъ выгоды.

Но что̀ принадлежитъ до поселянъ, то состояніе ихъ требуетъ поправленія. Боже сохрани, чтобъ я тутъ разумѣлъ какую либо излишнюю вольность, которая подъ симъ невиннымъ названіемъ обращалася бы въ своеволіе и подавала поводъ къ притязанію на какое либо равенство всеобщее и суще-химерическое. Я тутъ разумѣю: 1) неоспоримо, что въ Россіи всѣ земли принадлежатъ, яко точная собственность, помѣщикамъ. Государь есть самъ помѣщикъ земель своихъ, дворцовыхъ, экономическихъ, государственныхъ и всѣхъ порозжихъ въ его Имперіи. Не можетъ, слѣдовательно, никто пользоваться ими безъ нѣкотораго условія въ пользу хозяина ихъ. Условія бываютъ или добровольныя, или государственнымъ узаконеніемъ опредѣленныя. Отсюда и выходитъ, что земледѣлецъ или поселянинъ обязанъ удовлетворять хозяина земли или податью, или работою соразмѣрно цѣнѣ ея. Относительно работы нѣтъ нужды входить въ подробное слишкомъ расположеніе, а развѣ только повторить и нѣсколько объяснить манифестъ Павла I-го о крестьянской работѣ 5 Апрѣля 1797 г.; а что̀ до оброковъ касается, предоставить соглашенію самихъ помѣщиковъ съ крестьянами; но притомъ нужно въ пользу сихъ послѣднихъ постановить слѣдующія статьи: 1) Крестьяне должны быть привязаны къ землѣ и состоять за тѣмъ, за кѣмъ или за предками его въ ревизіяхъ написаны. 2) Переводъ изъ одной деревни въ другую или на земли не можетъ инако имѣть мѣста, какъ съ вѣдома правленія и добровольно. 3) Продажа деревень не инако быть должна, какъ и съ землями; а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты: ибо рекруты должны служить, кому очередь по мірскому приговору приходитъ. 4) Движимость всякая составляетъ неотъемлемую собственность крестьянскую, а денежные капиталы не могутъ помѣщиками болѣе обременены быть, какъ то, что̀ Государь съ капиталовъ купеческихъ себѣ получаетъ. 5) Хотя нельзя избѣжать, чтобъ не употреблять крестьянъ въ дворовую службу, но и тутъ бы надобно, чтобъ или они возвращалися на пашню, или другихъ посылали на работу, или же становились вольными и имѣли право при новой ревизіи избрать себѣ службу или состояніе по манифесту Екатерины II, 17 Марта 1775 года. Симъ образуется прямая вольность поселянъ; а когда возстановятся расправы и прочее, что̀ въ царствованіе Екатерины II было учреждено, съ нужными поправленіями, тогда и спокойствіе сего класса надолго утвердится.

До сего времени никогда нашимъ нижнимъ классамъ не входилъ въ голову развратъ, подобный Французскаго мнимаго равенства, отъ того, что каждый

---

[1]) Тутъ очевидно пропускъ. П. Б.

изъ меньшаго предпочиталъ лично добиваться бо́льшаго. Отпущаемый на волю крестьянинъ или казенный поселянинъ старается быть купцомъ, а разбогатившійся купецъ чиновникомъ или дворяниномъ. Полезно сіи желанія оставить въ ихъ силѣ, но затруднять событіе ихъ такъ, чтобы и тутъ польза государственная вмѣщалася. Платежъ податей крестьянскихъ до ревизіи новой при податяхъ съ капиталовъ и внос въ городовую казну нѣкоторой суммы для выходящихъ въ купцы весьма нужны и прибыточны. А что до дворянства касается, надобно, чтобъ или заслуги или большая польза, государству явно принесенныя, тутъ рѣшили. Нужны затрудненія и по воинской, и по статской службѣ ихъ.

Верховное въ Россіи правительство есть Правительствующій Сенатъ, императоромъ Петромъ Великимъ учрежденный. Въ Сенатѣ присутствуютъ дѣйствительные тайные и тайные совѣтники. Оные для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаями епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ.

Сенатъ раздѣляется на слѣдующіе департаменты: 1) который вѣдаетъ дѣла политическія и исполнительныя, публикуетъ указы и словомъ (выписать изъ учрежденія о Губернскомъ Правленіи, распространяя болѣе); 2) департатентъ уголовныхъ дѣлъ; 3) департаментъ гражданскихъ дѣлъ; 4) департаментъ казенныхъ дѣлъ. Второй и третій департаменты могутъ быть раздѣлены на двое или болѣе. Полезно было бы имѣть таковыхъ департаментовъ два въ Москвѣ, два въ Кіевѣ.

Президенты первыхъ трехъ Коллегій присутствуютъ въ Сенатѣ, въ трехъ случаяхъ: 1) когда Императоръ пріѣзжаетъ; 2) когда дѣло, общаго положенія требующее, трактуется; 3) когда держится генеральный судъ уголовный самой верховной важности. Всѣ генералъ-губернаторы засѣдаютъ и голосъ имѣютъ въ Сенатѣ [2]).

Въ каждомъ департаментѣ сидитъ четыре или пять сенаторовъ. Сверхъ того, опредѣляется по два или болѣе референдаріевъ или статскихъ совѣтниковъ, 4-го или 5-го класса, кои докладываютъ дѣла и по докладѣ предлагаютъ свои заключенія Сенату, а сей утверждаетъ единогласно оные; буде же оные между собою несогласны, да вносятся въ Общее Собраніе, въ которомъ такія рѣшаются дѣла единогласно; а буде произойдетъ разногласіе, въ такомъ случаѣ дѣло вносится къ Государю, дабы онъ его самъ державною властію своею рѣшилъ, какъ ближе и сходнѣе съ силою и разумомъ законовъ.

Для предохраненія правъ самодержавной власти, государственной пользы и соблюденія законовъ и правосудія опредѣляется генералъ-прокуроръ.

Для охраненія силы законовъ опредѣляется государственный законовѣдецъ или канцлеръ юстиціи.

Для вершенія дѣлъ, кои по теченію обстоятельствъ выходятъ изъ общаго положенія, и гдѣ уваженіе по человѣчеству требуетъ смягченія законовъ, опредѣляется Вышній Совѣстный Судъ, въ которомъ предсѣдаетъ вышній совѣстный судья, а съ нимъ присутствуютъ два депутата дворянскіе, два мѣщанскіе и два поселянскіе.

Государь, не могучи объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную Имперію, обзираетъ оную по губерніямъ чрезъ довѣренныхъ его особъ,

---

[2]) Какъ въ учрежденіи сказано. Прим. князя А. А. Безбородки.

и именно одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые всѣ раздѣляются такъ, чтобъ каждые три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности.

Подъ вѣдѣніемъ Сената учреждается Генеральный Уголовный Судъ, въ которомъ президентъ бываетъ особа 2-го класса, двѣ особы 4-го или 5-го класса и двое депутатовъ дворянства, двое мѣщанскіе и двое поселянскіе.

Въ семъ судѣ судятся тѣ дѣла и особы, кои не входятъ въ суды губернскіе.

Все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ; въ немъ же присутствуютъ четыре совѣтника 4-го или 5-го класса. Когда издается новый законъ, то проэктъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ Общее Сената Собраніе и наконецъ утверждается самодержавною властію.

Буде указъ издаваемый, при первомъ его въ Сенатѣ прочтеніи, покажется вреднымъ, Сенатъ имѣетъ право внести представленіе единогласное къ Государю; но въ случаѣ повторенія его воли, оный записывается и исполняется безъ всякихъ вновь представленій.

Дѣла уголовныя, гдѣ касается до смертной казни, натурально не могутъ быть вершены безъ представленія Государю, который хотя даетъ полную свободу теченію правосудія, но власть имѣетъ, милуя человѣчество, простить или облегчить повиннаго.

Дѣла, касающіяся до оскорбленія Величества, изслѣдуются уголовнымъ порядкомъ и судятся сперва въ Вышнемъ Судѣ, а потомъ и общимъ судомъ Сената, Синода, президентовъ Коллегій и первыхъ трехъ классовъ особъ; но дѣла сіи разумѣются такъ точно, какъ въ Наказѣ Екатерины II-й они ограничены; что же принадлежитъ до словъ поносительныхъ и писемъ, оныя хотя также уголовнымъ порядкомъ разбираются, но должны присылаемы быть на ревизію по порядку не токмо въ Сенатъ, но даже и къ Государю, котораго кротости и милосердію свойственно облегчать судьбу виновныхъ, и дерзкихъ не погублять, но исправлять.

Въ изслѣдованіи по симъ дѣламъ да истребятся всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя.

Хотя всѣ рѣшенія Сената исполняются, но въ дѣлахъ, гдѣ касается до лишенія чести дворянина, да не вершатся безъ доклада Государю [3]).

Упоминаніе о присягѣ Государя въ коронацію и о крестьянскихъ волненіяхъ даютъ поводъ думать, что замѣчательная записка эта писана въ началѣ 1797 г. (послѣ 5-го Апрѣля), а отнюдь не въ 1799 г., когда Безбородко былъ уже при смерти. П. Б.

---

[1]) Можетъ быть, на эту записку Ѳ. П. Лубяновскій намекаетъ въ „Воспоминаніяхъ" своихъ: „Двѣ бумаги были особенно для меня замѣчательны: о государственныхъ фондахъ и о раздѣленіи внутренняго управленія въ государствѣ на министерства, о чемъ, вѣроятно, и тогда уже думали. Не жаловалъ князь Александръ Андреевичъ ни министерствъ, ни министровъ; боялся отъ того въ самодержавномъ правленіи какого-то ущерба въ единой власти, а болѣе всего самолюбія съ властью въ рукахъ и безотчетностью" (Русскій Архивъ 1872, I, 171).

ПИСЬМО

Великой Княгини Марии Павловны герцогини Саксенъ-Веймарнской къ княгинѣ В. А. Репниной *)

Weymar, ce 21 Avril (3 May) 1814.

Vous me trouverez bien indiscrète, ma chère princesse, de vous écrire si souvent, et quelque plaisir que je trouve à m'entretenir avec vous, je m'en suis moi-même abstenue par cette crainte, si je n'avais à soigner les intérêts de ma mère pour lesquels je m'adresse à vous dans la persuasion qu'il vous sera donné plustôt qu'à moi de remplir ses désirs. Voici plusieurs échantillons qu'elle m'a fait passer et vous connaissant l'intention d'aller à Leipzig, j'espère que vous ne m'en voudrez pas de vous remettre le choix de ces objets.

Ma mère saura qu'elle vous en devra l'obligation. Il me serait difficile dans se moment-ci de m'acquitter de ses commissions: ici il n'y a rien. Vous recevrez ci-près une caisse renfermant la jambe de notre compatriote Dawydoff, que je vous prie de bien vouloir lui faire passer ainsi que la description allemande que j'ajoute à cette lettre et qui est nécessaire pour qu'il se serve de cette jambe postiche avec facilité. J'ose l'esperér elle m'a semblé bien faite, et je suis heureuse de le savoir soulagé par elle. Ce mécanicien devrait à mon sens avoir un atelier de bras et de jambes postiches: je suis sûre qu'il rendrait des services dans un temps où on en a perdu une si grande quantité. C'est une singulière branche d'industrie à favoriser.

J'ai de plus, chere princesse, à vous prier de remercier le prince Repnin pour la manière aimable avec laquelle il a répondu au prince héréditaire sur le désir qu'il lui avait marqué de détourner d'ici la

---

*) Княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, урожденная графиня Разумовская, была супругою князя Николая Григорьевича Репнина (Волконскаго), который, въ то время какъ писано это письмо, правилъ Саксоніею, съ титуломъ вице-короля (Vice-König von Sachsen). Свое вице-королевское содержаніе князь Репнинъ потратилъ на благотворительныя учрежденія въ Саксоніи. Имъ же, на свой счетъ, построенъ нынѣшній мостъ черезъ Эльбу въ Дрезденѣ, возобновлена и украшена знаменитая Брюлевская терасса. П. Б.

colonne française venant de Glogau. Dites lui que j'ai été bien sensible à l'empressement qu'il a marqué à cette occasion et que je suis charmée de le lui dire. Ayez de plus la complaisance de l'instruire que le major prussien de Rothkirch, des hussards de Silésie, s'est adressé à moi ces jours-ci pour parler de lui au prince Repnin, me disant qu'il avait une affaire désagréable en Lusace dont le prince etait informé, mais dont lui craignait que la résolution ne tardât, bien qu'il avait sollicité le prince de la terminer avant qu'il ne rejoignit l'armée prussienne. Etonnée de m'entendre interpellée dans une chose de ce genre et lui en marquant ma surprise, jai cru démêler dans ses paroles des signes de repentir, et j'en ai d'autant plus la croyance qu'il m'a assuré que cette affaire n'était pas du ressort militaire ni civil, mais simplement un mésentendu. Je dois croire que cet officier ne m'a parlé que parce qu'il sait que je connais sa soeur établie à Altenbourg, et je prie le prince de ne regarder la narration que je lui fais ici que comme une chose que je crois devoir lui dire et point comme une recommandation: il me connaît assez pour savoir que je ne me mèle jamais de ce qui ne me regarde pas.

Voilà assez vous entretenir d'objets étrangers, chère princesse; venons en aux nouvelles, et c'est ce qui me tient à coeur par rapport à notre cher Empereur. Jen'ai encore aucune nouvelle du général *) qui au dire du comte Orloff-Denissoff parti de Paris le 24, n'y était pas encore arrivé. Lui et le general Golz qui a été hier ici m'ont dit que le départ de l'Empereur n'était pas encore fixé; l'on attendait toujours le roi de France (comme cela paraît singulier à prononcer, mais pourtant bien plus agréable que le nom d'empereur de France). Vous saurez le départ de ce dernier pour son île, où je désire qu'on le garde de près pour qu'il y reste, et celui de son épouse, duchesse de Parme, pour Vienne. Votre ancien roi Jérômé fait le partisan, on court après; de son épouse je n'ai rien appris si non ce que les gazettes ont dit qu'elle était à Fontainebleau. Il y a eu un bal fort brillant chex mr de Talleyrand. Mes frères n'etaient pas arrivés le 24 encore.

Adieu, chère princesse, ne m'oubliez pas, portez vous bien et conservez moi votre amitié à laquelle répond toute la mienne étant de tout mon coeur votre affectionnée

Marie.

---

*) Въ подлинникѣ не разобрано имя этого генерала. П. Б.

Переводъ.

Веймаръ, 21 Апрѣля (3 Мая) 1814. Я слишкомъ часто пишу къ вамъ, моя дорогая княгиня, и боюсь, чтобъ вы не сочли меня назойливою. Изъ-за этого опасенія, какъ ни пріятно мнѣ сноситься съ вами, я воздержалась бы отъ писанія; но на этотъ разъ я обращаюсь къ вамъ по дѣлу матушки, убѣжденная, что вы скорѣе исполните ея желаніе, нежели я. Вотъ образчики, которые она переслала ко мнѣ. Я знаю, что вы собираетесь въ Лейпцигъ и надѣюсь, что не прогнѣваетесь на меня, если я предоставлю вамъ выборъ этихъ вещей. Матушка будетъ извѣщена, что вы сдѣлаете ей это одолженіе. Мнѣ же, въ настоящее время, было бы трудно исполнить то, что она поручаетъ: здѣсь не найдешь ничего. За симъ вы получите ящикъ, содержащій въ себѣ ногу для нашего соотечественника Давыдова; пожалуста доставьте ему ее вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ описаніемъ, которое я прилагаю къ этому письму и которое будетъ ему необходимо для того, чтобы пользоваться съ удобствомъ этою искусственною ногою. Мнѣ кажется и я смѣю надѣяться, что она сдѣлана хорошо. Я буду счастлива, если она облегчитъ его. Мнѣ кажется, этому механику слѣдовало бы имѣть цѣлую мастерскую искусственныхъ рукъ и ногъ, и я увѣрена, что это было бы заслугою въ нынѣшнее время, когда столько безрукихъ и безногихъ. Необыкновенную отрасль промышленности приходится поддерживать!—Еще, дорогая княгиня, должна я просить васъ, чтобы вы поблагодарили князя, вашего супруга за любезность, съ которою онъ отнесся къ желанію наслѣднаго герцога касательно того, чтобы миновали насъ Французскія войска, идущія изъ Глогау. Скажите ему, что я очень цѣню готовность, оказанную имъ въ этомъ случаѣ. Пожалуста передайте ему еще, что Прусскій майоръ Роткирхъ, изъ Силезскихъ гусаръ, просилъ меня недавно, чтобы я походатайствовала за него. По его словамъ у него было непріятное дѣло въ Лузаціи, о которомъ доложено князю Репнину. Онъ просилъ князя покончить его и опасается, чтобы оно не затянулось и не задержало его на пути въ Прусскую армію. Я не понимаю, съ какой стати онъ обратился ко мнѣ въ такомъ дѣлѣ. Я говорила ему объ этомъ. Судя по его отзывамъ, надо полагать, что онъ раскаевается, и я тѣмъ болѣе такъ думаю, что по его увѣренію дѣло это не военное и не гражданское, а произошло просто отъ недоразумѣнія. Вѣроятно, онъ обратился ко мнѣ потому только, что я знаю его сестру, живущую въ Альтенбургѣ. И такъ все вышесказанное не должно имѣть значенія рекомендаціи. Я сочла лишь своимъ долгомъ передать, о чемъ меня просилъ офицеръ. Князь довольно меня знаетъ: я не стану вмѣшиваться въ дѣла, которыя до меня не относятся.—Довольно о постороннемъ, дорогая

княгиня. Поговоримъ о послѣднихъ извѣстіяхъ. Они близки моему сердцу по отношенію къ нашему дорогому Императору. Генералъ.... не увѣдомляетъ меня. По словамъ графа Орлова-Денисова, который выѣхалъ изъ Парижа 24 числа, его тамъ еще не было. Графъ и генералъ Гольцъ, бывшіе здѣсь вчера, сказывали, что отъѣздъ Государя еще не назначенъ. По прежнему ждали *короля Французскаю* (какъ странно произносить эти слова, но все же гораздо пріятнѣе, нежели *императоръ Французскій*). Вы уже знаете, что послѣдній отправился на свой островъ (гдѣ желательно чтобъ стерегли его получше), равно какъ и о томъ, что его супруга, герцогиня Пармская, отправилась въ Вѣну. Вашъ прежній король Іеронимъ партизаномъ или бѣжитъ вслѣдъ. О супругѣ его я ничего не слышала; но въ газетахъ пишутъ, что она была въ Фонтенбло, гдѣ у Талейрана былъ блистательный балъ. Братья мои 24 числа еще не пріѣзжали въ Парижъ.—Прощайте, дорогая княгиня. Не забывайте меня, будьте здоровы, и не лишайте меня вашей дружбы, а я къ вамъ питаю полнѣйшую. Всѣмъ сердцемъ благожелательная вамъ Марія

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

Очерки и воспоминанія.

I.

МОСКОВСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТАРАГО БЫТА.

Князь Петръ Александровичъ Оболенскій [1]), родоначальникъ многоколѣннаго потомства Оболенскихъ, былъ въ свое время большой оригиналъ (то есть таковымъ былъ-бы онъ преимущественно нынѣ, а въ прежнее время, въ эпоху особенныхъ личностей и физіономій болѣе опредѣленныхъ, оригинальность его не удивляла и не колола глаза). Послѣдніе свои двадцать - тридцать лѣтъ прожилъ онъ въ Москвѣ почти безвыходнымъ домосѣдомъ. Изъ постороннихъ онъ никого не видалъ и не зналъ. Дома занимался онъ чтеніемъ Русскихъ книгъ и токарнымъ мастерствомъ. Онъ, вѣроятно, былъ довольно равнодушенъ ко всему и ко всѣмъ, но дорожилъ привычками своими. День его былъ строго и въ обрѣзъ размежеванъ; чрезполосныхъ владѣній и участковъ тутъ не было: все имѣло свое опредѣленное мѣсто, свою грань, свое время и мѣру свою. Разумѣется, онъ рано и въ назначенные часы ложился, вставалъ и обѣдалъ; обѣдалъ всегда одинъ, хотя дома семейство его было многолюдно. Старичекъ былъ онъ чистенькій, свѣженькій, опрятный, даже щеголеватый; но платье его, разумѣется, не измѣнялось по модѣ, а держалось всегда одного и имъ приспособленнаго себѣ покроя. Всѣ домашнія или комнатныя принадлежности отличались изящностью. Англійскій *комфортъ* не былъ еще тогда перенесенъ въ нашъ языкъ и въ наши нравы и обычаи; но онъ угадалъ его и ввелъ у себя, то есть свой комфортъ, не слѣдуя ни модѣ, ни нововведеніямъ. Осенью, даже и въ года довольно престарѣлые, выѣзжалъ онъ съ шестью сыновьями своими на псовую охоту за зайцами. Какъ ни дичился онъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ ни уклонялся отъ общества, но не былъ нелюдимъ, суровъ и старчески-брюзгливъ. Напротивъ, часто добрая и нѣсколько-тонкая улыбка озаряла и оживляла его младенчески-старое лице. Онъ любилъ иногда и слушать и самъ отпускать шутки, или веселыя рѣчи, которыя на Французскомъ языкѣ называются gaudrioles, а у насъ не знаю какъ назвать благоприлично, и которыя обыкновенно имѣютъ особенную прелесть для стариковъ даже и безпорочно-цѣломудренныхъ въ нравахъ и въ житьѣ-бытьѣ: лукавый всегда чѣмъ нибудь, такъ или сякъ, а слегка заманиваетъ насъ въ тенёта свои. Князь Оболенскій одиночествомъ или особничествомъ своимъ не тяготился, но любилъ, чтобы дѣти его—всѣ уже взрослые—заходили къ нему поочередно, но не на долго. Если они

[1]) Род. 3 Іюня 1742, ум. 22 Мая 1822. П Б.

какъ нибудь забудутся и засидятся, онъ, дружески и простодушно улыбаясь, говаривалъ имъ: милые гости, не задерживаю ли васъ? Тутъ мгновенно комната очищалась до новаго посѣщенія. Въ дѣтствѣ моемъ, мнѣ всегда было пріятно, когда онъ допускалъ меня въ свою изящную и свѣтлую келью: безсознательно догадывался я, что онъ живетъ не какъ другіе, а по своему.

Женатъ князь П. А Оболенскій былъ на княжнѣ Вяземской [1]), сестрѣ князя Ивана Андреевича. Въ продолженіи брачнаго сожительства ихъ, имѣли они двадцать дѣтей. Десять изъ нихъ умерло въ разныя времена, а десять пережили родителей своихъ. Не смотря на совершеніе своихъ двадцати женскихъ подвиговъ, княгиня была и въ старости, и до конца своего бодра и крѣпка, роста высокаго, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у насъ *старосвѣтскія помѣщицы* сложенія. Почва не изнурялась и не оскудѣвала отъ плодовитой растительности. Безо всякаго приготовительнаго образованія, была она ума яснаго, положительнаго и твердаго. Характеръ ея былъ таковъ-же. Въ семействѣ и въ хозяйствѣ княгиня была князь и домоправитель, но безъ малѣйшаго притязанія на это владычество. Оно сложилось само собою къ общей выгодѣ, къ общему удовольствію, съ естественнаго и невыраженнаго соглашенія. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточіемъ, душою, любовью. Въ ней были нравственныя правила, самородныя и глубоко засѣвшія. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву Императора Александра, онъ обратилъ особенное вниманіе на красоту одной изъ дочерей ея, княжны Наталіи [2]). Государь, съ обыкновенною любезностью своею и внимательностью къ прекрасному полу, отличалъ ее: разговаривалъ съ нею въ Благородномъ Собраніи и въ частныхъ домахъ, неразъ на балахъ проходилъ съ нею полонезы. Разумѣется, Москва не пропустила этого мимо глазъ и толковъ своихъ. Однажды домашніе говорили о томъ при княгинѣ-матери и шутя дѣлали разныя предположенія.—«Прежде этого задушу я ее своими руками», сказала Римская матрона, которая о Римѣ никакого понятія не имѣла. Нечего и говорить, что царское волокитство и всѣ шуточныя предсказанія никакого слѣда по себѣ не оставили.

Это семейство составляло особый, такъ сказать, міръ Оболенскій. Даже въ тогдашней патріархальной Москвѣ, богатой многосемейнымъ и особенно многодѣвичьимъ составомъ, отличалось оно отъ другихъ какимъ-то благодушнымъ, свѣтлымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ. На лицо было шесть сыновей и четыре дочери. Было время, что всѣ братья, еще далеко не старые, были въ отставкѣ. Это также было въ своемъ родѣ особенностью въ нашихъ служилыхъ нравахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, уже въ царствованіе Александра, щеголяли еще, по большимъ праздникамъ, въ военныхъ мундирахъ Екатерининскаго времени: тутъ являлись на показъ особенный покрой, разноцвѣтные обшлага, красные камзолы съ золотыми позументами и, помнится мнѣ, желтые штаны. Всѣ они долго жили съ матерью и у матери. Будничный обѣденный столъ былъ уже порядочнаго размѣра, а праздничный выросталъ вдвое и втрое. Особенно въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, въ подмосковной, эта семейная жизнь принимала необыкно-

---

[1]) Екатеринѣ Андреевнѣ, род. 1741, ум. въ Январѣ 1811.—[2]) Княжна Наталія Петровна вышла замужъ за Василія Михайловича Михайлова. П. Б.

венные размѣры и характеръ. Кромѣ семейства въ полномъ комплектѣ, пріѣзжали туда погостить и другіе родственники. Небольшой домъ, небольшія комнаты имѣли какое-то эластическое свойство: размноженіе хлѣбовъ, помѣщеній, кроватей, а за недостаткомъ ихъ размноженіе дивановъ, размноженіе для пріѣзжей прислуги харчей и корма для лошадей, все это какимъ-то чудомъ, по слову хозяйки, совершалось въ этой ветхозавѣтной сторонѣ. А хозяева были вовсе люди небогатые. Помнится мнѣ, что въ отрочествѣ моемъ, по приказанію княгини, отводили мнѣ всегда на ночь кровать-не кровать, диванъ-не диванъ, а что-то узкое и довольно короткое, которое называла она, не знаю почему, *лодочкою*. Гдѣ эта лодочка? Жива-ли она? Что сдѣлалось съ нею? Какъ мнѣ хотѣлось-бы ее увидать и хотя еще болѣе скорчившись, чѣмъ во время óно, улечься въ ней. Вспоминаю о ней съ сердечнымъ умиленіемъ. Я увѣренъ, что нашелъ-бы въ ней и теперь прежній и беззаботный сонъ, со свѣтлыми сновидѣніями и радостнымъ пробужденіемъ. Но много утекло съ того времени воды, свѣтлой и прозрачной, мутной и взволнованной; съ нею, безъ сомнѣнія, утекла и лодочка моя и разбилась въ дребезги. Во всякомъ случаѣ, мы Русскіе—не антикваріи и небережливы въ отношеніи къ семейнымъ мебели, утварямъ, портретамъ предковъ. Мы привыкли и любимъ заживать съ нынѣшняго текущаго дня.

Мой отецъ, родной племянникъ княгини Екатерины Андреевны, съ молодости своей до конца питалъ къ ней особенную преданность и почти сыновнюю любовь. Мой дѣдъ, былъ, кажется, нрава довольно крутаго и повелительнаго; сынъ его находилъ при матери своей (урожденной княжнѣ Долгоруковой) и при теткѣ своей теплый пріютъ, а иногда и защиту отъ холоднаго и суроваго обращенія родителя своего.

Въ памяти моей врѣзался одинъ разговоръ отца моего съ теткою своею. Она обѣдала у насъ; мнѣ тогда было, можетъ быть, лѣтъ десять. Уже сказано было выше, что она мало была учена и образована. Міръ былъ тогда полонъ именемъ Бонапарта; немудрено, что оно дошло и до нея. За обѣдомъ рѣчь какъ-то коснулась Франціи. Она просила отца моего объяснить ей, что это за человѣкъ, о которомъ всѣ говорятъ. Отецъ мой былъ пламенный приверженецъ Наполеона, генерала и перваго консула. Онъ, въ сжатомъ, но живомъ разсказѣ, нарисовалъ очеркъ Бонапарта, перечислилъ дѣла его, объяснилъ значеніе его во Франціи, а слѣдовательно и во всей Европѣ, однимъ словомъ преподалъ въ импровизаціи полный историческій урокъ. Помню и теперь, какое впечатлѣніе произвела на меня эта словомъ оживленная и раскрашенная картина. Мой отецъ, какъ и почти всѣ образованные люди его времени, говорилъ болѣе пофранцузски; но здѣсь нужно было говорить порусски, потому что слушательница никакого другаго языка не знала. Жуковскій, который введенъ былъ въ нашъ домъ Карамзинымъ, говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся скорости, ловкости и мѣткости, съ которыми, въ разговорѣ, отецъ мой переводилъ на Русскую рѣчь мысли и обороты, которыя, видимо, слагались въ головѣ его на Французскомъ языкѣ. У отца моего въ спальнѣ висѣлъ на стѣнѣ большой Бонапартовскій портретъ, тканый шелкомъ въ Ліонѣ и высланный ему въ подарокъ фабрикантомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву. Эти частно-историческія отмѣтки кидаютъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху. Нельзя не

замѣтить и не повторить, что въ то время было болѣе свободы, нежели нынѣ, разумѣется, не въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, а въ личномъ и самобытномъ. Были открытыя симпатіи и антипатіи; никто не утаевалъ ихъ, и общество покрывало все и обезпечивало своею безпристрастною терпимостью. Никто, даже и несогласные съ отцомъ моимъ, не упрекали ему за Французскія сочувствія его.

Брачные союзы, въ продолженіи времени, должны были вносить новыя и разнородныя стихіи въ единообразную и густую среду семейства Оболенскихъ. Оно такъ и было. Но такова была внутренняя сила этого отдѣльнаго міра, что и пришлыя, чуждыя приращенія скоро и незамѣтно сливались, спаивались, сцѣплялись, срастались вмѣстѣ въ благоустроенномъ организмѣ, первоначальномъ и цѣльномъ. Послѣ нѣкотораго времени, болѣе или менѣе краткаго или продолжительнаго, и мужья вошедшіе въ семейство, и жены въ него поступившія, казалось, также искони урожденными Оболенскими. Ничего подобнаго этой *ассимиляціи*, этому объединенію никогда и нигдѣ не было. Политикѣ можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто безсознательно совершавшееся перерожденіе отдѣльныхъ частностей и личностей, всецѣло, сердцемъ и обычаями, примыкавшихъ къ господствующему единству. Такова была привлекательная и нѣжнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрѣпла подъ сѣнью и благословеніемъ умной, твердой и чадолюбивой матери. Не было ни зятей, ни невѣстокъ, ни доморощеныхъ и природныхъ, ни присоединенныхъ: всѣ были чада одной семьи, всѣ свои, всѣ однородные.

Тутъ, напримѣръ, былъ князь Щербатовъ, братъ извѣстной княжны Щербатовой, которой суждено было озаботить и подернуть тѣнью нѣсколько дней изъ свѣтлой жизни Императрицы Екатерины. Молодому и блестящему флигель-адъютанту Императора Павла, живому, свѣтскому, казалось, мудренѣе было бы подладить подъ уровень новаго семейства, въ которое онъ вступилъ; но сначала любовь, а потомъ Оболенская атмосфера переродили и его. Онъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, влюбился въ красавицу княжну Варвару *). Бракъ ихъ совершенъ былъ романически и таинственно. Его мать, женщина суровая и властолюбивая, противилась этому браку, со всѣми послѣдствіями отказа въ материнскомъ согласіи. Разумѣется, и мать невѣсты не могла, въ подобныхъ условіяхъ, одобрить этотъ бракъ. Но, кажется, мой отецъ благопріятствовалъ любви молодой четы и способствовалъ браку, уговоривъ свою тетку остаться въ сторонѣ и, по крайней мѣрѣ, не мѣшать счастію влюбленныхъ. Они тайно обвѣнчались и въ тотъ же день отправились въ Петербургъ. Помню, какъ она, въ дорожномъ платьѣ, заѣзжала къ отцу моему проститься съ нимъ и, вѣроятно, благодарить его за усердное и успѣшное участіе; помню, какъ поразила меня красота ея и особенность одежды; вижу и теперь платье темнозеленаго кашмира, въ родѣ амазонки. На головѣ шляпа, болѣе круглая, мужская, нежели женская. Изъ подъ шляпы падали и извивались бѣлокурыя кудри. Дѣтство мое угадывало, что во всемъ этомъ есть какая-то романическая

*) Княжна Варвара Петровна, род. 14 Января 1774, скончалась 11 Января 1843, супруга князя Александра Ѳедоровича Щербатова, род. 13 Іюля 1778, скончался 30 Апрѣля 1817. П. Б.

тайна. Послѣ многихъ лѣтъ, старуха княгиня Щербатова простила сына своего и приняла у себя невѣстку.

Во многомъ противоположный Щербатову, сдѣлался послѣ членомъ семейства генералъ Дохтуровъ, съ честью вписавшій имя свое въ наши военныя лѣтописи. И сей боевой служака, женившись, сталъ мирный и добрый семьянинъ, совершенно свыкшійся съ новымъ бытомъ своимъ. При пробужденіи моихъ воспоминаній о немъ, предо мною рисуется человѣкъ уже довольно пожилой, роста небольшаго, сложенія плотнаго, обращенія тихаго и скромнаго; помнится мнѣ, былъ онъ довольно молчаливъ, что̀ называется серьезенъ и невозмутимъ. Невозмутимъ бывалъ онъ, говорятъ, и въ пылу битвы. Кажется, Михаилъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ какомъ - то жаркомъ сраженіи, посреди самаго разгара, нашелъ онъ его спокойно сидящаго на барабанѣ и дающаго приказанія войскамъ, а пули и ядра такъ кругомъ и сыпались. Но смерть поджидала его не тутъ. Видѣлъ я его за полъ - часа до кончины. Это было въ Москвѣ. Въ семействѣ Оболенскихъ праздновалась обѣдомъ, кажется, чья - то свадьба. Дохтуровъ не садился за столъ, чувствуя себя не совершенно здоровымъ. Но онъ нѣсколько разъ обходилъ гостей, обмѣнивался съ ними нѣсколькими словами, выпилъ бокалъ Шампанскаго за здоровіе новобрачныхъ и тотъ - часъ послѣ обѣда уѣхалъ. До̀ма велѣлъ онъ затопить каминъ, сѣлъ предъ нимъ и тутъ же умеръ. Нѣжно любившая жена его была въ отлучкѣ и должна была въ тотъ же день, или на другое утро къ нему пріѣхать. Одинъ изъ братьевъ поѣхалъ ей на встрѣчу, чтобы увѣдомить о постигшемъ ее несчастіи. Она пережила мужа многими годами, нѣжно и вѣрно преданная памяти его. Я всегда питалъ къ ней чувство особенной привязанности. Изъ семьи Оболенской, она болѣе другихъ дружна была съ матерью моею, молодою, изъ далекаго края переселенною въ міръ ей совершенно чуждый и незнакомый. Добрая пріятельница, вѣроятно, руководствомъ и участіемъ облегчала и поддерживала ее, въ минуты трудныя, неизбѣжныя, когда вступаешь на новый путь. Влеченіемъ поздняго, но не менѣе того живаго чувства ставлю себѣ въ обязанность и пріятно мнѣ заявить здѣсь памяти ея мою нѣжную и сыновнюю благодарность *).

Князь Александръ Петровичъ Оболенскій водворилъ въ семейство свое дочь Ю. А. Нелединскаго. Вотъ это было уже изъ совершенно другаго лагеря. Но послѣдствія были тѣже. Нелединская не была красавица, роста небольшаго, довольно плотная, но глаза и улыбка ея были отмѣнно и сочувственно выразительны; въ нихъ было много чувства и ума, вообще было много въ ней женственной прелести. Въ умѣ ея было сходство съ отцомъ: смѣсь простосердечія и веселости, нѣсколько насмѣшливой. Она очень мило пѣла; романсы отца ея, при ея пріятномъ голосѣ, получали особую выразительность. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго есть очень милое и теплое къ ней посланіе; содержаніе его наиболѣе посвящено памяти сестры моей, бывшей впослѣдствіи за мужемъ за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, съ которою съ самаго дѣтства была она очень дружна. Сначала волокитство князя Александра шло не очень

*) Княжна Марья Петровна, род. 17 Ноября 1771, скончалась въ Мартѣ 1852. О супругѣ ея, Дмитріи Сергѣевичѣ Дохтуровѣ см. въ Р. Архивѣ 1874 (книга I-я), гдѣ напечатаны его біографія и письма. П. Б.

удачно. Пріятельница Нелединской, остроумная Хомутова, по этому поводу шуточно перефразировала стихи Французской трагедіи:

Vous voyez devant vous un prince déplorable,
De la rigeur des dieux exemple mémorable.

(а право, много ума и веселости было въ нашу молодость!) Нелединская съ своимъ обожателемъ немножко кокетничала, флертечничала, или, какъ мой отецъ говаривалъ, *пересемъничивала*, дѣло все на ладъ не шло, но наконецъ пошло: они обвѣнчались и многіе годы провели въ согласіи и любви. Молодая внесла новый, свѣжій элементъ литтературной и болѣе утонченной свѣтскости въ патріархальную среду принявшаго ее семейства. Но не менѣе того добрый, простодушный строй его вскорѣ подчинилъ и ее общему семейному настроенію. Въ этой семьѣ не могло быть разноголосицы. Однимъ словомъ, въ княгинѣ Аграфенѣ Юрьевнѣ замѣтно было, что она дочь Нелединскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, что она и жена Оболенскаго. Прекрасныя и благородныя свойства князя достаточно вѣрно выразились въ напечатанной прошлымъ годомъ книгѣ: «Хроника недавней старины». Умная и разборчивая въ людяхъ великая княгиня Екатерина Павловна отличалась особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ двухъ братьевъ Оболенскихъ, князей Василія и Александра, служившихъ адъютантами при герцогѣ Ольденбургскомъ.

Старшій сынъ былъ князь Андрей Петровичъ. Уже вдовый (первая жена его была урожденная Маслова) женился онъ за границею, на княжнѣ Гагариной, дочери той Темиры, которую нѣкогда такъ нѣжно и пламенно, съ такимъ страстнымъ самоотверженіемъ любилъ и воспѣвалъ Нелединскій. Княжна Гагарина была, кажется, воспитана за границею, или довершила тамъ свое воспитаніе. Это нѣжное, молодое растеніе было внезапно пересажено съ дальной, чуждой почвы на Московскую почву, въ другой климатъ, подъ условія совершенно новыя, которыя не могли имѣть ничего общаго и сходнаго съ тою атмосферою, которою оно до того дышало. Мужъ былъ уже не первой молодости; слѣдовательно не могло быть упоенія и особеннаго увлеченія; но не менѣе того, она, такъ сказать, съ перваго дня обрусѣла, омосквичѣла и переродилась въ купели Оболенскаго крещенія. Нельзя достаточно надивиться этой силѣ объединенія, которое царствовало въ этой многочисленной и, частью, разнородной семьѣ. И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало, въ одномъ чувствѣ, чувствѣ семейной связки; въ одномъ имени, въ одной власти: имени и власти матери. Рѣка принимаетъ въ себя, сосредоточиваетъ въ своемъ лонѣ влекущіяся къ ней ручьи просто, естественно, потому что она рѣка. Мать, общимъ притягательнымъ притокомъ, сосредоточиваетъ въ себѣ семью просто потому, что она мать. Нѣтъ власти естественнѣе, святѣе власти материнской.

Послѣ смерти родителей своихъ, старшій въ семьѣ, прямой законный наслѣдникъ, былъ князь Андрей Петровичъ. Безъ предварительныхъ соглашеній, безъ избранія, а также просто, по общему влеченію, онъ и сдѣлался главою семейства. Авторитетъ его, не имѣя законнаго освященія давности, можетъ быть, и не имѣлъ вполнѣ нравственнаго значенія, которымъ пользовалась первоначальная власть; но въ этой династіи Оболенскихъ законъ прямонаслѣдія не могъ быть никѣмъ оспариваемъ. Такимъ образомъ, это семейство,

это колѣно Оболенскихъ, составило опять, или вѣрнѣе сказать, осталось въ Москвѣ неразрозненнымъ, нераздробленнымъ племенемъ, а живою, самобытною и крѣпко-сплоченною единицею.

Время между тѣмъ шло своимъ порядкомъ и со своими видоизмѣненіями. Домъ сына не былъ уже старосвѣтскимъ домомъ матери. Новые обычаи, новыя требованія заглянули и отчасти, какъ бы незамѣтно, вторглись и въ него. Сохраняя, впрочемъ, свой индивидуальный отпечатокъ, свою особенную первенствующую ноту, онъ согласовался съ господствующимъ настроеніемъ общежитія. Тутъ бывали и балы, и спектакли. Но главнымъ признакомъ и отличительною принадлежностью этого дома была семейная жизнь. Семейные обѣды еще разрослись съ размноженіемъ семейства, уже усиленнаго народившимися поколѣніями. Отличительною чертою этихъ обѣдовъ было и то, что число служившихъ за столомъ почти равнялось числу сидѣвшихъ за столомъ. Въ старыхъ домахъ нашихъ многочисленность прислуги и дворовыхъ людей была не однимъ послѣдствіемъ тщеславнаго барства: тутъ было также и семейное начало. Наши отцы держали въ домѣ своемъ, кормили и одѣвали старыхъ слугъ, которые служили отцамъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ призрѣвали и воспитывали дѣтей этой прислуги. Вотъ корень и начало этой толпы болѣе домочадцевъ, чѣмъ челядинцевъ. Тутъ худаго ничего не было; а при старыхъ порядкахъ было много и хорошаго, и человѣколюбиваго.

Вовсе не будучи Англоманомъ, князь Андрей Петровичъ живалъ большую часть года въ подмосковной своей, селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Подмосковная была настоящимъ и любимымъ мѣстопребываніемъ его. Тамъ онъ жилъ, въ Москвѣ гостилъ. Тамъ была и довольно богатая библіотека съ нѣкоторыми роскошными изданіями. Собралъ онъ ее во время пребыванія своего за границею. Самъ мало пользовался онъ ею, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе года. Однажды сказалъ онъ мнѣ, что нынѣ, кромѣ духовныхъ, онъ никакихъ книгъ не читаетъ. Не знаю, принадлежалъ-ли онъ къ какой нибудь масонской ложѣ; но пріятельскія связи его съ Плещеевымъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, Кошелевымъ, графомъ Львомъ Разумовскимъ могутъ удостовѣрить, что онъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ ихъ духовному и мистическому настроенію. Особенно въ осенніе мѣсяцы, деревенскій Троицкій домъ былъ многолюденъ и оживленъ: всѣ родные съ своими чадами и домочадцами, дядьками, гувернантками, прислугою переселялись туда на нѣсколько недѣль. Бывали нѣкоторые и посторонніе изъ пріятелей. Между прочими бывалъ нѣкто Митрополитовъ, не знаю, кто и что̀ именно и откуда онъ. Но онъ очень любимъ былъ въ семействѣ. Отъ него собственно слыхалъ я только одно: «А что, ваше сіятельство, каковы табачки?» То есть каковъ послѣдній мною купленный Турецкій табакъ. (Тогда сигары были еще малоизвѣстны). Находился тутъ и отставной генералъ Муромцевъ, большой чудакъ, но человѣкъ честный, умный, крѣпко изувѣченный въ Екатерининскихъ войнахъ, и самъ добровольно и съ любовію крѣпко изувѣчивавшій Французскій языкъ, къ особенному удовольствію графа Ростопчина, также пріятеля его. Въ Муромцовѣ было много и сердечности. Въ 12-мъ году, незадолго до Московскаго разгрома, зная, что денежныя средства Карамзина довольно ограничены и что собирается онъ выѣхать изъ Москвы съ семействомъ своимъ, онъ добровольно предложилъ ему взять у него за-

имообразно десять тысячъ рублей. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда будущее было очень сомнительно, подобное предложеніе человѣку, съ которымъ не былъ онъ въ дружественныхъ связяхъ, а только въ свѣтско-пріятельскихъ, вѣрно опредѣляетъ оцѣнку и нравственное достоинство его. Даже Карамзинъ, котораго утро было исключительно посвящено исторической работѣ, жертвовалъ ею разъ или два въ теченіи лѣта и ѣзжалъ изъ Остафьева на день или два въ село Троицкое.

Осенніе сборы имѣли здѣсь преимущественно цѣлью охоту за зайцами. Охота и всѣ принадлежности ея были хорошо и богато устроены. Въ промежуткахъ при охотѣ за зайцами, усердно шла охота и за картами; не въ видѣ выигрыша, потому, что всѣ были свои, и что игра была по маленькой; но надобно-же было Русской честной компаніи не терять золотаго времени. Иногда садились за карты тотчасъ послѣ завтрака вплоть до обѣда, разумѣется, по деревенскому обычаю въ часъ по полудни. Тутъ всѣ играли: отцы и дѣти, мужья и жены, старые и малые. За обѣдомъ обыкновенно съѣдали, въ разныхъ видахъ и приготовленіяхъ, всѣхъ зайцевъ затравленныхъ наканунѣ.

Карты имѣли вообще значеніе въ жизни князя Андрея Петровича, хотя онъ былъ вовсе не игрокъ. Въ первой молодости своей, пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ Петербургъ съ рекомендательными письмами къ роднымъ, но не имѣя въ виду никакого особеннаго покровительства. Положеніе довольно затруднительное и почти безысходное; но здравый умъ его и разсудительность нашли исходъ. Въ обществахъ, гдѣ онъ бывалъ, сильные міра сего по вечерамъ играли въ коммерческія игры. Чтобы не быть въ такомъ обществѣ, не только лишнимъ, но сдѣлаться и нужнымъ, онъ рѣшился отложить изъ небольшаго капитала своего потребную частичку и пожертвовать ею, для завоеванія себѣ мѣста въ новой средѣ своей. Онъ предложилъ себя участникомъ въ игрѣ. Опредѣленную сумму онъ, можетъ быть, и спустилъ; на главное было добыто: онъ ознакомился, сблизился съ разными значительными лицами, онъ пріобрѣлъ право гражданства въ городскомъ обществѣ. Послѣ этого, остальное пошло само собою. Въ этомъ разсчетѣ его, въ этой отрывочной чертѣ, довольно ясно обозначается и складъ ума его, и складъ тогдашняго общества. Но впрочемъ исключительно-ли и одного-ли тогдашняго?

Князь Андрей Петровичъ умеръ въ позднихъ лѣтахъ и оставилъ по себѣ довольно многолюдное семейство. Дочь его, отъ перваго брака, была за мужемъ за Николаемъ Аполлоновичемъ Волковымъ, сыномъ извѣстной въ Москвѣ Маргариты Александровны и братомъ извѣстной Маріи Аполлоновны, которая, неожиданно и непредвидимо для самой себя, получила загробную журнальную извѣстность, по милости писемъ ея, довольно нескромно, а частью и не кстати обнародованныхъ въ журналахъ.

Можно положительно сказать, что князь оставилъ по себѣ добрую и честную память въ Московскомъ обществѣ и даже въ Московскомъ университетѣ, котораго былъ нѣсколько лѣтъ попечителемъ, хотя, конечно, ни приготовительныя условія, ни самыя личныя склонности и желанія, не предназначали его на подобное званіе. Онъ былъ, какъ сказано выше, честный, высокой нравственности, здраво-мыслящій и духовно-религіозный человѣкъ. Эти качества, и не безъ нѣкоторой основательности, обратили на него вниманіе и вы-

боръ Императора Александра и министра просвѣщенія кн. Голицына. Впрочемъ, положеніе, которое умѣлъ онъ заслужить въ обществѣ, побудило еще прежде Великую Княгиню Екатерину Павловну предложить ему мѣсто губернатора въ Твери, отъ котораго онъ отказался. Кажется, позднѣе было ему предложено званіе сенаторское, отъ котораго онъ также уклонился.

Вотъ посильный очеркъ семейной картины стараго быта. Краски мною употребленныя не ярки, но вѣрны. Самое содержаніе картины не богато движеніемъ и замысловатостью; но оно взято съ натуры, писано съ памяти, но памяти сердечной, а по выраженію Батюшкова:

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!

Признаюсь, мнѣ отрадно было писать эту картину и уловлять въ ней мелкія принадлежности и подробности, которыя могутъ постороннимъ зрителямъ казаться неумѣстными и лишними. Но я самъ имѣю свой уголокъ въ этой картинѣ: и я былъ въ ней дѣйствующимъ лицемъ. Весело, а можетъ быть и грустно, смотрѣть на себя, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, и увидѣть себя каковымъ былъ ты, въ любимомъ и счастливомъ *нѣкогда*.

Впрочемъ, въ попыткѣ моей отзывается не одно частное и личное, или какъ говорится нынѣ *субъективное* побужденіе; здѣсь есть еще и болѣе и широкое и *объективное*. Какъ ни заглядывай въ минувшее, какъ ни проникай въ него, а все же, хотя по соображенію и по сравненію, не минуешь настоящаго: невольно наткнешься на него. Такъ и со мною. Посмотрѣвъ на то, что̀ было, хочется мнѣ окинуть бѣглымъ взглядомъ и то, что̀ есть. Мнѣ кажется, что нынѣ едва-ли найдется семейство подобное тому, которое мною обрисовано. Не говорю уже о численности. Старое время было урожайнѣе нашего. Во всякомъ случаѣ, семейное начало потрясено и урѣзано, на Западѣ, еще болѣе нежели у насъ. Семейства раздроблены, однѣ личности выступаютъ впередъ. Въ этомъ, можетъ быть, есть признакъ и выраженіе нѣкотораго улучшенія и освобожденія, или также, какъ говорится нынѣ, *соціальнаго прогресса*. Не споримъ. Но есть вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и признакъ, зародышъ нѣкотораго таящагося общественнаго разложенія. Есть Русская пословица: «прибыль и убытокъ на однихъ саняхъ ѣздятъ». Люди, а особенно мы Русскіе, во всѣхъ вопросахъ, смотримъ на одну прибыль, которую возимъ и катаемъ, а на попутчика ея не смотримъ. Между тѣмъ онъ тутъ; рано, или поздно, можетъ быть, онъ дастъ себя знать. Вотъ отъ чего наши окончательные разсчеты часто невѣрны, иногда намъ и въ накладъ. Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейнаго авторитета и дома не пріучаться уважать его, едва-ли будемъ мы позднѣе способны признавать авторитетъ общественный и честно и съ любовью служить ему. Если мы изъ родительскаго дома выносимъ начало розни, то неминуемо внесемъ туже рознь и въ общество. Тогда уже общества собственно нѣтъ, а будутъ отдѣльныя общества, расколы, которые каждый создаетъ по образу и подобію своему. Искусныя узы политическаго родства не могутъ имѣть прочность и святость естественныхъ семейныхъ узъ.

Нынѣ идетъ повсемѣстно споръ объ уравненіи правъ и дѣятельности между прекраснымъ поломъ и поломъ некрасивымъ. Почему-

же и не идти этому спору? Нѣтъ сомнѣнія, что мущины могли-бы, съ вѣжливою уступчивостью, подѣлиться съ женщинами нѣкоторыми своими присвоенными себѣ *профессіями* и занятіями, другія даже имъ вовсе уступить. Но все это исключенія, случайности. Но все-же настоящее, природою указанное, святое мѣсто женщины есть домъ, есть семейный очагъ, будь она мать, дочь или сестра. Внѣшняя, шумная, боевая, дѣловая жизнь, многосложная дѣятельность, можно сказать, несовмѣстна съ призваніемъ женщины, даже недостойна ея; въ скромномъ и свѣтломъ призваніи она выше, независимѣе, свободнѣе, нежели будетъ она на искусственныхъ и завоеванныхъ ею подмосткахъ.

Впрочемъ, искони бывали примѣры, что женщины входили въ благородное совмѣстничество съ мущинами. Всегда и вездѣ бывали женщины ученыя, политическія; бывали женщины великіе писатели, превосходные художники. Слѣдовательно неодолимыхъ преградъ общество предъ ними не воздвигало; не было общественнаго давленія, которое заглушало-бы природныя призванія и дарованія, когда теплились въ нихъ лучь и зародышъ дарованія.

Скажемъ мимоходомъ: если признавать семью, то надобно-же кому нибудь оставаться дома; а когда и жена съ утра, подобно мужу, будетъ обязана отправляться на службу, на работу и къ должности, то кто-же останется представителемъ и отвѣтственнымъ лицемъ семейнаго дома, семейнаго начала?

— Quelle est la femme que vous estimez le plus? спросила Бонапарте г-жа Сталь.

— Celle qui a le plus d'enfants, отвѣчалъ онъ ей наотрѣзъ. Отвѣтъ конечно, не очень любезный и даже грубый. Впрочемъ вопросъ стоитъ отвѣта.

Но когда найдется женщина, которая не только мать многочисленнего семейства, но и нравственная связь и нравственная сила его; но когда эта мать, подобно крѣпкой и доблестной женѣ Священнаго Писанія, наблюдаетъ въ домѣ своемъ за семействомъ и хозяйствомъ своимъ и «не ѣстъ хлѣба праздности», то безъ сомнѣнія, общее и глубокое уваженіе ей особенно и преимущественно подобаетъ.

О подобной женщинѣ молчать не слѣдуетъ. Еще болѣе: въ нашу эпоху, прыткую и легко разгорающуюся предъ каждою новизною, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, чрезъ чуръ скептическую и отрицательную въ другихъ отношеніяхъ, сознается полезнымъ и почти обязательнымъ, возбуждать, или по крайней мѣрѣ попытаться возбуждать, сочувствіе къ отдаленнымъ образцамъ, къ характеристическимъ личностямъ другаго времени, другаго порядка, другихъ понятій и, такъ сказать, вѣрованій. Нехудо иногда сравнивать настоящее время съ минувшимъ и провѣрять себя, то есть человѣка. При этомъ все хорошее, добытое новыми поколѣніями при нихъ и останется; никто и ничто не можетъ посягнуть на него. Но при сравненіи, при повѣркѣ, если что нибудь окажется не совсѣмъ удавшимся, если окажется гдѣ нибудь пробѣлъ, то почему не позаимствовать у минувшаго то, что̀ не сокрушитъ, не измѣнитъ, не ослабитъ настоящаго, а напротивъ можетъ служить ему опорою и цѣлебною силою?

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, я вызвалъ изъ мрака забвенія, изъ замогильнаго молчанія имя и образъ княгини Екатерины Андреевны Оболенской.

1877. *Князь Вяземскій.*

Первое взятіе Русскими войсками города Карса.
(Іюнь 1828 года).

Изъ памятныхъ записокъ Н. Н. Муравьева Карскаго *).

(Писано въ 1831 году).

Мѣста, по коимъ мы шли, представляли обширныя равнины съ небольшими возвышеніями, но совершенно безлѣсныя; земля плодородная, корма хорошіе, поля хорошо воздѣланы; но жители изъ селеній, мимо коихъ мы шли (большею частію Армяне), всѣ были угнаны по приказанію Турецкаго правительства, удалявшаго ихъ съ намѣреніемъ отъ насъ.

При Джомушлу, что̀ на рѣчкѣ Карсѣ-чай, я дѣлалъ привалъ. Я удивился сходству, которое рѣка въ семъ мѣстѣ имѣла съ рѣками въ Россіи. Я привыкъ видѣть въ гористыхъ мѣстахъ быстрые потоки. Явленіе рѣки, тихо текущей въ отлогихъ берегахъ, скрытыхъ зеленью, было для меня явленіе совершенно новое.

17-го Іюня весь корпусъ тронулся вмѣстѣ и прибылъ къ селенію Мешко, близъ коего и расположился лагеремъ. Нашъ лагерь составлялъ одно большое каре, среди коего становились въ колонахъ обозы и кавалерія, а потому мы и не подвергались какой-либо неудачѣ при внезапномъ нападеніи.

Авангардъ нашъ, подъ командою казачьяго полковника Сергѣева, состоявшій изъ одного казачьяго полка, піонернаго батальона и 4 линейныхъ орудій, остановился верстахъ въ 2-хъ или въ 3-хъ впереди насъ, у подошвы горы, отдѣльно въ полѣ стоявшей. Съ сей горы можно было видѣть издали Карсъ, отстоявшій еще верстъ на пятнадцать. До сихъ поръ мы еще нигдѣ не встрѣчали непріятеля; но передъ вечеромъ сдѣлалось у насъ во всемъ лагерѣ движеніе, произведенное суетливостью Паскевича. Тревога сія однакоже скоро прекратилась. Поводомъ къ оной служило печаянное нападеніе, сдѣланное на передовые посты авангарда партіею изъ 30 конныхъ Турокъ, выѣхавшихъ изъ Карса, которые гнались за нашими пикетами, одному казаку голову сняли, а другаго взяли въ плѣнъ. Партія сія немедленно возвратилась, и мы ночевали спокойно.

Вотъ въ какомъ видѣ происшествіе сіе было представлено въ напечатанныхъ извѣстіяхъ о дѣйствующемъ Кавказскомъ корпусѣ, доставленныхъ Паскевичемъ.

---

*) Печатается съ подлинной рукописи. П. Б.

«Извѣстія о дѣйствующемъ Кавказскомъ корпусѣ».

«По переходѣ за границу, 14-го сего мѣсяца, главный дѣйствующій корпусъ, подъ начальствомъ корпуснаго командира генерала отъ инфантеріи графа Паскевича Эриванскаго, слѣдовалъ отъ Гумровъ по прямому направленію къ крѣпости Карсу черезъ селенія Дигишъ, Палдераванъ и Мешко. Весь сей край, населенный Армянами, представляетъ нынѣ совершенное опустошеніе, ибо Турецкое правительство всѣхъ жителей переселило въ отдаленнѣйшія мѣста».

«При селеніи Мешко, 17-го числа, въ первый разъ открытъ былъ непріятель. Конница его въ большомъ числѣ выѣхала изъ крѣпости, верстъ на 16 разстоянія, и напала на наши передовые пикеты, но по прибытіи подкрѣпленія была отражена. Отважность сей конницы, рѣшившейся на большое разстояніе отдалиться отъ крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленныя лазутчиками извѣстія показывали, что гарнизонъ Карса весьма многочисленъ и составленъ изъ хорошихъ войскъ. Число конницы изъ дели-башей, исфаговъ, Курдинцевъ и Карапанахцевъ простирается до 5 тысячъ; пѣхота же заключаетъ въ себѣ всѣхъ жителей способныхъ къ поднятію оружія и коихъ число вмѣстѣ съ пришедшими Лазами можетъ составлять также около 5 тысячъ человѣкъ».

Сіи реляціи превосходили всякое ожиданіе; но я имѣю причины думать, что не одинъ Паскевичъ былъ въ семъ виновенъ. Я полагаю, что С. съ удовольствіемъ украшалъ оныя, особливо о тѣхъ дѣлахъ, въ коихъ онъ самъ находился. Покойный же Бурцовъ составилъ себѣ изъ сего совершенное ремесло. Онъ находился при главной квартирѣ безъ особенной должности. Извѣстія, помѣщенныя о непріятельскихъ силахъ, я думаю, были справедливы; но не полагаю, чтобы въ числѣ оныхъ уже были въ то время Лазы, жители горъ прилегающихъ къ Черному морю и не имѣющіе въ обыкновеніи отдаляться на такое большое разстояніе изъ своихъ ущелій. Мы позже встрѣтили сіе храброе племя въ Ахалцыхѣ.

18-го числа, мы оставили большую дорогу, ведущую къ Карсу, потому что, идучи по оной, намъ бы встрѣтилась подъ самымъ Карсомъ гора Карадагъ, которую Турки сильно укрѣпили и соединили оную еще укрѣпленнымъ лагеремъ съ самою крѣпостью. Мы пошли влѣво, описывая около Карса дугу на разстояніи 8 или 9 верстъ отъ крѣпости, въ виду оной, и такимъ образомъ достигли селенія Азадъ-Кёвъ, лежащаго уже неподалеку отъ большой дороги, ведущей изъ Карса въ Эрзрумъ, такъ что, повернувши на право, мы имѣли передъ собою предмѣстія Карса, коего грозная цитадель возвышалась за онымъ.

Авангардъ нашъ состоялъ изъ тѣхъ же войскъ и, пройдя Азадъ-Кёвъ, казаки въ расплохъ напали на выѣхавшихъ изъ Карса нѣсколькихъ фуражировъ и, погнавъ ихъ, двухъ захватили въ плѣнъ и столько же, кажется, убили. Можно сказать, что если мы были неосторожны на своихъ пикетахъ, то Турки вообще были оплошны. Они не такъ какъ Персіяне открываютъ непріятеля и, будучи тяжелѣе ихъ, остаются съ безпечностью въ своихъ лагеряхъ. Мы имѣли много разъ случай замѣтить сіе.

Переходъ сей былъ болѣе похожъ на тріумфальное шествіе, въ коемъ однакоже колесницы замѣнялись Грузинскими арбами; ибо порядокъ, соблюденный во время марша, какъ войсками, такъ и въ обозахъ, былъ удивительный и превосходилъ всякое ожиданіе. Непріятель, видя насъ издали, могъ бы полагать, что у насъ было

огромное войско: ибо обозы хотя шли и густою колоною въ четыре линіи, но все еще занимали болѣе 7 верстъ въ длину. Батальоны пѣхоты, прикрывающіе изрѣдка на флангахъ сію черную движущуюся массу, отличались по блеску ружей въ яркій и жаркій день. Кавалерія, съ коею шелъ самъ Паскевичъ, описывала меньшій кругъ, прикрывая нашъ правый флангъ отъ крѣпости, въ одной или двухъ верстахъ отъ колоны, и часто останавливалась. На обширной равнинѣ, по коей мы двигались, все движеніе наше казалось съ близъ-лежащихъ высотъ какъ начерченное на планѣ, и симъ мы были обязаны, кромѣ старанія и бдительности частныхъ начальниковъ, конечно распорядительности Сакена.

Въ сей день, повернувши отъ Азадъ-Кёва, гдѣ у насъ былъ привалъ, на право и прошедши еще нѣсколько, мы остановились лагеремъ лицемъ къ предмѣстью Карса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ онаго, въ томъ же порядкѣ какъ стояли наканунѣ.

Вотъ что было написано въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ о происшествіяхъ сего дня.

....«Отъ с. Мешко, оставивъ большую Гумринскую дорогу, г. корпусный командиръ рѣшился фланговымъ движеніемъ обойти крѣпость и, занявъ лагерь на большой Эрзрумской дорогѣ, пресѣчь сообщенія между Карсомъ и Эрзрумомъ и тѣмъ самымъ лишилъ первую крѣпость ожидаемаго подкрѣпленія отъ сераскира, коего полагали въ слѣдованіи съ 20-ю-тысячнымъ корпусомъ къ Карсу. Упомянутое фланговое движеніе, исполненное въ порядкѣ въ виду крѣпости, не было обезпокоиваемо непріятелемъ. Транспорты и обозы, раздѣленные по пѣхотнымъ бригадамъ, шли въ четыре ряда, будучи прикрыты пѣхотою и артилеріею; конница занимала поле, обращенное къ крѣпости. Не подалеку отъ селенія Азадъ-Кёвъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, непріятель, встрѣченный передовыми казаками, былъ вытѣсненъ изъ оврага съ потерею нѣсколькихъ убитыми и взятыми въ плѣнъ».

Реляція сія написана справедливо, исключая того, что особеннаго непріятеля не было въ оврагѣ кромѣ нѣсколькихъ фуражировъ, которые почти безъ бою бѣжали въ крѣпость.

Ввечеру было отдано между прочимъ слѣдующее приказаніе:

«Завтрашняго числа походъ съ лагеря при крѣпости Карсъ. Корпусъ выступаетъ въ 7 часовъ утра лѣвымъ флангомъ. Всѣ тягости, исключая одного патроннаго ящика и двухъ лазаретныхъ повозокъ въ каждомъ полку, остаются въ нынѣшнемъ расположеніи; для охраненія оныхъ назначается по одной ротѣ изъ каждаго пѣхотнаго и 50 казаковъ изъ каждаго Донскаго полковъ, и по два орудія изъ каждой батарейной роты».

*

Если бы я имѣлъ планы мѣстоположеній и крѣпости, при коихъ мы встрѣчались съ непріятелемъ, то описанія сіи были бы гораздо внятнѣе, но за неимѣніемъ оныхъ я опишу здѣсь по возможности мѣстоположеніе, окружающее Карсъ.

Цѣпь горъ Соганлугскихъ, отдѣляющихъ Эрзрумъ отъ Карса, спускается особеннымъ отрогомъ, оконечность коего составляетъ почти отдѣльную гору называемую Карадагомъ; но Карадагъ все еще соединенъ съ отрогомъ своимъ хребтомъ на разстояніи 3-хъ или 4-хъ сотъ саженъ, на восточной покатости коего расположено одно предмѣстье Карса. Отъ сего предмѣстья выше по отрогу лежитъ на той же покатости городъ Карсъ, къ коему на долинѣ примыкаетъ съ восточной же стороны также обширное предмѣстье. Карадагъ былъ

укрѣпленъ рубленымъ деревяннымъ редутомъ съ четырьмя орудіями. Самый доступъ къ оному уже былъ очень труденъ по высотѣ и крутизнѣ горы; деревянныя же укрѣпленія, сдѣланныя срубами, коихъ середина набивается землею и кои Турки вездѣ употребляютъ, оказались весьма выгодными въ полѣ. Отъ Карадага было начато укрѣпленіе, которое окружало все первое предмѣстье, раскинутое на плоскости и примыкало къ крѣпости или другому большому нижнему предмѣстью. Но укрѣпленіе сіе было недокончено, какъ равно не совершенно было кончено укрѣпленіе, соединяющее Карадагскій редутъ по самому хребту съ крѣпостью, коего большая башня, вооруженная нѣсколькими крѣпостными орудіями, обстрѣливала Карадагскій редутъ. Отъ сей башни внизъ по покатости шла двойная стѣна съ башнями и воротами, окружающая городъ съ трехъ сторонъ, изъ коихъ впереди нижней было еще топкое мѣсто или болото. Стѣны сіи были въ хорошемъ состояніи: высоки, толсты, и въ башняхъ много орудій, но разныхъ калибровъ, на дурныхъ лафетахъ и въ большой неисправности. И такъ городскія стѣны съ двухъ сторонъ спускались съ горы, къ большому предмѣстью и съ одной находились у самой подошвы горы, шли вдоль оной и отдѣляли городъ отъ большаго предмѣстья, которое, имѣя по внѣшнимъ угламъ особенно отдѣльныя башни съ артилеріею, было еще обведено каменнымъ валомъ вновь сложеннымъ безъ известки, но съ небольшимъ рвомъ.

Съ Эрзрумской стороны, подъ самыми почти стѣнами города, протекаетъ рѣка Карсъ, черезъ которую имѣется хорошій мостъ. Рѣка сія, вытекающая изъ Соганлугскихъ горъ, дѣлаетъ небольшое колѣно параллельное Карсу, въ 3-хъ верстахъ выше онаго; тутъ черезъ оную идетъ большая Эрзрумская дорога по хорошему мосту; потомъ, упираясь въ большое нижнее предмѣстье Карса, опять поворачиваетъ на лѣво, отдѣляетъ третье предмѣстье Карса, лежащее на покатости горы съ Эрзрумской стороны, которое оборонялось тоже отдѣльною башнею, окруженною небольшимъ валомъ и называвшеюся Топалъ-паша, и наконецъ врѣзывается страннымъ въ природѣ явленіемъ въ самую гору, которую разсѣкаетъ пополамъ и окружаетъ съ сѣверо-западной стороны Карсъ, оттуда уже неприступный: ибо хребетъ раздѣленъ почти вдоль пополамъ рѣкою текущею въ каменныхъ обрывахъ, вышиною въ 60 саженъ по крайней мѣрѣ Внѣшняя часть хребта сего доступна, если на горы подняться отъ Эрзрумскаго моста; но на противоположномъ хребтѣ поставлена высокая цитадель Карса, унизанная орудіями, которая спускается къ городу нѣсколькими ярусами толстыхъ стѣнъ, такъ что она для приступа совершенно недоступна; и хотя съ противуположной высоты по близкому разстоянію и можно ее засыпать ядрами, но толстыя стѣны цитадели сей долго устоятъ противъ артилеріи, и кромѣ того еслибы огонь оной и прекратился, то выгода отъ сего была бы небольшая, ибо черезъ то не улучшился бы доступъ.

Изъ сей цитадели, хорошо и чисто выстроенной, подѣланы у Турокъ потайные въ камнѣ высѣченные ходы къ водѣ и мельницамъ. Рѣка Карсъ, имѣющая до 12 саженъ ширины, не вездѣ проходима въ бродъ и, минуя Карсъ и Карадагъ съ сѣверо-восточной стороны оныхъ, течетъ опять по равнинѣ въ отлогихъ берегахъ.

Описавъ такимъ образомъ Карскую крѣпость въ томъ видѣ или тѣмъ порядкомъ, какъ оная намъ представилась во время осады, я для большей внятности повторю описаніе сіе, приступивъ къ оному со средины, или начиная отъ цитадели.

Цитадель Карса, названная Англинскими путешественниками неприступною, лежитъ на вершинѣ горы, по восточной или юго-восточной покатости коей стоитъ городъ и коей противуположная сторона кончается обрывомъ, въ коемъ сдѣлано нѣсколько сходовъ къ рѣкѣ Карсъ-чаю, и между прочими одинъ закрытый сходъ изъ самой цитадели для добыванія воды. Противуположный же сему обрыву берегъ рѣки кажется въ семъ мѣстѣ еще болѣе недоступенъ по крутизнѣ скалъ, изъ коихъ оный состоитъ. Берегъ сей, на который можно съ артилеріею взойти, поднявшись на горы верстахъ въ 3-хъ повыше Карса, нѣсколько возвышеннѣе того мѣста, на коемъ построена цитадель.

Цитадель сія спускается къ городу въ нѣсколько ярусовъ толстыхъ стѣнъ, соединяется на вершинѣ горы невысокою стѣнкою (идущею по берегу скалы) съ большой башнею, обстрѣливающею Карадагскій редутъ. Съ одной стороны отъ сей башни, съ другой же отъ самой цитадели, спускаются двѣ двойныя стѣны съ башнями до долу, гдѣ онѣ соединяются такоюже поперечною двойною стѣною, передъ которою въ одномъ краю мѣстоположеніе затоплено.

Съ сѣверо-восточной стороны за сей стѣной находится на покатости горы небольшое предмѣстье, за которымъ былъ выстроенъ на горѣ Карадагъ редутъ съ четырьмя орудіями, который соединялся недоконченными укрѣпленіями съ одной стороны по хребту горы до большой башни, а съ другой стороны по покатости кругомъ предмѣстья внизъ къ крѣпости или къ другому большому предмѣстью.

Съ юго-восточной стороны, за крѣпостной стѣною, находится большое предмѣстье, расположенное уже на равнинѣ, на углахъ коего имѣются отдѣльныя башни съ артилеріею, связанныя въ недавнемъ времени сложенною каменною стѣною безъ извести.

Съ юго-западной или Эрзрумской стороны, за крѣпостною стѣною, течетъ рѣка Карсъ, обгибающая цитадель и Карадагъ, и отдѣляетъ отъ города предмѣстье, расположенное также на покатости и обороняемое стоящею въ краю онаго отдѣльною башнею, окруженною небольшимъ валомъ и называющеюся Топалъ-паша.

Таковое крѣпкое положеніе крѣпости Карса подало Европейскимъ путешественникамъ поводъ къ сравненію оной съ Гибралтаромъ. Крѣпость сія въ самомъ дѣлѣ очень сильна мѣстоположеніемъ своимъ, и она намъ вѣроятно въ другой разъ не достанется такъ легко въ руки, какъ въ сей [1].

Кромѣ вышеописанныхъ укрѣпленій, Турки выстроили еще два укрѣпленныя лагеря, одинъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая передъ предмѣстьемъ, прилегающимъ къ Топалъ-пашѣ на низу, и поставили въ оный нѣсколько орудій, а другой на горѣ выше Топалъ-паши, дабы воспрепятствовать нашему приближенію къ краю обрыва, съ коего можно было бить въ цитадель.

Городъ многолюденъ, и всѣ жители вооружены, такъ что при находящихся тамъ войскахъ, обороняющихъ было весьма достаточно для удержанія крѣпости, хорошо снабженной всякаго рода запасами артилерійскими въ избыткѣ и провіантомъ. Но начальникомъ у Турковъ былъ паша, человѣкъ невоенный. Паша сей былъ нѣкогда муллою въ селеніи Тегишъ (черезъ которое мы проходили, переступивъ

[1]) Черезъ 27 лѣтъ по написаніи этихъ строкъ Карсъ взятъ былъ самимъ авторомъ. *П. Б.*

изъ Гумровъ границу); онъ, какъ говорятъ, занимался болѣе предметами до его званія касающимися и получилъ мѣсто паши въ Карсѣ черезъ происки свои и связи, которыя онъ пріобрѣлъ нѣкогда въ путешествіи своемъ въ Царьградъ. Онъ былъ слабъ, необразованъ, простаго происхожденія и совсѣмъ не похожъ на правителя области. Звукъ орудій слишкомъ сотрясалъ его, и онъ не умѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій, не могъ предпринять никакихъ дѣятельныхъ мѣръ.

*

Городъ Карсъ населенъ Турками и Армянами. Послѣдніе не имѣютъ достаточныхъ причинъ жаловаться на какія либо притѣсненія въ мирное время со стороны правительства, ибо они въ городѣ свободно торгуютъ, а въ деревняхъ свободно занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ въ довольствіи. Взаимныя отношенія сихъ двухъ народовъ измѣнились съ открытіемъ войны.

Жители Карса—народъ вообще маловоинственный, хотя всѣ вооружены; торговля составляетъ главнѣйшее ихъ занятіе.

Пашалыкъ Карскій хотя и числится во владѣніяхъ Турецкой имперіи, отъ коей онъ зависитъ по единовѣрію, обычаямъ и назначенію отъ султана пашей, но сія зависимость, какъ остатокъ давнишняго вліянія Порты, нынѣ по обстоятельствамъ, мѣстоположенію, связямъ и безпечности Порты измѣнилась и обратилась въ сношенія другаго рода, указанныя большею частію существомъ дѣла и самою природою. Сношенія торговыя поставили Карскаго пашу болѣе подъ вліяніе Эриванскаго сердаря, сбывавшаго черезъ сей пашалыкъ знатную часть произведеній своей земли, состоящую изъ хлопчатой бумаги. И такъ какъ въ Азіи правители или владѣльцы лично ведутъ монопольную торговлю произведеніями подвластныхъ или управляемыхъ ими земель, то и политическія сношенія сихъ земель черезъ сіе сближаются и приходятъ во взаимную зависимость, въ коей первенствуетъ сильнѣйшая богатствомъ страна.

Кѣмъ построенъ Карсъ, я не имѣю настоящихъ свѣдѣній. Крѣпость онаго хотя древняя, но вѣроятно построена Турками. Впрочемъ на картѣ Англійскаго путешественника Киннейра, на коей означены походы Ксенофонта, видно, что городъ сей существовалъ еще въ его время подъ названіемъ *Харса* и что Ксенофонтъ при отступленіи своемъ съ 10,000 проходилъ мимо онаго около моста, что̀ черезъ рѣку Карсъ-чай, близъ города по Эрзрумской дорогѣ и, не переходя онаго, повернулъ влѣво къ Требизонду черезъ Ипсиру и землю Лазовъ.

Около сего моста мы намѣрились поставить свой осадный лагерь, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать и оборонять Эрзрумскую дорогу,—намѣреніе смѣлое при малочисленности войскъ нашихъ, но дѣльное; ибо мы черезъ сіе занимали сообщенія Карса съ Эрзрумомъ.

Первый пунктъ приказанія, отданнаго съ вечера 18-го числа и въ копіи приложеннаго выше, относился къ сему предполагаемому движенію. 19-го числа, войска выстроились въ три линіи въ боевой порядокъ (кавалерія между 2-й и 3-й, составлявшей резервъ подъ моею командою) и подвинулись въ строю къ крѣпости. Съ какимъ намѣреніемъ было предпринято сіе общее движеніе, я не понимаю: крѣпость мы разомъ взять не могли, для рекогносцировки не нужно было выводить все войско; дабы прикрыть движеніе обозовъ влѣво, сіе было также излишне. Достаточно бы было части войскъ, другая мо-

гла бы идти и занять новый лагерь и по настоящему должна бы сдѣлать сіе.

И потому мнѣ кажется, что движеніе сіе было предпринято безъ всякой цѣли, какъ и многія подобныя движенія Паскевича. Ему, можетъ быть, хотѣлось на Карсъ посмотрѣть... Но у него вѣрно не было въ мысляхъ сдѣлать правильную рекогносцировку, каковой онъ и не сдѣлалъ. Боевой порядокъ нашъ былъ тотъ же, который онъ употребилъ подъ Елисаветополемъ. Пѣхота въ трехъ линіяхъ побригадно, въ батальонныхъ колонахъ, между коими стояла артилерія; регулярная кавалерія между 2-й и 3-й линіями пѣхоты. Строй весьма хорошій противъ Азіатскихъ войскъ въ полѣ, но безполезный противъ крѣпости....

Казаки были впереди первой линіи около нашего лѣваго фланга, первые встрѣтились съ выѣхавшими изъ крѣпости непріятельскими всадниками и вступили въ перестрѣлку, отъ коей съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Казаки поступали смѣло и вели себя хорошо. Съ приближеніемъ нашимъ къ крѣпости, непріятель открылъ по насъ довольно сильный огонь изъ орудій своихъ, расположенныхъ на башняхъ, стоящихъ на покатости горы въ нѣсколько ярусовъ, но не причинилъ намъ никакого вреда. Ему отвѣтствовали съ нашей стороны, стрѣляя по обширному городу въ строенія безъ всякой цѣли. Впереди насъ, по валу, сложенному передъ большимъ предмѣстьемъ, безъ известки (для соединенія угловыхъ башень, прикрывающихъ сіе предмѣстье), Турки толпились около своихъ знаменъ, выставленныхъ на семъ валу, коего еще продолжали работу собранными городскими жителями: между ними было замѣтно нѣсколько начальниковъ, которые были верхами на лошадяхъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ безъ всякой пользы продолжался. Мы, кажется, мало занимались осмотромъ крѣпости; однако же Бурцовъ былъ посланъ съ батальономъ піонеръ и 2-мя орудіями передъ правый флангъ нашей первой линіи, ближе къ крѣпости, неизвѣстно мнѣ съ какимъ приказаніемъ. Онъ, какъ смѣлый офицеръ, подошелъ очень близко къ угловой башнѣ предмѣстья и былъ встрѣченъ огнемъ съ оной и съ Карадага, отъ чего и лишился нѣсколькихъ человѣкъ. Въ сіе самое время показалась противъ нашего праваго фланга непріятельская кавалерія, человѣкъ до пяти сотъ, которые сдѣлали вылазку изъ крѣпости. Не буду ручаться, чтобы Бурцовъ не былъ посланъ въ то время, какъ уже непріятельская кавалерія показалась; но не понимаю и въ семъ случаѣ сего движенія: ибо онъ никогда бы не могъ настичь оную, еслибы она стала уклоняться, и только подвергался перекрестнымъ выстрѣламъ артилеріи изъ крѣпости; впослѣдствіи же оказалось, что движеніе Бурцова принесло нѣкоторую пользу.

Непріятельская конница, вышедши изъ крѣпости, съ быстротою понеслась на нашъ правый флангъ и, увидя сомкнутыя колоны пѣхоты и артилеріи, стала обгибать сей флангъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы ударить въ тылъ на наши обозы; но въ сіе самое время Сакенъ выдвинулъ кавалерію изъ за пѣхоты направо и атаковалъ Турокъ, которыхъ въ мигъ опрокинулъ со своднымъ уланскимъ полкомъ, преслѣдовалъ почти до самой крѣпости и взялъ около 30 или 40 человѣкъ въ плѣнъ кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Турки должны были тогда скакать мимо піонернаго баталіона, и Бурцовъ пропустилъ ихъ въ крѣпость обратно мимо батальнаго огня и картечныхъ выстрѣловъ своего отряда. Сводный уланскій полкъ первый разъ былъ

въ дѣлѣ и удачно; сіе чрезвычайно подняло духъ полка сего, который во все время войны всегда уже имѣлъ успѣхъ.

Сакенъ велъ себя очень храбро. Но полагаютъ, что онъ поспѣшилъ атаковать непріятеля и что, еслибы онъ его далѣе пропустилъ, то нанесъ бы гораздо болѣе урона Туркамъ. Послѣ сего пальба изъ орудій съ обѣихъ сторонъ стала рѣже. Турки высылали нѣсколько пѣшихъ застрѣльщиковъ изъ крѣпости, которые, прокрадываясь рытвинами, стрѣляли въ наши колоны, но никого не задѣли. Запрещено было отвѣчать на ихъ выстрѣлы, дабы не завязать дѣла. Всадники Турецкіе также выѣзжали по одиночкѣ, вертѣлись передъ нашимъ фронтомъ очень близко и смѣло и пускали безполезные выстрѣлы изъ своихъ карабиновъ. Паскевичъ показалъ себя неробкимъ, но безъ всякой распорядительности; ибо кромѣ пальбы изъ орудій, онъ ничего не приказалъ особеннаго и, какъ я выше сказалъ, ничего не высматривалъ и не высмотрѣлъ. Его забавляла невѣрность непріятельскихъ выстрѣловъ, подъ коими онъ завтракалъ въ первой линіи; но въ сей день онъ имѣлъ сшибку (съ начала Турецкаго похода) съ генераломъ Гилленшмитомъ, начальникомъ нашей артилеріи.

Гилленшмитъ, тотъ самый, который отличился, будучи еще въ чинѣ полковника, въ дѣлѣ Красовскаго, 17-го числа Августа 1827 года, подъ Ушаганомъ въ Персидскую войну, былъ человѣкъ благородныхъ правилъ, офицеръ дѣятельный, знающій и смѣлый. Видя, что заряды теряются безъ всякой пользы, онъ подошелъ къ одной изъ батарей и велѣлъ прекратить огонь, полагая, можетъ быть, что офицеръ артилерійскій продолжаетъ пальбу единственно для своего удовольствія. Паскевичъ, стоявшій поодаль, увидѣлъ и замѣтилъ сіе Гилленшмиту... Гилленшмитъ представилъ причины, побудившія его къ отданію такого приказанія, говоря, что заряды надобно было беречь для нужнаго случая. Паскевичъ вспылилъ и напомнилъ ему свое званіе главнокомандующаго. Пальбу опять начали, но Гилленшмитъ, не выходя изъ границъ уважительности, коею онъ обязанъ былъ начальнику, остался въ своемъ мнѣніи, говоря съ хладнокровіемъ и основательностію, что̀ и заставило Паскевича перемѣнить свое обхожденіе. Удивительно, что случай сей не имѣлъ никакого вліянія на службу Гилленшмита, который до сихъ поръ успѣлъ удержаться въ хорошихъ сношеніяхъ съ начальникомъ нашимъ, коего онъ постоянно сохранилъ, хотя наружное, уваженіе.

Во время пальбы приказано было полковнику Ренненкампфу осмотрѣть предполагаемое мѣсто для лагеря на Эрзрумской дорогѣ и потомъ, переправясь черезъ рѣку Карсъ-чай, подняться на горы, коихъ отрогъ тянулся къ Карсу и занять вершины оной баталіономъ пѣхоты, что̀ и было исполнено безъ большаго затрудненія; ибо на горахъ сихъ было только нѣсколько всадниковъ Турецкихъ, наблюдавшихъ за нашими движеніями и которые немедленно удалились въ крѣпость.

*

Послѣ сего, первая и вторая линіи прошли лѣвымъ флангомъ на Эрзрумскую дорогу, гдѣ, сдѣлавъ перемѣну дирекціи налѣво, войска сіи стали лицемъ къ Карсу, тыломъ къ мосту, что̀ по Эрзрумской дорогѣ и къ Эрзруму. Мнѣ приказано было съ резервомъ заступить мѣсто оныхъ передъ предмѣстьемъ до вечера и передъ вечеромъ,

сдѣлавъ такое же движеніе, стать за онымъ въ лагерѣ, но лицемъ къ мосту и Эрзруму для обереженія тыла. Съ выступленіемъ первыхъ линій, я подвинулся впередъ и стоялъ передъ крѣпостью почти до вечера. Непріятель стрѣлялъ изрѣдка и не нанося намъ никакого вреда. Передъ вечеромъ я пошелъ въ лагерь, принявъ прежде свой правый флангъ назадъ, дабы не подвергнуть оный нападенію непріятельской кавалеріи и занялъ свое мѣсто лицемъ къ Эрзруму.

Лагерь нашъ составлялъ большое каре или, лучше сказать, одну большую квадратную колону, составленную изъ трехъ линій пѣхоты и въ срединѣ одной линіи кавалеріи, расположенныхъ въ баталіонныхъ и дивизіонныхъ колонахъ съ небольшими интервалами. Среди сего лагеря стояла корпусная квартира. Осадная артилерія, транспорты съ хлѣбомъ, маркитанты и парки съ артилерійскими зарядами поставлены были нѣсколько поодаль. Лагерь нашъ представлялъ видъ цѣлаго города, коего однакоже торговля ограничивалась продажею вина и вакштафа; пѣсельники, музыканты, снаряженіе осадной артилеріи, которую ставили на лафеты,—все сіе оживляло нашъ станъ, въ который были приведены захваченные въ сей день плѣнные, коихъ разноцвѣтные кафтаны и высокія чалмы привлекали любопытныхъ. Мы любовались гордому виду сихъ израненныхъ воиновъ, которые, сидя въ кружкѣ около огня, ни для кого не безпокоились и были также безпечны, какъ будто находились на отдыхѣ въ какомъ нибудь караванъ-сараѣ.

Все наше заключалось въ лагерѣ. Фуражиры наши косили траву на обширной равнинѣ, что на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, по дорогѣ къ Эрзруму, подъ прикрытіемъ; но внѣ лагеря нашего сообщенія наши были всѣ прерваны и ненадежны.

Непріятель, который пустилъ за мною нѣсколько ядеръ въ догонку, изрѣдка стрѣлялъ въ лагерь на элевацію, и хотя мы стояли въ $2^1/_2$ верстахъ отъ крѣпости, но нѣкоторыя ядра еще падали въ самомъ лагерѣ. Мы приписывали дальній полетъ сихъ ядеръ длинѣ Турецкихъ орудій, которыя несоразмѣрны съ калибромъ оныхъ.

Лѣвый флангъ нашъ былъ обезпеченъ пѣхотою, занявшею въ теченіи дня высоты, ведущія къ крѣпости, на коихъ сложили небольшой редутъ изъ камней; для сообщенія же съ симъ отдѣльнымъ постомъ устроили мостъ черезъ рѣку. Тылъ нашъ былъ обезпеченъ самою рѣкою, обгибавшею оный и крутымъ скалистымъ правымъ берегомъ рѣки въ семъ мѣстѣ, съ коего открывалась вдаль вся равнина и дорога въ Эрзрумъ, которую я оберегалъ. И для того я занималъ еще на ночь отдѣльными постами, на берегу рѣки, въ верстѣ разстоянія, мѣстоположенія при двухъ небольшихъ каменныхъ горахъ, вверхъ по рѣкѣ находившихся. Кромѣ сего, для обереженія нашего праваго фланга, начали еще строить на ономъ редутъ, но котораго работы немного подвинулись за скорымъ взятіемъ крѣпости Карса.

Такъ кончилась мнимая рекогносцировка крѣпости Карса, изъ коей мы болѣе ничего не узнали какъ то, что въ оной имѣется довольное число орудій, но никакъ не выбрали и не утвердили мѣста, съ котораго намъ было начать осаду; ибо на сіе, какъ кажется, было обращено малое вниманіе. Но все движеніе наше сдѣлалось въ отличномъ порядкѣ, и надобно похвалить Паскевича хотя за то, что пушечные выстрѣлы не заставили его перемѣнить перваго намѣренія, каково оно ни было, и оставить лагерь на Эрзрумской дорогѣ, что

21*

если и не было совершенно обдумано, но принесло ту выгоду, которую доставляетъ всякое смѣлое дѣйствіе,—одолѣвать нравственность непріятеля, безъ причины полагавшаго себя отрѣзаннымъ отъ всякаго вспоможенія со стороны Эрзрумскаго сераскира, который могъ всегда пройти иными дорогами къ Карсу.

Вотъ что о семъ дѣлѣ 19-го числа было напечатано въ реляціяхъ.

«19-го Іюня изъ села Азадъ-Кёвъ отправился вагенбургъ съ прикрытіемъ на вновь назначенный лагерь, пересѣкающій Эрзрумскую дорогу и лежащій на рѣкѣ Карсѣ. Г. корпусный командиръ съ большею частію войскъ выступилъ къ крѣпости Карсъ въ намѣреніи сдѣлать усиленное обозрѣніе. Едва только войска въ боевомъ порядкѣ показались на послѣднихъ высотахъ, склоняющихся къ крѣпости, какъ многочисленная конница выступила изъ оной и стремительно бросилась на передовые казачьи полки. Усматривая возможность дать полевое сраженіе, г. корпусный командиръ предположилъ отвлечь непріятеля, сколь возможно, далѣе отъ крѣпости, для чего и приказалъ казакамъ постепенно очищать фронтъ позиціи, склоняясь къ правому флангу. Увѣренный въ успѣхѣ, непріятель понесся за казаками, а въ сіе мгновеніе посланъ былъ г. корпуснымъ командиромъ исправляющій должность начальника штаба генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ со своднымъ уланскимъ полкомъ, линейными казаками, Татарскимъ ополченіемъ и 2-мя орудіями конно-линейной казачьей артилеріи, отрѣзать непріятеля отъ крѣпости. Стройность и быстрота сей атаки, произведенной подъ огнемъ крѣпости во флангъ непріятеля, смяла его и причинила жестокое пораженіе. Между тѣмъ, 8-й піонерный баталіонъ съ 4-мя орудіями казачьей линейной артилеріи подъ начальствомъ полковника Бурцова посланъ былъ для поддержанія кавалерійской атаки, принявъ влѣво ближе крѣпости и рѣзвымъ шагомъ овладѣвъ высотою, въ 200-хъ саженяхъ лежащею отъ оной, сей отрядъ ружейнымъ огнемъ и батареею билъ вслѣдъ бѣгущаго въ городъ непріятеля. Таковымъ движеніемъ нанесенъ былъ ему значительный уронъ; все поле усѣяно было его трупами и до 20-ти человѣкъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, въ числѣ коихъ нѣсколько чиновниковъ, захвачено въ плѣнъ. Отъ сихъ послѣднихъ узнано, что непріятель потерялъ до 100 человѣкъ убитыми и до 200 человѣкъ ранеными. Въ продолженіе сей атаки, Донскіе казачьи полки на лѣвомъ нашемъ флангѣ, подъ командою генералъ-маіора Завадовскаго, вмѣстѣ съ Грузинскимъ дворянствомъ, направляясь подъ командою генералъ-маіора Леонова и полковника Сергѣева, ударили на бывшія противъ нихъ толпы и также вогнали ихъ въ крѣпость. Линейнымъ полкомъ и Грузинскимъ дворянствомъ командовалъ полковникъ князь Бековичъ-Черкасскій».

«Въ семъ дѣлѣ Россійскія войска оказали примѣрную твердость. Не взирая на отважность непріятельской конницы, которая бросилась въ рукопашный бой, наша иррегулярная кавалерія ничѣмъ не уступала ей въ семъ родѣ сраженія. Пѣхота же, по коей крѣпостныя батареи безумолкно дѣйствовали ядрами, неподвижно занимала назначенныя ей мѣста до 4-хъ часовъ пополудни, пока сѣверо-восточная сторона крѣпости была совершенно осмотрѣна. Тогда уже двинулись войска лѣвымъ флангомъ къ лагерю. Потеря наша въ сей день состоитъ изъ 12 убитыхъ и 12 раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ 3 офицера».

«На лѣвомъ берегу рѣки Карсъ приказано было одному баталіону 40-го егерскаго полка съ 2 горными единорогами занять высокую гору и построить на ней редутъ для обезпеченія лагеря. Въ вечеру, переѣхавъ на ту сторону рѣки, г. корпусный командиръ докончилъ обозрѣніе крѣпости. Сила оной весьма значительна и паипаче по мѣстному положенію. Толстыя, каменныя стѣны въ три ряда съ башнями, построенными въ видѣ бастіоновъ, окружаютъ городъ и часть предмѣстья и находятся подъ оборонею цитадели,

лежащей на высокой скалѣ и одной укрѣпленной горы, называемой Карадагомъ».

«Многочисленная артилерія, полагаемая до 100 орудій, очищаетъ поле выстрѣлами во всѣ стороны; почва земли, чрезвычайно каменистая, препятствуетъ работамъ, а главнѣйшая сила города состоитъ въ весьма многочисленномъ гарнизонѣ».

Въ сей реляціи есть нѣкоторыя отступленія, хотя небольшія, отъ истины. Обозрѣніе врядъ ли предполагалось, какъ я выше сказалъ, и совсѣмъ не совершилось. На полевое сраженіе не могло быть надежды, и Паскевичъ выразилъ въ семъ случаѣ только обыкновенное понятіе свое заманить непріятеля. Конница непріятельская, дѣлавшая вылазку, не была весьма многочисленная и все поле не было усѣяно непріятельскими трупами. N., человѣкъ признанной трусости, названъ изъ чести лишь одной. Крѣпость Карсъ описана безъ толку; никто о ней не имѣлъ понятія, пока ея не взяли. Орудій въ крѣпости было гораздо болѣе ста.

Но реляціи всегда такъ пишутся; хорошо бы было, еслибы не болѣе сего увеличивали въ оныхъ мнимые подвиги.

20-го числа Паскевичъ съ частью пѣхоты поднялся на горы, что̀ у насъ на лѣвомъ флангѣ были, съ тѣмъ будто, чтобы сдѣлать обозрѣніе. Коль скоро непріятельскія ядра на элеваціи, изъ цитадели пущенные, стали докатываться до насъ, онъ остановилъ все войско и легъ на землю и едва ли смотрѣлъ къ сторонѣ крѣпости; ничего не приказывалъ и мало говорилъ. Когда только къ нему подходили нѣкоторые начальники съ изложеніемъ своихъ мыслей на счетъ осады и предполагаемыхъ батарей, то онъ разговаривалъ, но ничего утвердительнаго не умѣлъ сказать. Сей разговоръ по часту прерывался пріѣзжавшими по одиночкѣ казаками, которые, подавшись нѣсколько впередъ, иногда перестрѣливались съ 20-ю или 30-ю Турецкими всадниками, выѣзжавшими изъ крѣпости и разсказывали о своихъ подвигахъ, или о томъ, что̀ видѣли. Такимъ образомъ проходилъ день безъ всякой пользы; не былъ даже назначенъ никто для управленія инженерными работами. Нѣкоторое время говорили, что инженеру путей сообщенія подполковнику Эспехо сіе будетъ поручено. Эспехо—Гишпанецъ, не знающій сего дѣла и неохотный къ порученіямъ такого рода, не мѣшался впередъ на глаза: однакоже онъ однажды говорилъ о какихъ-то батареяхъ, которыя предлагалъ поставить на неизмѣримое разстояніе отъ крѣпости, спустившись съ горъ направо въ долину. Больше онъ, кажется, мало что сдѣлалъ и если онъ носилъ званіе начальника инженеровъ у насъ, то, не менѣе того, по сей части управлялся полковникъ Бурцовъ, а Эспехо оставался въ сторонѣ.

Сакенъ нѣсколько разъ предлагалъ подвинуть немного войскъ впередъ, дабы согнать непріятельскихъ фланкеровъ, подъѣхать нѣсколько поближе и осмотрѣть крѣпость; но Паскевичъ съ сердцемъ всегда отказывалъ, опасаясь, какъ онъ говорилъ, завязать дѣло. Онъ все боялся, чтобы Сакенъ не торжествовалъ побѣды безъ него, и онъ ревновалъ его и къ тѣмъ всадникамъ, которые выѣхали изъ крѣпости, но которыхъ онъ не рѣшался прогнать.

Но когда уже стало подходить время къ вечеру, то Сакенъ настоятельно просилъ позволенія обозрѣть крѣпость, что̀ ему и было позволено, но съ уговоромъ не подвигать пѣхоты. Сакенъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ конныхъ; съ нимъ, кажется, поѣхали

Ренненкампфъ, Вальховскій и другіе; меня онъ также пригласилъ. Мы зарядили свои пистолеты и подвинулись, сколько можно было, впередъ; ибо непріятельскіе всадники вскорѣ насъ встрѣтили. Казаки начали отстрѣливаться, но Турки начали показываться, и между оными изъ-за бугровъ стрѣляли и пѣшіе стрѣлки. Сіе было причиною, что мы нашлись принужденными оставить нашу рекогносцировку и отступить назадъ. Паскевичу было сказано, что нельзя однимъ подъѣхать къ крѣпости и что для сего необходимо нужно было сбить непріятельскихъ застрѣльщиковъ пѣхотою, и онъ наконецъ согласился послать одну роту Эриванскаго карабинернаго полка впередъ, которая, прошедши нѣсколько, остановилась на краю большаго оврага и послала своихъ застрѣльщиковъ, но едва они залегли, какъ были вытѣснены Турками, на нихъ бросившимися. Молодой офицеръ, прапорщикъ князь Эристовъ, который ими командовалъ, по неопытности своей, кажется, испугался и слишкомъ быстро отступилъ къ ротѣ, что̀ и подало Туркамъ поводъ напереть на нихъ; они были встрѣчены при ротѣ батальнымъ огнемъ и тотчасъ отступили, а застрѣльщики наши заняли свои прежнія мѣста. При всей пальбѣ сей не было у насъ никакого урона.

Паскевичу представили необходимость непремѣнно прогнать сего непріятеля, дабы обозрѣть крѣпость, и онъ согласился подвинуть сперва одну роту того же полка и потомъ еще двѣ, наконецъ два орудія.

Съ одною ротою и двумя орудіями я пошелъ налѣво въ обходъ непріятельскихъ шанцовъ, впереди насъ за оврагомъ, на противуположномъ берегу онаго находящихся, а подполковнику Кашутину, коего батальонъ уже почти весь соединился, приказалъ дождаться противъ сихъ шанцовъ, на большомъ разстояніи, пока не услышитъ, что я иду, съ крикомъ «ура» и барабаннымъ боемъ, на приступъ и чтобы онъ тогда самъ бросился съ тремя ротами прямо впередъ и, пробѣжавъ долину, занялъ бы непріятельскіе завалы съ фронта.

Все удалось: пока я шелъ съ ротою и двумя орудіями въ обходъ, непріятельскія пули изъ шанцовъ долетали къ намъ въ правый флангъ. Артилерійскій генералъ Гилленшмитъ былъ со мною; мы шли быстро, день уже темнѣлъ, наступала ночь. Адъютантъ Гилленшмита, Влахопуло, нѣсколько разъ говорилъ, что непріятельская конница, идущая изъ Эрзрума съ Кёссе-Мехмедъ-пашою, которую ожидали, показывается у насъ на лѣвомъ флангѣ и по мѣрѣ, какъ мы подавались лѣвымъ плечемъ, впередъ къ тылу; но мы ни на что не смотрѣли, и коль скоро сдѣлали свое захожденіе лѣвымъ плечемъ впередъ во флангъ непріятелю, построили взводы, на походѣ, взявши между оными артилерію и, выславъ застрѣльщиковъ впередъ, ударили въ барабаны и съ крикомъ «ура» бросились впередъ. По наступившей темнотѣ мы не могли различить непріятеля, засѣвшаго на высотѣ въ завалахъ и коего пули всѣ чрезъ насъ перелетали; но, подходя къ укрѣпленіямъ, Турки бѣжали, къ чему ихъ также побудила атака, которую повелъ Кашутинъ прямо, коль скоро я ударилъ въ барабаны. Непріятельскіе шанцы состояли изъ невысокой стѣнки, сложенной изъ камней безъ извести, на краю горы, на коей онъ засѣлъ.

Непріятельская кавалерія не показывалась. Ея и не было; Турки же, защищавшіе шанцы, отступали къ башнѣ Топалъ-пашѣ, откуда они насъ безпокоили ружейными выстрѣлами. Темнота ночи остано-

вила наши успѣхи, и мы залегли за стѣною, дабы пули насъ не доставали. Уронъ нашъ состоялъ изъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ ранеными.

Тогда пріѣхалъ къ намъ начальникъ всей пѣхоты генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій. Человѣкъ сей былъ храбръ лично, но не распорядителенъ; онъ постоялъ нѣсколько подъ пулями, показавъ безъ всякой надобности свою неустрашимость, поговорилъ со всѣми, разсказывалъ разныя вещи, ни къ чему не ведущія и уѣхалъ; съ нимъ и я поѣхалъ, оставивъ на томъ мѣстѣ полковника Фридрикса, коего большая часть полка тутъ находилась.

Въ теченіи сего дѣла я имѣлъ случай замѣтить особенную доблесть казаковъ линейныхъ, которые охотниками пошли пѣшіе съ застрѣльщиками, залегли впереди пѣхоты и долго вели перестрѣлку съ Турками; и когда уже выстрѣлили свои патроны, то прислали ко мнѣ просить новыхъ.

При началѣ атаки, когда мы еще шли флангомъ, я слѣзъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ. Человѣкъ мой, Егоръ Морозовъ, который всегда возилъ за мною трубку, по оплошности выпустилъ свою верховую лошадь — обстоятельство весьма непріятное въ такое время, особливо ночью. Дабы предупредить подобный случай другой разъ, я приказалъ ему, дабы, по поимкѣ лошади, онъ съ нея болѣе не слѣзалъ, что̀ онъ и исполнилъ въ точности: онъ остался одинъ на лошади, когда всѣ стояли пѣши за взятыми шанцами. Пули летали довольно часто черезъ насъ, и могли легко задѣть всякій предметъ возвышенный. Егоръ не смѣлъ слѣзть съ лошади и остался все время верхомъ, но дабы прикрыть себя нѣсколько отъ пуль, употребилъ хитрость: поднялъ лошади голову и выстоялъ все время такимъ образомъ въ огнѣ; но ни онъ, ни лошадь, не были задѣты.

Ночью я возвратился къ Паскевичу, который все оставался на томъ же мѣстѣ на горѣ.

Атаку мою всѣ видѣли, и онъ похвалилъ меня за оную и спросилъ, жарко ли было и какое я сдѣлалъ сравненіе между Персіянами и Турками. Я отвѣчалъ ему, что послѣдніе не въ примѣръ упорнѣе первыхъ дерутся. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ семъ случаѣ они показали себя слишкомъ упорными, но Персіяне и того не дѣлали: не подпущали насъ, или очень рѣдко, на ружейный выстрѣлъ.

Въ теченіи ночи, Турки нѣсколько разъ открывали ружейный огонь по карабинерамъ, но не сбили ихъ; къ тому же, Фридриксу приказано было оставить сіе мѣсто, такъ какъ оно было слишкомъ близко къ крѣпости и что оное трудно было удержать безъ большихъ силъ.

21-го на разсвѣтѣ, Турки опять залегли въ своихъ шанцахъ на горѣ, нами оставленныхъ. Казалось, что не было у насъ цѣли начать осаду съ горы, по коей хотя и можно было очень близко подойти къ цитадели, но нельзя было перейти ужасно глубокаго яра, въ скалистыхъ берегахъ коего текла рѣка Карсъ, отдѣлявшая насъ отъ цитадели и крѣпости. Мѣсто сіе однако было тѣмъ важно, что въ рукахъ Турокъ съ онаго могло намъ вредить въ начатой осадѣ, по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и потому оно было въ послѣдствіи времени опять занято нашими войсками. Высота сія представляла еще то удобство, что съ оной можно было хорошо дѣйствовать по артилеріи крѣпостной и атаковать башню и предмѣстье Топалъ-пашу или, лучше сказать, поддержать атаку онаго; ибо, спускаясь съ сей горы къ башнѣ Топалъ-пашѣ, лѣвый флангъ наступающаго войска под-

вергался выстрѣламъ крѣпостныхъ орудій едвали не на картечное разстояніе.

*

Вотъ происшествія 20-го числа; прилагаю здѣсь выписку изъ приказанія, на сіе число даннаго, 19-го ввечеру:

1.

«Завтрашняго числа въ 4 часа утра 42-й егерьскій полкъ, четыре орудія Донской легкой № 3 роты и двѣ сотни казаковъ Извалова полка, подъ начальствомъ полковника Реута, слѣдуютъ въ подкрѣпленіе отряда полковника Красовскаго и черезъ Везинъ-кёвъ въ сел. Мешко, куда упомянутый отрядъ долженъ прибыть завтрашняго числа. 21-го оба сіи отряда, подъ начальствомъ полковника Реута, должны прибыть въ лагерь главнаго корпуса».

Красовскій, съ частью Крымскаго полка или цѣлымъ полкомъ, былъ оставленъ въ Гумрахъ и долженъ былъ прибыть къ намъ съ послѣдними транспортами, что̀ и было приведено въ исполненіе.

Дополненіе къ словесному приказанію на 20-е число:

«Сего числа, въ 2 часа по полудни, гренадерская бригада, при 8 орудіяхъ, лѣвымъ флангомъ, Ширванскій пѣхотный полкъ, 8-й піонерный баталіонъ съ шанцовымъ инструментомъ и 4000 мѣшковъ, линейная легкая полу-рота, казачьи полки, линейный Карпова и бригада Сергѣева, подъ начальствомъ князя Вадбольскаго, выступаютъ по направленію, которое дано будетъ. Начальнику инженеровъ нарядить офицера для показанія удобной дороги батарейнымъ орудіямъ».

Сіе было то самое движеніе, которое я выше описалъ и коего послѣдствіемъ было занятіе высоты съ укрѣпленнымъ лагеремъ, которую оставили 21-го числа передъ свѣтомъ.

2.

«Прежнія войска остаются въ лагерѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Берхмана; обозъ построить въ вагенбургъ подъ надзоромъ дежурнаго по корпусу».

Прочія войска оставались неподвижны. Во время происходившей у насъ пальбы, генералъ-маіоръ Берхманъ, старый и мало къ чему способный, былъ въ большой тревогѣ, къ чему еще болѣе способствовали шутки Раевскаго, который его дурачилъ и пугалъ разсказами о приближеніи непріятельскаго войска, коего онъ даже показывалъ ему колоны.

Вотъ что напечатано было въ реляціяхъ о происшествіяхъ 20-го числа Іюня подъ Карсомъ:

«Г. корпусный командиръ графъ Паскевичъ Эриванскій, увѣрившись 19-го Іюня, что лучшій пунктъ атаки противъ предмѣстій Карса есть высота на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противулежащая форштату Орта-капи, выступилъ 20-го числа въ 2 часа по полудни съ полками: Грузинскимъ гренадерскимъ, Эриванскимъ карабинернымъ, Ширванскимъ пѣхотнымъ, Донскимъ Карпова и сборнымъ линейнымъ, за рѣку Карсъ-чай. Перешедъ оную черезъ мостъ, устроенный того же утра изъ арбъ 8-мъ піонернымъ баталіономъ, онъ нарочно потянулся въ горы, дабы господствовать намъ мѣстоположеніемъ. Непріятель расположилъ часть войскъ своихъ лагеремъ на означенной высотѣ, укрѣпя оную шанцами съ артилеріею; открывъ же сіе движеніе, выслалъ кон-

ныхъ фланкеровъ и подкрѣпилъ оныхъ пѣхотою. Для удержанія его, г. корпусный командиръ послалъ сотню линейныхъ казаковъ и роту Эриванскаго карабинернаго полка съ 2 конно-линейными орудіями. Турки скоро усилились до 1500 человѣкъ и производили сильный огонь, засѣвши въ каменныхъ утесахъ, почему отряжены были еще двѣ роты карабинерныхъ, которыя, обошедъ флангъ непріятеля подъ защитою картечей линейныхъ орудій, съ барабаннымъ боемъ ударили въ штыки и взяли родъ редута, сдѣланнаго изъ камней на высотѣ горы, противолежащей крѣпостной цитадели. Сіе нападеніе произведено было подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева и полковника барона Фридрикса съ примѣрнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ. Тщетно непріятель покушался отбить высоту сію; онъ всегда былъ опрокидываемъ съ урономъ. Съ нашей стороны въ сей день потеря состояла въ двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ».

Разбирая реляцію сію, замѣтно въ оной довольно нескладностей для человѣка бывшаго свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицемъ въ происшедшемъ при крѣпости Карсѣ. Паскевичъ не имѣлъ повода удостовѣриться, что лучшій пунктъ атаки противъ предмѣстій Карса есть высота на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противулежащая форштату Орта-капи, ибо настоящаго обозрѣнія крѣпости (какъ я выше сказалъ) не было сдѣлано. Сіе подтверждается еще тѣмъ, что Карсъ былъ атакованъ съ обѣихъ сторонъ рѣки и, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, съ коихъ только можно было подойти; высота же, о которой упомянуто въ реляціи, находилась на лѣвой сторонѣ рѣки, а нашъ лагерь весь на правой. Непріятель уже имѣлъ укрѣпленный лагерь передъ предмѣстьемъ Орта-капи, на небольшомъ возвышеніи близъ самаго берега рѣки. Непріятельскія войска, коихъ движенія онъ замѣтилъ для занятія сей высоты, суть тѣ, которыя потянулись на самую гору, дабы противустоять намъ; ибо, какъ въ реляціи сказано, мы потянулись на горы, дабы господствовать высотою, которую занять хотѣли. Въ семъ случаѣ, высоты и горы сіи показаны съ такою сбивчивостью, какъ и происшествія, которыя туманились въ глазахъ нашего начальника.

Изъ описанія, выше мною сдѣланнаго, явствуетъ уже, съ какими понужденіями и побужденіями Паскевича, склонили къ тому наступательному движенію, которое намъ такъ хорошо удалось.

Послѣ возвращенія моего къ Паскевичу ночью, онъ вскорѣ уѣхалъ въ лагерь, поручивъ мнѣ начальство надъ всѣми войсками, оставшимися на лѣвомъ берегу рѣки и на высотахъ. Мнѣ сказано было, что уже приступлено къ строенію батарей и редутовъ; но никто не могъ мнѣ въ темнотѣ указать, гдѣ бы ихъ можно было отыскать, равно какъ и войска, занимавшіяся сими работами. Говорили только, что подполковнику Эспехо поручены распоряженія о построеніи оныхъ. Надлежало отыскать и войска, и редуты, и Эспехо.

Такъ какъ мнѣ указывали одинъ оврагъ, по которому если спущусь, то могу найти первую батарею, которую работали, то я поѣхалъ по оному внизъ; послѣ долгихъ исканій, я наткнулся на баталіонъ Ширванскаго полка, коего одна половина лежала при ружьяхъ, а другая работала. При семъ баталіонѣ былъ самъ полковой командиръ полковникъ Бородинъ, извѣстный любимецъ Паскевича. Никто не былъ предупрежденъ о томъ, что мнѣ было поручено начальство въ сію ночь. Я объявилъ о семъ Бородину, и онъ съ нѣкоторою отвагою показалъ мнѣ работы свои въ семъ мѣстѣ. Надобно было отыскать его другой баталіонъ, который также строилъ редутъ,

и я просилъ его съѣздить со мною на оный. Я удивился, когда Бородинъ, вмѣсто того, чтобы исполнить просьбу мою, которая была не иное что, какъ приказаніе начальника, отозвался невозможностію отлучиться отъ сего мѣста. «Поручите здѣсь работы баталіонному командиру, сказалъ я, и поѣзжайте со мною; вамъ надобно самимъ въ обоихъ мѣстахъ быть».—«Уже этого я никакъ не могу сдѣлать», отвѣчалъ Бородинъ. Видя, что приказанія мои не дѣйствуютъ на сего безразсуднаго человѣка, полагавшагося на покровительство главнокомандующаго, я его онымъ же укорилъ и сказалъ, что хотя моя обязанность и заставляла меня отказать ему немедленно отъ командованія полка, поручивъ оное старшему по немъ баталіонному командиру, но что я сего не дѣлаю единственно изъ уваженія къ главнокомандующему, котораго огорчитъ извѣстіе о таковомъ поступкѣ полковника Бородина; а онъ долженъ знать, сколько повиновеніе есть важно въ военной службѣ и какимъ послѣдствіямъ подвергаетъ нарушеніе онаго. «Какъ вамъ угодно, говорилъ онъ, я ѣхать не могу».—«То, что̀ вамъ сказано мною, отвѣчалъ я, показываетъ уже вамъ величину вины вашей. Я назвалъ вамъ взысканіе, коему вы подлежите; въ исполненіе не привожу онаго изъ уваженія къ главнокомандующему, который вѣрно васъ не оправдаетъ»;—и съ тѣмъ уѣхалъ.

Вскорѣ я нашелъ и другой редутъ, который работали Ширванцы. Я не могъ себѣ объяснить причину, побудившую Бородина къ подобному ослушанію. Личныхъ неудовольствій между нами до тѣхъ поръ никакихъ не было.

Я не могъ судить въ сію ночь о положеніи укрѣпленій. Полагали, что они заложены слишкомъ далеко отъ крѣпости, что̀ и оказалось на другой день, ибо батарейныя орудія едва добрасывали гранаты въ непріятельскій укрѣпленный лагерь; но многія изъ оныхъ и не долетали; Турецкія же орудія крѣпостныя достигали насъ ядрами, хотя и не цѣльными выстрѣлами. Полагаю причиною не одну величину калибра, ибо не всѣ орудія, на стѣнахъ стоявшія, были большаго калибра и большею частью очень дурно вылиты, но орудія сіи очень длинны, чему я приписываю дальній полетъ Турецкихъ ядеръ.

Паскевичъ однажды говорилъ, что главная сила крѣпостей заключается въ вышинѣ и толщинѣ стѣнъ и глубинѣ рва, а дальность выстрѣловъ артилеріи въ длинѣ орудій. Сіе сужденіе, несообразное съ правилами учености, довольно просто и подвергается осужденію инженеровъ и артилеристовъ; но, судя о крѣпостяхъ и выстрѣлахъ по рѣшительнымъ, наступательнымъ движеніямъ войскъ, которыя одолѣваютъ и то, и другое, я готовъ принять въ семъ случаѣ сужденіе Паскевича за справедливое, хотя оно и противно общему мнѣнію.

Я провелъ почти всю ночь въ объѣздахъ по войскамъ, облегавшимъ крѣпость Карсъ. На другой день должна была ко мнѣ придти смѣна изъ лагеря, состоящая изъ бригады генералъ-маіора Берхмана; но до прибытія оной, 21-го числа, непріятель опять занялъ гору, съ коей я его наканунѣ ввечеру сбилъ и которую полковникъ Фридриксъ оставилъ, по данному ему главнокомандующимъ приказанію, передъ разсвѣтомъ. Противоположная съ нашей стороны высота занималась Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ съ двумя конно-линейными орудіями, изъ коихъ изрѣдка пускалось нѣсколько ядеръ въ непріятельскій укрѣпленный лагерь, стоявшій впереди предмѣстья

Орта-капи, на самомъ берегу рѣки Карсъ-чая; выстрѣлы сіи удачно ложились въ самыя высокія палатки Турецкія, куда батарейныя орудія ниже стоявшія едва досылали свои ядра. Возвышеніе ли, на коемъ стояли наши легкія орудія, было сему причиною, но я почти убѣдился, что батарейная артилерія почти не имѣетъ преимуществъ передъ легкою.

Сею конно-линейною полу-ротою командовалъ казачій есаулъ Зубковъ, человѣкъ отмѣнно бойкій, необыкновенной храбрости. Онъ постоянно отличался во всю войну самыми отважными и смѣлыми дѣйствіями, въ коихъ оказывалъ рѣдкое хладнокровіе. И безъ сомнѣнія сія конно-линейная артилерія была предпочтительна всякой нашей артилеріи, какъ въ дѣйствіяхъ по роду лошадей оной, такъ и въ дѣйствіяхъ по проворству людей. Зубковъ не любилъ употребленія діоптры при наведеніи орудія и замѣнялъ оную двумя указательными пальцами своими, которые ставилъ вмѣстѣ въ отвѣсномъ положеніи на тарели орудія и цѣлилъ черезъ оные.

Въ такомъ положеніи стояли мы до полдня, пока не пришла ожидаемая смѣна. Непріятель иногда пущалъ къ намъ ядра и гранаты, но мало причинялъ вреда; когда же я объѣзжалъ линію, то провожалъ меня всякій разъ по оной выстрѣлами изъ своихъ орудій; иногда и картечью, которая около меня и ложилась, но никого не задѣла. На возвышеніи противъ застрѣльщиковъ Грузинскаго гренадерскаго полка, залегшихъ въ каменьяхъ, спускались въ лощину иногда смѣльчаки или, лучше сказать, отчаянные Турки, одѣтые въ бѣлыхъ платьяхъ, которые останавливались на ружейный выстрѣлъ отъ насъ, стрѣляли по насъ и послѣ того, махая саблями, вызывали насъ на единоборство въ самыхъ бранныхъ выраженіяхъ. Имъ отвѣчали ружейными выстрѣлами, осыпали пулями, которыя въ нихъ, по неловкости нашихъ застрѣльщиковъ, ни въ кого не попадали. Турки ругались надъ нами въ сіе время, прыгали и, уходя въ свои укрѣпленія, не переставали грозиться саблями и смѣяться намъ.

По прибытіи Берхмана, я повелъ его по всей линіи своей. Свита, насъ окружавшая, тѣмъ болѣе умножилась. Турки, какъ казалось, уже замѣтили меня по большому рыжему коню моему съ серебрянымъ уборомъ и открыли огонь. Берхманъ давно уже не видалъ сего, и его сначала нѣсколько изумило сіе. Адъютанты его наклонялись, и онъ скрывалъ свое безпокойство, укоряя ихъ и грозясь имъ, что первому, который наклонится, онъ самъ пуститъ камнемъ въ лобъ. Странныя выраженія сіи, сопровождаемыя смѣшною декламаціею и разными представленіями, долго забавляли бывшихъ свидѣтелями сихъ ужимокъ старика Берхмана, уже и безъ того страннаго по разговору своему и пріемамъ.

Я возвратилъ въ лагерь свои войска, оставивъ только артилерію и надѣялся дать имъ отдохнуть; но происшествія, послѣдовавшія за тѣмъ, попрепятствовали намъ въ томъ.

*

Прилагаю здѣсь въ копіи продолженіе реляціи, выше помѣщенной:

«Означенною перестрѣлкою занявъ непріятеля и отклонивъ его отъ настоящаго нашего намѣренія, г. корпусный командиръ приказалъ въ сію ночь построить батарею на 4 орудія, для дѣйствія противъ вышеписаннаго непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря. Батарея сія была окончена къ разсвѣту, и на оной поставлены Кавказской гренадерской артилерійской бригады 4 орудія,

22-го числа изъ сихъ орудій открыта была пальба; непріятельская пѣхота усилилась на высотахъ, предлежащихъ городу и поставила тамъ 6 орудій, изъ коихъ безпрерывно производила пальбу ядрами и гранатами по нашей батареѣ. Ввечеру г. корпусный командиръ довершилъ обозрѣніе сей стороны и назначилъ мѣста для трехъ ближайшихъ батарей».

«Начальникомъ траншей назначенъ былъ на все время осады Карса Мингрельскаго пѣхотнаго полка полковникъ Бурцовъ».

Паскевичъ и не думалъ развлекать непріятеля перестрѣлкою, какъ сказано въ сей реляціи, дабы отклонить его отъ настоящаго нашего намѣренія. Самая перестрѣлка и взятіе укрѣпленій на высотѣ были вынуждены почти противъ воли главнокомандующаго, который, стоя на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ, ничего не видавъ, и не въ состояніи былъ приказывать что-либо; ибо его, какъ кажется, изумило неожиданное крѣпкое положеніе Карса.

21-го передъ вечеромъ было, какъ написано въ реляціи, точно произведено частное обозрѣніе. Я оставался еще нѣсколько времени около редута, построеннаго близъ рѣки, уже послѣ возвращенія моей пѣхоты въ лагерь; не помню, пріѣзжалъ ли туда самъ Паскевичъ, но я видѣлъ, какъ піонерный прапорщикъ Пущинъ подвинулся одинъ по правому берегу рѣки весьма далеко впередъ, приблизился къ крѣпости и, не взирая на угрожавшую ему опасность отъ Турецкихъ всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ крѣпости по одному и по два, перестрѣливавшихся съ нашими застрѣльщиками, засѣвшими въ огородахъ, осмотрѣлъ мѣсто для главной батареи въ 215 саженяхъ отъ крѣпости и разбилъ даже оную колышками. Такой смѣлый поступокъ Пущина заслужилъ бы и отличія, тѣмъ болѣе, что онъ, и при взятіи Карса и въ другихъ случаяхъ, былъ всегда употребляемъ подъ начальствомъ Бурцова въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, велъ себя всегда отлично и наконецъ былъ жестоко раненъ на штурмѣ Ахалцыха. За отличіе, оказанное Пущинымъ подъ Карсомъ, я представилъ его къ Георгіевскому кресту; всѣ начальники за него ходатайствовали во всѣхъ случаяхъ; но старанія сіи имѣли мало успѣха: ибо Пущинъ, допрежъ сего служившій въ гвардіи капитаномъ, былъ разжалованъ въ рядовые и присланъ на службу въ Грузію еще въ Персидскую войну, послѣ коей онъ выслужился въ офицеры. Пущинъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ по добрымъ качествамъ его, такъ и по достоинствамъ, по знанію и усердію, съ коимъ онъ всегда исполнялъ возлагаемыя на него обязанности.

Теперь приступаю къ описанію дѣйствій нашихъ въ теченіе ночи съ 21-го на 22-е число и самаго неожиданнаго взятія Карса приступомъ. Начинаю съ изложенія реляціи, коей начало довольно справедливо, но въ послѣдствіи приложено стараніе, дабы скрыть, что въ нечаянномъ взятіи Карса не было участія самого корпуснаго командира; при семъ приложу и свои замѣчанія съ объясненіемъ сей длинной реляціи по частямъ.

Реляція.

«22-го числа, для успѣшнаго расположенія предназначенныхъ батарей по обѣимъ берегамъ рѣки Карсъ, кои должны были образовать первую паралель, признано нужнымъ развлечь вниманіе непріятеля на обоихъ нашихъ флангахъ, почему г. корпусный командиръ приказалъ полковнику Раевскому съ Нижегородскимъ драгунскимъ, сводныкъ уланскимъ и однимъ Донскимъ казачьимъ полками и 4 орудіями Донской артилеріи сдѣлать фальшивое нападеніе на на-

шемъ правомъ флангѣ со стороны Карадага, а полковнику Бородину сіе же произвести съ баталіономъ Ширванскаго пѣхотнаго полка и 2 легкими орудіями на лѣвомъ флангѣ противъ непріятельской цитадели. Между тѣмъ генералъ-маіору Королькову съ полками 39 и 42 егерскими и Крымскимъ пѣхотнымъ поручено производить и прикрывать постройку батарей № 2 и 3 на лѣвомъ берегу рѣки Карсъ; а генералъ-маіору Муравьеву съ Грузинскимъ гренадерскимъ и Эриванскимъ карабинернымъ при 4-хъ орудіяхъ 2-й легкой роты Кавказской гренадерской бригады производить и прикрывать постройку 1 паралели и батареи № 4 на правомъ берегу рѣки, противъ бастіоновъ форштата Орта-капи и во флангъ укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря. При движеніи полковника Раевскаго, непріятель выслалъ часть кавалеріи, которую онъ опрокинулъ и въ ночь исполнилъ данное ему порученіе; приближась на 400 саженей къ крѣпости, открылъ по оной пушечный огонь и тѣмъ занималъ непріятеля. Движеніе же полковника Бородина еще болѣе обмануло Турокъ и заставило всю ночь производить ружейную и пушечную пальбу. Они нѣсколько разъ покушались атаковать отрядъ сей, но искуснымъ распоряженіемъ полковника Бородина были наводимы на батарею, состоящую изъ 2 орудій и выстрѣлами оной всегда опрокидываемы».

Съ вечера мнѣ приказано было взять по 800 человѣкъ съ каждаго полка моей бригады и приступить ночью къ построенію главной батареи, осмотрѣнной и намѣченной Пущинымъ еще засвѣтло, на правомъ берегу рѣки, въ 215 саженяхъ отъ крѣпости, противъ бастіона Орта-капи. Мы взяли всѣ осторожности, дабы движеніе наше было скрыто въ темнотѣ ночи и сняли съ фуражекъ бѣлые чехлы, которые подѣланы были во всѣхъ полкахъ для предохраненія людей отъ солнечныхъ лучей и которые ночью могли быть издалека замѣчены непріятелемъ. Одна половина людей была назначена для работъ, а другая въ прикрытіе рабочихъ, къ коимъ присоединены еще 2 легкихъ орудія.

Я подвинулся со всевозможною осторожностію къ назначенному мѣсту, но по темнотѣ ночи, мы нечаянно сбили колышки, разставленные Пущинымъ. Бурцовъ и Пущинъ были со мною; они немедленно отыскали мѣста, и мы приступили къ работѣ. Лѣвый флангъ сей батареи приходился неподалеку отъ рѣки, на каменной возвышенности, что и было причиною, что въ теченіе всей ночи успѣха на семъ флангѣ въ работахъ было очень мало. Ломали камень кирками, но работа мало подвигалась, и наконецъ стали прикрываться холщевыми мѣшками, насыпанными землею; но сіе средство было безполезно, потому что у насъ не было и достаточнаго количества мѣшковъ, и флангъ сей остался почти совершенно открытый. Надобно сказать, что окрестности Карса не производятъ ни одного дерева, а потому мы и не могли имѣть ни фашинъ, ни туровъ. Далѣе, направо работа ретраншамента подвигалась, но въ лѣтнюю короткую ночь едва успѣли нѣсколько только закрыться, и то не во весь ростъ, дурно наброшеннымъ брустверомъ, въ коемъ амбразуры были выложены досками и мѣшками съ землею. Правый флангъ батареи кончался небольшимъ для пѣхоты ложементомъ, который загибался снаружи, прикрывая два орудія, которыя могли дѣйствовать во флангъ непріятельскому укрѣпленію, находившемуся за рѣкою, о коемъ я выше упоминалъ.

Съ прибытіемъ на назначенное мѣсто, я разставилъ часть людей по работамъ, другую же поставилъ нѣсколько позади за каменьями, на коихъ строили лѣвый флангъ батареи, для прикрытія оной. Вне-

реди рабочихъ я положилъ густую застрѣльщичью цѣпь, дабы охранить рабочихъ въ случаѣ нечаянной вылазки изъ крѣпости, съ строгимъ приказаніемъ отнюдь не стрѣлять безъ приказанія, дабы скрыть работы наши отъ Турокъ. Не менѣе того, стукъ инструментовъ о камни или разговоръ, который нельзя было совершенно удержать, возбудилъ вниманіе непріятеля. Сперва они пустили по насъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которые на большое разстояніе ничего не произвели, хотя пули и перелетали черезъ насъ; послѣ того выстрѣлили нѣсколько разъ картечью. Картечь также легла между застрѣльщиками, но никого не задѣла. На сіи выстрѣлы не было дано никакого отвѣта, и безпечный непріятель нашъ убѣдился, что передъ нимъ никого не было и оставилъ насъ въ покоѣ продолжать нашу работу, коей шумъ еще былъ болѣе прикрытъ необыкновеннымъ ревомъ, который Турки поднимали во всей крѣпости, вѣроятно для возбужденія своей бдительности. Кто служилъ въ войнахъ противъ Турокъ, тотъ долженъ имѣть понятіе о семъ необыкновенномъ ревѣ ихъ, схожемъ съ ржаніемъ лошадей и въ полномъ смыслѣ слова страшномъ и странномъ по дикости и разнообразію голосовъ, производящихъ оный безостановочно. Вниманіе Турокъ было кромѣ того еще развлечено двумя фальшивыми атаками, произведенными на флангахъ Раевскимъ и Бородинымъ, какъ сказано въ реляціи, съ тою разницею, что пальба, произведенная сими двумя отрядами, не была ни на кого направлена и что Бородинъ не имѣлъ случая показать ни искусства, ни распорядительности своихъ, что было ему приписано единственно по распоряженію и пристрастію къ нему Паскевича.

Работы на моей батареѣ продолжались съ необыкновенною дѣятельностію; я не отходилъ ни одной минуты во всю ночь отъ рабочихъ, надѣясь до восхожденія луны сколько-нибудь прикрыться; ибо я не могъ полагать, чтобы тогда Турки не открыли меня, тѣмъ болѣе, что шумъ съ нашей стороны все усиливался, особенно когда привезли изъ лагеря орудія и мортиры для вооруженія батареи, которая еще не была готова.

Луна взошла, освѣтила насъ и все-таки насъ не замѣтили; передъ свѣтомъ, Турки въ крѣпости успокоились, ревъ ихъ прекратился, и я тѣмъ болѣе опасался ихъ вниманія; но они, по видимому, безпечно заснули, и я успѣлъ къ свѣту 22-го числа поставить всѣ свои орудія, коихъ было, помнится мнѣ, до 14 разнаго калибра, кромѣ двухъ мортиръ. Вотъ что о дѣйствіяхъ въ теченіе сей ночи на моей батареѣ было сказано въ продолженіи реляціи.

Продолженіе реляціи.

«Отвлеченное сими дѣйствіями вниманіе непріятеля предоставило возможность заложить всѣ батареи на ближнемъ отъ города разстояніи, а именно: № 3 и 5 на 300 и № 4 на 230 саженяхъ. Однакоже, непріятель нѣсколько замѣтилъ наши работы и неоднократно тревожилъ оныя ружейною пальбою изъ своего укрѣпленнаго лагеря и картечью съ угловыхъ бастіоновъ форштата; но прикрытіе не отвѣтствовало на выстрѣлы, и темнота ночи, сокрывая работавшихъ людей, содѣлала сію пальбу безвредною. Трудность предпринятыхъ работъ превосходила всякое ожиданіе. Почва земли, повсюду каменистая и утесистая, и неимѣніе лѣса для возки фашинъ и туровъ, представляли чрезвычайныя препятствія; оставалось употребить единое средство для возвышенія бруствера — насыпать мѣшки землею и приносить оные на мѣсто работы. Не взирая на всѣ сіи препятствія, неусыпная дѣятельность начальни-

ковъ и примѣрное усердіе нижнихъ чиновъ дозволили окончить работы къ свѣту и поставить на батареяхъ № 2 и 3 по 4 орудія, а въ траншеѣ, на батареѣ № 4 орудій 12 и 4 мортиры. Въ сей послѣдней батареѣ сдѣланъ былъ одинъ переломъ, расположенный на продолженіи фланга укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря, отстоящій отъ онаго въ 150 саженяхъ».

Мнѣ неизвѣстны работы, произведенныя на лѣвомъ берегу рѣки, а потому и не могу о нихъ ничего сказать; но помнится мнѣ, что переломъ, о коемъ здѣсь упоминается, на моей батареѣ, коей данъ былъ № 4, отстоялъ нѣсколько далѣе 150 сажень отъ непріятельскаго лагеря; впрочемъ, мы не подвергались внезапному нападенію изъ того лагеря, отъ коего были отдѣлены рѣкою, непроходимою въ семъ мѣстѣ. Ружейныя же пули ночью до насъ долетали, но безъ всякаго вреда.

Теперь предстоитъ самая занимательная минута, рѣшившая взятіе Карса, коего никто не ожидалъ въ сей день и, кажется, еще не знали, откуда и какимъ образомъ возмется сія сильная крѣпость.

Я не пишу военную исторію Турецкой войны, а записки о происшествіяхъ оной, а потому изложу здѣсь все происшедшее на моей батареѣ, куда пріѣхалъ напослѣдокъ и самъ главнокомандующій.

Едва вышина бруствера начинала прикрывать рабочихъ на моей батареѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва была удобнѣе для работы, какъ сталъ показываться свѣтъ, 23-го числа (Іюня 1828), и непріятель, замѣтивъ насъ, открылъ по насъ огонь изъ орудій. Мы отвѣчали, и черезъ четверть часа всѣ орудія крѣпости и цитадели были обращены на насъ. Я дѣйствовалъ равно изъ всей своей артилеріи по Турецкимъ укрѣпленіямъ, и обоюдный огонь сей продолжался болѣе четырехъ часовъ сряду. Врядъ ли мнѣ случалось во всю свою службу быть когда-либо въ сильнѣйшемъ огнѣ, какъ въ сей день, и мы бы не выдержали онаго еще болѣе двухъ часовъ: ибо брустверъ и амбразуры во многихъ мѣстахъ были почти совершенно разрушены непріятельскими ядрами, которыя начинали уже подбивать нашу артилерію и бить людей, но неожиданнымъ образомъ обстоятельства перемѣнились. Князь Вадбольскій, котораго солдаты называли Николаемъ-Чудотворцемъ, какъ по сходству его съ симъ угодникомъ, такъ и по военнымъ доблестямъ души его, находился въ то время на батареяхъ, устроенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки, нѣсколько отдаленныхъ отъ крѣпости; съ нимъ былъ и Бурцовъ. Желая что-либо предпринять, они послали полковника Миклашевскаго съ двумя ротами егерей занять кладбище, находившееся неподалеку отъ непріятельскаго лагеря, что̀ и было исполнено безпрепятственно; но егеря не удовольствовались симъ и почти безостановочно бросились съ Миклашевскимъ на самый укрѣпленный лагерь, въ коемъ было два орудія и изъ коего прикрытіе удалилось въ предмѣстье отъ фланговаго по оному дѣйствія нѣсколькихъ орудій моей батареи.

Атака сія удалась, орудія и лагерь взяты приступомъ, но въ слѣдъ за симъ Турки сдѣлали сильную вылазку изъ предмѣстья, выславъ до 2000 пѣхоты, которая неслась, съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ и съ ужаснымъ крикомъ, впередъ. Я дѣйствовалъ по нимъ гранатами и картечами черезъ рѣку во флангъ, но не могъ остановить ихъ стремленія; они опрокинули лѣвый флангъ нашихъ застрѣльщиковъ и погнали ихъ назадъ къ кладбищу, нанося имъ значительный уронъ. Правый же флангъ, при коемъ находился Миклашевскій, удержалъ свое мѣсто въ Турецкомъ укрѣпленномъ лагерѣ или близъ онаго,

или, лучше сказать, былъ окруженъ и оборонялся. Нашихъ было тутъ, какъ мнѣ говорилъ самъ Миклашевскій, не болѣе 30 человѣкъ, но въ тоже время Вадбольскій отрядилъ 42-й егерскій полкъ, который встрѣтилъ сперва бѣгущихъ и остановилъ непріятеля. 42-ые егеря, подходя колоною быстрымъ шагомъ, нѣсколько растянулись и открыли баталіонный огонь изъ колоны, стрѣляя вверхъ безъ всякаго вреда непріятелю, какъ то обыкновенно дѣлаютъ наши войска, когда теряется въ строю присутствіе духа—вѣрный признакъ неустройства, прикрытаго наружнымъ блескомъ тишины во фронтѣ въ мирное время. Одинъ баталіонъ егерскій 42-го полка принялъ вправо по рѣкѣ, вмѣсто того, чтобы идти прямо на поддержаніе сражавшихся въ Турецкомъ укрѣпленіи. Не полагаю, чтобы движеніе сіе было намѣренное, ибо оно не имѣло никакой цѣли; но думаю, что направленіе сіе было послѣдствіемъ нерѣшимости людей или баталіоннаго командира, которые, подвигаясь впередъ, прикрывались крутымъ, скалистымъ лѣвымъ берегомъ рѣки; но когда они уже стали подходить къ тому мѣсту, надъ коимъ Миклашевскій держался, то Турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ, были уже на берегу скалы, къ коей прижали нашихъ. Съ неимовѣрною храбростію егеря, повернувъ налѣво, полѣзли на скалы, на которыя очень трудно было взбираться, кромѣ того, что ихъ встрѣчалъ надъ головами разъяренный и побѣдоносный непріятель. Но ничего ихъ не остановило; они вступили на верхнемъ краю скалы въ рукопашный бой съ Турками. Все сіе дѣло было очень хорошо видно съ моей батареи, и я былъ свидѣтелемъ сего боя, уже давно вышедшаго изъ обыкновенія въ войскахъ. Люди смѣшались толпами, какъ на картинахъ рисуютъ; наши кололи штыками, Турки саблями рубились; сіе продолжалось нѣсколько минутъ; наши одолѣли, Турки бѣжали опять черезъ свою батарею въ предмѣстье, и Миклашевскій былъ выручень. Но вмѣстѣ съ Турками ворвались и наши въ предмѣстье, ибо успѣшное дѣйствіе сіе, нечаянно случившееся, было немедленно поддержано Вадбольскимъ, пославшимъ артилерію во взятый Турецкій лагерь, которая начала дѣйствовать по предмѣстью. Бурцовъ взялъ часть пѣхоты, вошелъ въ предмѣстье, изъ коего повернулъ налѣво и атаковалъ башню Темиръ-пашу, которую вскорѣ и взялъ; въ самомъ же предмѣстьѣ открылось сильное стрѣлковое дѣло, ибо Турки защищались на улицахъ и въ домахъ, но были вездѣ опрокинуты сильнымъ натискомъ нашей пѣхоты. Первая атака Миклашевскаго на кладбище началась около половины одинадцатаго часа утра. Паскевичъ еще былъ все въ лагерѣ и слушалъ канонаду. Дѣло Миклашевскаго не продолжалось болѣе получаса, и когда уже наши вступили за рѣкою, на берегу скалы, въ рукопашный бой съ Турками, тогда главнокомандующій пріѣхалъ ко мнѣ на батарею, гдѣ еще продолжался весьма сильный огонь. Онъ слѣзъ съ лошади, остановился на лѣвомъ флангѣ батареи, на самомъ открытомъ мѣстѣ (тамъ каменная почва земли не позволила намъ возвысить бруствера) и увидѣлъ за рѣкою опрокинутый лѣвый флангъ Миклашевскаго и происходящій бой на берегу скалы. Паскевича обдавало ядрами; онъ не робѣлъ, но пробылъ нѣкоторое время въ обыкновенномъ своемъ, въ такихъ случаяхъ, положеніи, то есть, какъ человѣкъ, изумленный нечаянностію, не знающій, что предпринять и ожидающій чьего-бы ни было совѣта или предложенія, чтобы поправить дѣло и вывести его изъ такого затруднительнаго положенія, въ коемъ онъ находился, не умѣя самъ ничего ни придумать, ни приказать.

Я подошелъ къ нему въ эту минуту. Вмѣсто ожидаемой мною благодарности начальства за успѣшное построеніе и удержаніе батареи въ теченіи 4 часовъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ, онъ разразилъ на меня гнѣвъ свой и съ самымъ оскорбительнымъ возвышеніемъ голоса, показывая на бой, спрашивалъ меня: «Чтò это значитъ? Кто это приказалъ? Съ какого повода сіе сдѣлалось безъ приказанія его? Какъ смѣли?» Мнѣ нечего было отвѣчать, ибо я зналъ только свою батарею съ прикрытіемъ и не имѣлъ никакого участія въ молодецкой атакѣ, произведенной за рѣкою по распоряженію князя Вадбольскаго и Бурцова, рѣшившей въ сей день, противъ всякаго гаданія, взятіе Карса.

Я отошелъ отъ него нѣсколько шаговъ, дабы отдать какое-то приказаніе черезъ офицера, находившагося у меня на ординарцахъ, Эриванскаго карабинернаго полка прапорщика князя Ратіева, и въ то самое время, какъ я съ нимъ говорилъ, непріятельское ядро, пролетѣвшее мимо меня, оторвало лѣвую руку у сего офицера.

Я видѣлъ самый выстрѣлъ изъ орудія, стоявшаго на угловой башнѣ, и слышалъ весь полетъ ядра, отъ коего, казалось, можно бы даже уклониться и съ тѣхъ поръ пересталъ вѣрить общему сказанію, существующему въ войскахъ, что видѣнный и слышанный выстрѣлъ изъ орудія идетъ уже мимо. Ратіевъ схватилъ лѣвую размозженную руку свою правою и произнесъ только слова: «Николай Николаевичъ, не оставьте меня!»—«Кто тебя оставитъ!» отвѣчалъ я ему и приказалъ его отвести къ перевязочному мѣсту. Онъ шелъ самъ, поддерживаемый товарищемъ своимъ Потебнею, и лекаря, вмѣсто того, чтобы ему немедленно отрѣзать руку, положили его въ госпиталь. Ратіевъ уже имѣлъ на третій день горячку, когда ему отрѣзали руку, и онъ умеръ вскорѣ послѣ того. Лекаря въ оправданіе свое говорили, что онъ умеръ отъ чумной заразы, но ни леченіе ихъ, ни сія глупая отговорка, не были простительны. Ратіевъ былъ молодецъ, здоровый малый, и съ духомъ. Я присутствовалъ во время операціи; онъ просилъ меня только, чтобы я ему далъ руку свою пожать во время оной; онъ схватилъ мою руку и въ продолженіе операціи крѣпко жалъ ее правою рукою, силился смѣяться, дабы отвѣтствовать моимъ ободреніямъ, но слезы прокрадывались у него сквозь смѣхъ; онъ скрежеталъ зубами и повторялъ только, что родился несчастнымъ.

Ратіевъ былъ изъ Грузинъ, служилъ хорошо и показалъ себя весьма хорошо 20-го числа ввечеру, на приступѣ непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря на высотѣ. Желая сколько нибудь усладить его въ послѣдніе дни или часы его жизни, ему дали солдатскій Георгіевскій крестъ, который онъ заслужилъ допрежъ сего не за долго, кажется, въ Персидскую войну, еще въ юнкерскомъ чинѣ. Онъ бралъ крестъ сей въ руку, разсматривалъ его внимательно, положилъ къ себѣ на грудь и вскорѣ умеръ.

Прежде, чѣмъ продолжать описаніе Карса и дѣйствій Паскевича, я приложу здѣсь копіи съ реляціи, которая была послана о вышеизложенныхъ происшествіяхъ.

«Едва только начало разсвѣтать, какъ всѣ три вновь заложенныя батареи открыли сильнѣйшій перекрестный огонь частію по укрѣпленному лагерю, частію по двумъ угловымъ бастіонамъ форштата Орта-капи. Неожиданность сія примѣрнымъ образомъ изумяла непріятеля. Орудія, бывшія на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, немедленно прекратили пальбу, и войско, ихъ защищавшее, пришло въ смятеніе. Но въ тоже время съ верхнихъ башенъ крѣпости и съ

неприступной цитадели, имѣющей батареи въ нѣсколько ярусовъ, направлены были всѣ выстрѣлы на главную траншею и начинали производить въ оной сильное раззореніе, тѣмъ болѣе, что брустверы, изъ мѣшковъ сложенные, не будучи довольно прочны, разваливались уже отъ нашихъ выстрѣловъ».

«Слѣдуя накануне сдѣланному распоряженію, надлежало при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть высотою непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря для заложенія на оной рикошетной батареи. По сему замѣченное въ непріятелѣ смятеніе не позволяло отлагать далѣе исполненіе означеннаго намѣренія, и командующій всею пѣхотою, генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій, немедленно, по приказанію г. корпуснаго командира, отрядилъ 42-го егерскаго полка полковника Миклашевскаго, съ 2-мя ротами онаго полка и съ одною ротою 39-го егерскаго, взять кладбище, которое лежало на полугорѣ. Онъ исполнилъ сіе съ отличною быстротою, не взирая на сильный ружейный огонь и на картечи, коими былъ встрѣченъ. Но какъ отъ кладбища до непріятельскихъ шанцевъ оставалось немного пространства, и оное было усѣяно каменниками, то полковникъ Миклашевскій, увидѣвъ возможность овладѣть всею высотою, бросился въ штыки и вытѣснилъ непріятеля изъ шанцевъ, взявъ на оныхъ два орудія и четыре знамя. Между тѣмъ ген.-лейтенантъ князь Вадбольскій поспѣшно двинулъ въ подкрѣпленіе къ сражавшимся войскамъ батальонъ 42-го егерскаго полка подъ командою полковника Реута. Сей батальонъ взялъ направленіе нѣсколько вправо, встрѣтивъ крутой утесъ, на который нельзя было взойти безъ особенной трудности. Непріятель же, выгнанный изъ шанцевъ, умноживъ силы свои, стремительно ударилъ съ правой стороны на высоты и потѣснилъ весь лѣвый флангъ нашихъ войскъ».

«Здѣсь произошелъ самый отчаянный рукопашный бой. Турецкая толпа смѣшалась съ нашими войсками, и не только ружейная пальба и сабельная рубка, но даже взаимное пораженіе каменьями происходило около $^1/_4$ часа. Одно только отличное мужество начальниковъ и всѣхъ нашихъ офицеровъ могло возстановить порядокъ. Наконецъ непріятель былъ опрокинутъ; но, оставивъ укрѣпленную высоту, засѣлъ въ домахъ форштата, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки. Генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій повелъ впередъ войска, подъ командою полковника Реута и полковника Миклашевскаго бывшія, подкрѣпивши оныя остальными ротами 42-го и 39-го егерскихъ полковъ и очистилъ форштатъ до верхняго моста, не смотря на самое сильное сопротивленіе весьма многочисленнаго непріятеля, поддержаннаго ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ противной стороны рѣки. При семъ отбито у непріятеля 9 знаменъ. Убійство было столь велико, что одна улица была совершенно завалена грудами труповъ. Непріятель въ оной былъ съ обѣихъ сторонъ захваченъ и поднятъ на штыки. При семъ случаѣ у насъ убито и ранено 13 офицеровъ. На занятой высотѣ укрѣпленнаго лагеря тотчасъ поставлена была генералъ-маіоромъ Гилленшмитомъ батарея изъ 2-хъ Донскихъ конныхъ и 4-хъ батарейныхъ Кавказской гренадерской бригады орудій, и полковникъ Бурцовъ, съ ротой 36-го егерскаго полка, двинулся влѣво для овладѣнія башнею Темиръ-пашею, которая превышаетъ всѣ предмѣстья и даже стѣны самой крѣпости, равняясь со стѣнами цитадели. Встрѣченный ружейнымъ огнемъ изъ-за камней на самомъ близкомъ разстояніи, онъ ударилъ въ штыки, выгналъ оттуда непріятеля и овладѣлъ сею важною точкою, на которую немедленно поставилъ 2 орудія 2-й легкой роты 20-й артиллерійской бригады. Батарея сія, какъ равно и та, которая генералъ-маіоромъ Гилленшмитомъ устроена была на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, обративъ свое дѣйствіе на башни и стѣны противулежащаго города, мѣткими выстрѣлами, производила ужасное пораженіе».

Хотя въ реляціи сей и сказано, что съ разсвѣтомъ батареи наши открыли огонь; но сіе несправедливо: первые выстрѣлы были сдѣла-

ны изъ крѣпости; безъ оныхъ мы бы повременили еще около получаса, дабы лучше видѣть, куда намъ направлять свои выстрѣлы.

Въ сей же реляціи сказано, что и полковникъ Миклашевскій былъ посланъ атаковать Турокъ вслѣдствіе сдѣланнаго наканунѣ распоряженія, что также ложно, ибо все сіе случилось нечаянно, безъ воли и безъ вѣдома Паскевича, за что онъ и сердился и что онъ приписывалъ къ нашимъ интригамъ.

Здѣсь были взяты у Турокъ первыя знамена, коихъ въ теченіе войны набрали столь великое множество. Не надобно себѣ воображать, чтобы знамена сіи были такъ важны и рѣдки у Турокъ какъ у насъ; въ нерегулярныхъ войскахъ у нихъ имѣются знамена во всѣхъ сотняхъ, при каждомъ начальникѣ. Знамена сіи суть ни что иное какъ сборные знаки, отличающіе сотни. Подъ знаменемъ ставятся обыкновенно храбрѣйшіе люди, которые всегда бываютъ впереди и за коими слѣдуютъ толпы; къ сохраненію же оныхъ не прилагаютъ обыкновенно особеннаго старанія и въ потерѣ не полагаютъ большой важности. Знамена, принадлежащія собственно главнымъ начальникамъ, довольно рѣдки, и полотно ихъ бываетъ украшено искусно написанными молитвами изъ Корана; обыкновенныя же войсковыя знамена просты и бѣдны.

Убійство, описанное въ сей реляціи, относится, по ошибкѣ или незнанію писавшаго оную, не къ занятію сего форштата, гдѣ, впрочемъ, огонь былъ довольно силенъ; но сіе взято со сказаній Раевскаго, который послѣ взятія Карса утверждалъ, что онъ видѣлъ на Армянскомъ предмѣстьѣ (что въ луговой или низменной части города) груду тѣлъ сваленныхъ вмѣстѣ и что онъ не понималъ, какимъ образомъ сіе случиться могло. Я не видалъ сего и не помню, видѣлъ ли и говорилъ ли о семъ кто-либо другой; но знаю, что сіе было говорено Раевскимъ о пораженіи, случившемся въ другомъ предмѣстьѣ, которое я еще не описывалъ и гдѣ дѣйствовалъ Фридриксъ, атаковавшій городъ съ моей батареи, обойдя оный съ правой стороны.

Теперь обращусь снова къ происшествіямъ, случившимся на моей батареѣ, гдѣ я оставилъ Паскевича въ бѣшенствѣ и въ недоумѣніи— что предпринять.

Симоничъ, видя дѣло завязавшимся у 42-хъ егерей за рѣкою, подошелъ къ Паскевичу и убѣдительно просилъ его позволить ему съ частью полка своего (Грузинскаго гренадерскаго) поддержать сію атаку. Я самъ былъ свидѣтелемъ сего великодушнаго и настоятельнаго предложенія Симонича, въ коемъ ему нѣсколько разъ отказывали и наконецъ позволили идти съ двумя или тремя ротами. Симоничъ поспѣшно спустился влѣво къ рѣкѣ и пошелъ было правымъ берегомъ оной; но, не найдя переправы, дабы соединиться съ егерями, возвратился назадъ къ рѣкѣ и перешелъ оную черезъ мостъ, вошелъ въ предмѣстье вмѣстѣ съ егерями и соединился въ ономъ съ полковникомъ Бородинымъ, спустившимся съ горы. Дѣйствія на семъ флангѣ довольно вѣрно описаны въ слѣдующемъ отрывкѣ реляціи, какъ равно и дѣйствія атаки, произведенной съ праваго фланга на Армянское предмѣстье или Орта-капи, а потому для избѣжанія повтореній, я приведу здѣсь прежде копію съ сего отрывка, коего недостатки исправлю своими замѣчаніями. Паскевичъ начиналъ уже проясняться, видя, что на лѣвомъ флангѣ атаки удавались; онъ начиналъ уже улыбаться и говорить почеловѣчески, и атака праваго фланга была уже направлена имъ по настоянію Сакена безъ брани и подозрѣнія на интриги.

«Для обороны башни Темиръ-паша прибыла еще одна рота Крымскаго пѣхотнаго полка, которая оттуда ружейнымъ огнемъ наносила большой вредъ непріятелю. Роты же 42-го егерскаго полка встрѣтили снова большое сопротивленіе, стараясь далѣе проникнуть. Необходимо было подкрѣпить сей флангъ, дабы удержать пріобрѣтенные успѣхи, и господинъ корпусный командиръ послалъ для сего три роты Грузинскаго гренадерскаго полка подъ начальствомъ полковника графа Симонича; полковникъ же Бородинъ для произведенія фальшивой атаки, съ вечера еще занявшій противулежащія цитадели высоты, въ сіе время подвинулся впередъ и выстроилъ противъ оной батарею; между тѣмъ съ нимъ соединился полковникъ графъ Симоничъ, быстро обошедшій высоты, спустившись съ пѣхотою подъ гору; они довершили занятіе форштата, по той сторонѣ рѣки находящагося. Батарея, устроенная на высотѣ полковникомъ Бородинымъ, осталась подъ прикрытіемъ Крымскаго пѣхотнаго полка, который генералъ-маіоръ Корольковъ привелъ въ сіе время изъ резерва для облегченія лѣваго фланга нашего».

«Симъ дѣйствіемъ оканчивалось предпріятіе овладѣть высотою укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря и на оной заложить вторую паралель противъ крѣпости; но, усмотрѣвъ, что быстрое и удачное нападеніе и выгодно поставленныя нами батареи поселили общее смятеніе въ предмѣстьяхъ и въ городѣ и заставили часть гарнизона перебираться къ Карадагу, менѣе подверженному нашей пальбѣ, господинъ корпусный командиръ призналъ возможнымъ получить рѣшительные успѣхи отъ усиленнаго натиска, почему и приказалъ исправляющему должность начальника штаба генералъ-маіору барону Остенъ-Сакену съ однимъ батальономъ карабинернаго полка, подъ начальствомъ полковника барона Фридрикса, 2-мя ротами Грузинскаго гренадерскаго полка подъ начальствомъ полковника Свѣховскаго и 2-мя легкими орудіями, взять предмѣстье Орта-капи; командующаго сборнымъ линейнымъ полкомъ, маіора Верзилина послалъ для наблюденія за непріятельскою конницею, подъ Карадагомъ показавшеюся. Колона генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена подъ картечнымъ огнемъ изъ угловыхъ бастіоновъ съ примѣрною отважностью бросилась въ предмѣстье и на лѣвый бастіонъ и вырвала оные изъ рукъ изумленнаго непріятеля, овладѣвъ 4-мя орудіями и 5-ю знаменами; но правый бастіонъ, называемый Юсуфъ-паша, вооруженный 4-мя орудіями, не переставалъ еще производить картечный огонь, почему подвезено на самое близкое разстояніе два нашихъ орудія и сдѣлано по оному нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ поручилъ оберъ-квартирмейстру полковнику Вальховскому съ 20-ю гренадерами овладѣть симъ бастіономъ, который исполнилъ сіе съ примѣрною рѣшительностію и немедленно обратилъ непріятельскія орудія во флангъ 3-хъ сосѣдственныхъ башенъ крѣпости. Генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ подъ прикрытіемъ сихъ орудій направилъ роту Грузинскаго гренадерскаго полка къ предмѣстью Байрамъ-пашѣ, въ которомъ непріятель началъ колебаться».

Я не могъ болѣе видѣть, что̀ происходило на лѣвомъ флангѣ въ предмѣстьѣ и полагаю, что описанное въ реляціи справедливо, потому что оно схоже съ изустными свѣдѣніями, которыя я имѣлъ о томъ; но въ реляціи напрасно названы паралели, которыхъ ни у кого ни въ мысляхъ и на самомъ дѣлѣ не было и даже сходства съ паралелями нигдѣ ни существовало.

Паскевичъ послалъ точно Сакена занимать предмѣстье съ правой стороны; но онъ къ сему былъ побужденъ настояніями самого Сакена, и самъ, можетъ быть, еще не скоро рѣшился бы на сіе. Но въ семъ случаѣ батальонъ карабинерный велъ себя отлично, ибо онъ приступомъ подъ огнемъ перелѣзъ через стѣну, защищавшую пред-

мѣстье, между угловыми башнями или, какъ ихъ называютъ, бастіонами и обращенную къ низу съ той стороны, съ которой мы подходили къ крѣпости 19-го числа и, взявъ знамена на самой стѣнѣ, карабинеры ворвались въ предмѣстье, гдѣ жители упорно защищались еще нѣсколько времени въ домахъ и гдѣ понесенъ симъ бастіономъ главный уронъ.

Свѣховскій съ двумя ротами Грузинскаго гренадерскаго полка нѣсколько послѣ уже слѣдовалъ за карабинерами; все движеніе сіе и атака были совершены смѣло и быстро; Сакенъ управлялъ оною.

Вотъ продолженіе той же реляціи.

«Дабы воспользоваться сими успѣхами, господинъ корпусный командиръ отправилъ въ подкрѣпленіе генералъ-маіору барону Остенъ-Сакену и для взятія Карадага генералъ-маіора Муравьева съ ротою Грузинскаго гренадерскаго и батальономъ Эриванскаго карабинернаго полковъ. Для обезпеченія же сего смѣлаго движенія, которое должно было производиться на открытомъ пространствѣ подъ картечными выстрѣлами всей крѣпости и отдѣльнаго укрѣпленія горы Карадагъ, велѣно было вывести изъ траншей всю батарейную артиллерію изъ 12 орудій состоявшую и поставить правѣе занятаго предмѣстья Орта-капи, дабы отвѣчать оною непріятелю. Центръ атаки въ семъ предмѣстьѣ усиленъ былъ двумя ротами Ширванскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ полковника Юдина. Между тѣмъ выстрѣлы полковника Вальховскаго съ бастіона Юсуфъ-паши, съ содѣйствіемъ двухъ нашихъ орудій, близъ онаго расположенныхъ генералъ-маіоромъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, произвели необыкновенный успѣхъ. Непріятель хотя и открылъ сильный картечный огонь по войскамъ, шедшимъ къ форштату Байрамъ-пашѣ и къ Карадагу, но выстрѣлы его были не столь вѣрны и уронъ съ нашей стороны незначителенъ. Рота Грузинскаго гренадерскаго полка съ отважностью бросилась на предмѣстье Байрамъ-паша и овладѣла онымъ, взявъ одно знамя; другая же рота сего полка и батальонъ Эриванскаго карабинернаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева, почти по неприступнымъ тропинкамъ взошли на высокую скалистую гору Карадагъ и, не смотря на перекрестный огонь построеннаго на оной редута, шанцовъ и крѣпостныхъ бастіоновъ, вытѣснили непріятеля, при чемъ взято 4 орудія и 2 знамя».

Вотъ какъ все сіе случилось.

Паскевичъ послалъ меня съ батареи съ тремя ротами карабинеръ на подкрѣпленіе Сакену. При семъ случилось, что казакъ, который держалъ мою лошадь на батареѣ, испугавшійся сильнаго огня, подъ коимъ мы находились, заблаговременно уклонился съ нею и спрятался за резервами въ каменникѣ съ лошадью моею. Получивъ приказаніе двинуться впередъ, я разослалъ искать казака своего съ лошадью, но его не нашли, и дабы не остановить движенія нашего, я пустился съ батальономъ пѣшкомъ и добѣжалъ съ онымъ до нижнихъ воротъ предмѣстья Орта-капи, гдѣ сѣлъ уже на предложенную мнѣ батальоннымъ командиромъ Хомутскимъ лошадь. Я вошелъ въ предмѣстье, гдѣ бой уже былъ прекращенъ, а продолжался только грабежъ, подошелъ довольно близко къ стѣнамъ самой крѣпости, изъ коей было пущено по насъ нѣсколько неудачныхъ ядеръ и, получивъ приказаніе присоединиться немедленно къ Сакену, я повернулъ направо и вышелъ изъ предмѣстья въ другіе ворота и нашелъ Сакена еще въ полѣ. Онъ только что послалъ роту Грузинскаго полка для занятія предмѣстья Байрамъ-паши и приказалъ мнѣ слѣдовать за оною и, присоединивъ къ себѣ, идти далѣе съ барабаннымъ боемъ. Я хотѣлъ нѣсколько собрать людей своихъ, которые

съ самой батареи шли бѣгомъ, запыхались и растянулись, дабы ударить въ порядкѣ на Карадагскія укрѣпленія; но Сакенъ просилъ меня не останавливаться и идти въ томъ видѣ, въ коемъ находился шедшій со мною батальонъ. Люди мои были разсыпаны на разстояніи $^1/_4$ версты; но мы пустились впередъ съ крикомъ *ура* и барабаннымъ боемъ. Предмѣстье Байрамъ-паша, лежащее на полугорѣ, было занято безъ сопротивленія; но пока мы до онаго добѣжали, Турки провожали насъ въ лѣвый флангъ со всѣхъ башенъ крѣпости картечью, которая, къ счастію, черезъ насъ перелетала и не нанесла намъ большаго вреда. Въ Байрамъ-пашѣ я оставилъ одну карабинерную роту съ поручикомъ Ляшевскимъ, приказавъ ему удерживать предмѣстье въ случаѣ вылазки изъ крѣпости и наблюдать за крѣпостными воротами въ сію сторону обращенными, а самъ, съ остальными двумя карабинерными и одною гренадерскою ротою, пошелъ далѣе къ Карадагу. О дѣйствіяхъ оставленной мною роты будетъ ниже упомянуто.

Отъ предмѣстья Байрамъ-паша я быстро поднимался въ гору безъ дороги по крутому подъему и сталъ подходить къ Карадагскому укрѣпленію. Во все время Турки провожали насъ по прежнему картечью и ядрами во флангъ; но уронъ нашъ не простирался болѣе 3-хъ человѣкъ раненыхъ. Карадагское укрѣпленіе уже было непріятелемъ оставлено: его изумило наше смѣлое или безразсудное нападеніе, ибо въ семъ редутѣ 300 человѣкъ могли бы легко оборониться отъ 6000 наступающихъ; притомъ же, сдѣлавъ изъ онаго вылазку, они бы неминуемо опрокинули разсыпанный строй нашихъ усталыхъ и запыхавшихся людей, которые, взбираясь на высокую и крутую гору, совсѣмъ изъ силъ выбились; но Турки равно дерзки при первомъ нападеніи и теряютъ присутствіе духа при первой неудачѣ. Карадагъ намъ очистили: на брустверѣ редута развѣвалось оставленное ими знамя; орудія, прежде столь сильно на насъ дѣйствовавшія, уже молчали, и мы надѣялись взять ихъ. Находясь уже на хребтѣ горы, наравнѣ съ цитаделью, между крѣпостью и Карадагомъ, мы собрали послѣднія силы свои, дабы взбѣжать еще къ редуту на послѣднее возвышеніе съ вершины Карадагскаго сосца и для сего повернули направо. Тогда изъ большой угловой башни крѣпостной, составлявшей какъ бы особенную цитадель, вооруженную четырьмя или шестью огромными орудіями, открыли по насъ въ весьма близкомъ разстояніи огонь въ тылъ, и мы взбѣжали съ крикомъ *ура* въ оставленный редутъ; къ знамю уже подъѣхалъ и взялъ его казакъ полковника Ренненкампфа, который прежде насъ въѣхалъ съ Ренненкампфомъ.

Вбѣгая въ редутъ, мы должны были проходить черезъ оставленный небольшой непріятельскій лагерь. Палатки стояли на самой дорогѣ, колья и веревки переплетались на самомъ пути нашемъ, такъ что мы должны были перелѣзать черезъ оныя; но гренадеры наши такъ были заняты овладѣніемъ орудій и знамени, что ни одинъ не зашелъ въ палатки за добычею, пока не заняли редута и не получили на то позволенія,—отличительная черта войскъ Кавказскаго корпуса, въ коихъ славолюбіе превышаетъ чувство корысти въ простомъ солдатѣ.

Редутъ нами взятый былъ поставленъ на самой вершинѣ Карадага, которая была скопана площадкою; редутъ былъ срубленъ изъ сосновыхъ деревьевъ; стѣны сіи были двойныя и связаны поперечными простѣнками, а пространство между срубами насыпано землею

и камнемъ. Мы часто встрѣчали такого рода укрѣпленія у Турокъ, и они оказывались весьма прочными и удобными въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ. Укрѣпленія эти превосходны и замѣняютъ долговременныя въ случаѣ скорой надобности оныхъ. Укрѣпленія сего рода при Карсѣ и всѣхъ Турецкихъ городахъ или крѣпостяхъ были построены за нѣсколько мѣсяцевъ до начатія войны, а можетъ быть и еще прежде. Средство сіе, не преподаваемое въ фортификаціи, не должно бы оставлять безъ вниманія.

Въ амбразурахъ сего укрѣпленія стояло четыре орудія: два полевыхъ и два крѣпостныхъ, и среди онаго большая палатка, вѣроятно начальника сего отдѣльнаго поста. Пороховой погребъ былъ подъ редутомъ, и входъ въ оный открытъ со стороны крѣпости. Непріятель продолжалъ пальбу свою по редуту сему изъ крѣпости, и кажется старался попасть въ отверстіе погреба, дабы взорвать оный и поднять насъ на воздухъ; но не попалъ въ цѣль; однакоже мы были почти совершенно открыты со стороны крѣпости, и непріятельскія ядра, перелетавшія черезъ насъ, могли намъ нанести большой вредъ. А потому я немедленно велѣлъ выстроить еполементъ съ той стороны, употребивъ на то бревна начатаго укрѣпленія, продолжавшагося отъ редута до крѣпости. Люди принялись дѣятельно, и стѣна въ мигъ сложилась и насыпалась камнями по Турецкому обряду. Между тѣмъ съ прибытіемъ моимъ въ редутъ, не теряя времени, я приставилъ пріученныхъ въ мирное время къ артилерійской службѣ людей къ Турецкимъ орудіямъ, назначилъ къ нимъ офицера и немедленно открылъ огонь изъ Турецкихъ орудій по крѣпости, направляя выстрѣлы въ амбразуры большой башни, болѣе всѣхъ насъ безпокоившей. Дѣйствіе ли сихъ орудій или успѣхи нашихъ войскъ съ противуположной стороны крѣпости были тому причиною, но башня замолчала, и мы увидѣли при большихъ орудіяхъ оной только приставленные къ амбразурамъ банники: пушкари уже скрылись.

Въ сіе время я замѣтилъ, что на горахъ, по лѣвому берегу рѣки Карсъ-чая, показалась наша колона пѣхоты, которая подвигалась къ обрыву насъ раздѣляющему; а жители, выходя изъ калитки, продѣланной въ стѣнѣ, соединяющей большую башню съ цитаделью, спускались въ яръ и уходили низомъ ущелья, въ коемъ течетъ рѣка, почему я и отрядилъ маіора Хомутскаго съ двумя ротами для преслѣдованія ихъ. Колона, съ противулежащаго берега слѣдовавшая, составлялась изъ Ширванскаго пѣхотнаго полка. Мнѣ до сихъ поръ непонятно, какъ они тутъ случились, если участвовали въ занятіи предмѣстья и штурмѣ самой крѣпости; ибо къ сему мѣсту можно было только пройти горою, нисколько не касаясь ни крѣпости, ни предмѣстья. Хомутскій, подошедъ къ крутому берегу рѣки, пустилъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ внизъ по бѣгущимъ, но видя, что тамъ не было войскъ, а только одни старики и женщины, оставилъ ихъ въ покоѣ. Я самъ пошелъ къ большой башнѣ, на которую перестали стрѣлять, въ намѣреніи пройти по берегу скалы до калитки; но стѣна и башня были поставлены на самомъ краю скалы, имѣвшей 60 саженъ вышины, и не было никакой возможности тутъ пройти, на башнѣ же показался Турокъ, который сказалъ мнѣ, что городъ и крѣпость уже сдались и военныя дѣйствія прекращены. И въ самомъ дѣлѣ, пальба, сдѣлавшаяся общею со всѣхъ сторонъ крѣпости, совершенно прекратилась, и хотя я, по возвращеніи, могъ изъ редута своего видѣть, что на площадяхъ города еще толпились

Турецкія войска, но не было слышно болѣе ни одного ружейнаго выстрѣла, и я могъ заключить, что крѣпость Карсъ была уже въ нашихъ рукахъ. Конницы нашей часть прошла между редутомъ и крѣпостью для преслѣдованія той части гарнизона, которая заблаговременно уклонилась и которую не настигли; кромѣ того наблюдали еще за движеніемъ Кесе-Мегмедъ-паши, котораго Турки ожидали въ сей день изъ Эрзрума съ многочисленнымъ вспомогательнымъ войскомъ. Я слышалъ, что онъ дѣйствительно былъ уже близко крѣпости во время нашего приступа и, опоздавши нѣсколькими часами, вернулся назадъ. Безъ сего случая обстоятельства могли бы принять совершенно иной видъ.

Въ запискахъ моихъ не имѣется болѣе подробныхъ реляцій о взятіи крѣпости Карса, а потому я и буду дополнивать описаніе онаго, основываясь единственно на памяти своей; но я приложу здѣсь копію съ грамоты, данной мнѣ при пожалованіи Георгіевскаго креста 4-й степени, въ которой описаны съ довольною вѣрностію мои дѣйствія, что̀ доказываетъ, что представленіе было справедливо написано,—справедливость, которая часто утаивается въ реляціяхъ, требующихъ болѣе гласности для подвиговъ главныхъ начальниковъ, коихъ скрываются ошибки.

Божіею милостію
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералъ-маіору, командиру резервной гренадерской бригады отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Муравьеву 1-му.

Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ сраженіяхъ противу Турокъ при осадѣ и взятіи крѣпости Карса 1828-го года съ 20-го на 21-е число Іюня, гдѣ вы, при занятіи высотъ на лѣвомъ флангѣ нашего лагеря, бывъ посланы съ тремя ротами Эриванскаго карабинернаго полка для вытѣсненія непріятеля изъ укрѣпленныхъ утесовъ, исполнили порученіе сіе съ примѣрнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, такъ что Турки, державшіеся весьма упорно и производившіе болѣе часа непрерывный батальный огонь [1]), были вытѣснены и нѣсколько разъ, при новыхъ покушеніяхъ завладѣть тою высотою, опрокинуты съ урономъ. Съ 22-го по 23-е число со ввѣренной вамъ бригадою производя и прикрывая постройку первой паралели и батареи 4-й на правомъ берегу Карсъ-чая, не смотря на чрезвычайныя трудности и неудобства, успѣли окончить всѣ работы до разсвѣта и открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ; а въ день приступа, при занятіи предмѣстья, бывъ посланы съ батальономъ Эриванскаго карабинернаго полка, для подкрѣпленія исправляющаго должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена, во время овладѣнія предмѣстьемъ Байрамъ-паша и Карадагомъ подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ съ отважностью бросились на непріятеля и овладѣли батареею изъ четырехъ орудій, которыя и обратили противу его бастіона [2]): всемилостивѣйше пожаловали мы васъ указомъ въ 16-й день Ноября 1828-года, Капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена святаго Георгія четвертаго класса. Грамоту сію во свидѣтельство подпи-

[1]) Увеличено.

[2]) Высокой и большой башни въ родѣ цитадели.

сать, орденною печатью укрѣпить и знаки орденскіе препроводить къ вамъ, повелѣли мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ въ 10-й день Апрѣля 1829-го года.

Императорскихъ	Канцлеръ князь Алексѣй Куракинъ.
Россійскихъ	Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій.
орденовъ.	Казначей Крыжановскій.

№ 1499.

Силы мои, поддерживавшіяся еще безпрерывною дѣятельностію и движеніемъ по прекращеніи пальбы, совершенно утомились. Предшествовавшіе день и ночь я уже былъ въ безпрерывныхъ трудахъ; во всю прошлую ночь я не смыкалъ глазъ, занимаясь постройкою батареи, такъ что едва даже успѣлъ присѣсть на нѣсколько минутъ на барабанѣ; въ теченіе дня, съ самаго разсвѣта, я былъ въ сраженіи, въ дѣйствіи и все время былъ на ногахъ. День былъ жаркій, воды на вершинѣ Карадага ни капли. При всеобщей тишинѣ, послѣдовавшей послѣ сильнаго грома орудій, крика и шума, я почувствовалъ усталость и, зашедъ въ большую Турецкую палатку, разбитую среди укрѣпленія, легъ, не взирая на солнечные лучи, которые сильно пропекали тонкое полотно оной, и заснулъ. Я спалъ нѣсколько часовъ и былъ пробужденъ полковникомъ Леоновымъ, который заѣзжалъ ко мнѣ изъ любопытства, имѣя порученіе отыскивать съ казачьими полками бѣжавшаго непріятеля. По отъѣздѣ его я снова заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ, пока не разбудилъ меня адъютантъ отъ Паскевича, который объявилъ мнѣ, что крѣпость уже взята и что главнокомандующій требуетъ меня къ себѣ.

Теперь я изложу какимъ образомъ крѣпость была взята.

Какъ выше сказано, предмѣстія уже всѣ были взяты. Симоничъ съ Бородинымъ оставались передъ стѣнами самой крѣпости съ Эрзрумской стороны или со стороны рѣки, Фридриксъ—со стороны поля, а со стороны Карадага предмѣстье было занято оставленнымъ мною съ карабинерной ротою поручикомъ Ляшевскимъ.

Единодушно, какъ бы по общему знаку, войска сіи, не видѣвшія одно другое за большимъ разстояніемъ, за самой крѣпостью и строеніями, которыя ихъ раздѣляли и не знавшія одно о положеніи другаго, приступили къ высокимъ стѣнамъ Карса. Турки уже почти болѣе не держались, и на стѣнахъ было видно очень мало народа, такъ что со стороны Симонича Армяне, показавшіеся на стѣнахъ, подали Грузинскимъ гренадерамъ средства къ перелѣзанію чрезъ стѣну; нѣсколько гренадеръ взбралось на верхъ и, обошедши съ внутренней стороны къ воротамъ, нѣсколько отвалили камни, коими ворота были завалены и отперли оныя столько, что по одному человѣку могли проходить въ городъ. Поступокъ сей былъ отважный, ибо Турецкія войска, оставившія стѣны, были еще въ городѣ.

Фридриксъ, съ своей стороны, также подступилъ къ стѣнамъ крѣпости, съ коихъ еще кое-гдѣ стрѣляли изъ ружей. Нѣсколько карабинеръ бросились впередъ и, помогая другъ другу, влѣзли на стѣну; но Турки обратили тогда свои выстрѣлы вдоль стѣны по банкету и перваго изъ карабинеръ, вошедшаго на стѣну ранили смертельно. Карабинеръ, обратившись къ своимъ, находившимся еще подъ стѣною, сказалъ имъ: «братцы, умираю! только крѣпость возмите». И вскорѣ умеръ. Люди перелѣзали черезъ стѣну уже оставленную Турками, коихъ изумила дерзость нашихъ солдатъ, и ворота въ сей сторонѣ были также отперты.

Съ третьей стороны, оставленный мною съ ротою поручикъ Ляшевскій также подошелъ къ самой стѣнѣ и былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ отъ нѣсколькихъ Турокъ, остававшихся еще на стѣнѣ; но сіе не остановило храбрыхъ солдатъ: два унтеръ-офицера подбѣжали къ воротамъ и стали вламываться въ оныя; но въ то самое время, граната, пущенная, вѣроятно, изъ нашей батареи, на коей находился Сакенъ или Вальховскій, поразила обоихъ въ головы, и они пали на мѣстѣ; но вмѣсто того другіе перелѣзли черезъ стѣну и также отперли ворота.

Когда же наша пѣхота, съ трехъ сторонъ ворвавшаяся въ крѣпость, разсыпалась по городу, то Турки, оробѣвшіе отъ внезапности нападенія, безъ боя уступили городъ и заперлись въ цитадели, гдѣ они въ безпорядкѣ, безъ цѣли и намѣренія, кромѣ личнаго спасенія, толпились на площадяхъ, стѣнахъ и подъ оными. Самъ паша укрылся въ цитадели.

Не знаю навѣрное, паша ли первый просилъ пощады или Паскевичъ послалъ къ нему предложеніе, дабы онъ сдался; только вступили въ переговоры. Цитадель была въ такомъ состояніи, что она могла бы еще долго держаться, ибо имѣла закрытый ходъ къ водѣ и множество орудій; но по безпечности Турокъ, магазины, какъ продовольственные, такъ отчасти пороховые, были въ крѣпости; притомъ же толпа, наполнившая оную въ совершенномъ безпорядкѣ съ женами и дѣтьми, не позволяла что либо предпринять; паша, какъ человѣкъ невоенный, былъ въ ужасномъ перепугѣ и соглашался сдаться. Для переговоровъ сихъ былъ употребленъ Сакенъ, который смѣло отправился черезъ весь городъ, еще не совершенно нами занятый, къ цитадели, въ сопровожденіи только нѣсколькихъ офицеровъ и казаковъ. Харитонъ Потебня, карабинернаго полка, мой воспитанникъ въ томъ полку, находился при Сакенѣ. Рѣшительный офицеръ сей слѣзъ съ лошади и, подошедъ къ воротамъ цитадели, сталъ стучаться въ оныя, требуя, чтобы ихъ отворили, не взирая на то, что стѣны были унизаны вооруженными Турками; но ихъ изумила дерзость сего поступка. Никто не выстрѣлилъ, и ворота отперли. Онъ объявилъ о прибытіи Сакена (визиря сардарскаго), и Сакенъ, вошедъ въ цитадель, отправился прямо къ пашѣ, котораго засталъ въ маленькомъ домикѣ на возвышеніи построенномъ. Его окружали главнѣйшіе сановники городскіе, и хотя онъ самъ готовъ былъ сдать и себя и городъ свой, но окружавшіе его сановники вѣроятно бойчѣе его и одушевленные гордостью, свойственною Туркамъ, не соглашались еще на сдачу, шумѣли въ негодованіи своемъ на пашу и намѣренія его и волновали толпу.

Сакенъ былъ въ опасномъ положеніи; но онъ имѣлъ душу неробкую и изложилъ съ побѣдоноснымъ видомъ предлагаемую пощаду. Слова его имѣли дѣйствіе, и онъ склонилъ Турокъ къ сдачѣ. Мы получили 151 пушекъ и мортиръ, находившихся въ крѣпости и 33 знамени; остававшійся же гарнизонъ, сколько мнѣ помнится, отпущенъ въ свои дома, что̀ составляло, можетъ быть, еще до 2000 человѣкъ. Паша остался въ плѣну; ему бы и трудно было возвратиться: онъ могъ черезъ сіе потерять голову свою; притомъ же онъ самъ былъ мѣстный житель, и семейство его и все имущество было въ Карсѣ, и человѣкъ сей вовсе невоенный, какъ я выше сказалъ, испуганный крикомъ, шумомъ, громомъ орудій, коихъ онъ, можетъ быть, никогда не слыхалъ въ такой степени, а еще болѣе взрывомъ заряднаго ящи-

ка на самомъ дворѣ своего дома (что, какъ кажется, всего болѣе понудило его уклониться въ цитадель) былъ слишкомъ доволенъ сдаться военноплѣннымъ, дабы избавиться окружавшихъ его подчиненныхъ, коихъ онъ опасался.

Такимъ образомъ была взята нечаяннымъ и неожиданнымъ образомъ Карская крѣпость, которую можно было назвать неприступною по мѣстоположенію, особливо по многочисленности силъ и недостатку средствъ нашихъ къ овладѣнію оной; но неимовѣрное согласіе и рвеніе всѣхъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ было причиною сей знаменитой побѣды, съ коею мы поздравили своего главнаго начальника, осѣняемаго множествомъ непріятельскихъ разноцвѣтныхъ знаменъ, которыя къ нему привозили со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ въ восхищеніи и отправился въ цитадель, минуя шумныя толпы Турецкихъ войскъ, выходящихъ изъ города и, въѣхавъ въ цитадель, ставъ на самой высокой батареѣ оной, приказалъ водрузить подлѣ себя знамя Грузинскаго гренадерскаго полка. Въ семъ положеніи я засталъ Паскевича, когда оставилъ Карадагъ; я по зову его прибылъ въ цитадель, подошелъ къ нему и поздравилъ его съ побѣдою, но онъ предупредилъ меня, обнялъ, самъ поздравилъ и благодарилъ меня за участіе, которое я принялъ въ семъ успѣхѣ и съ радостью спросилъ меня: хорошъ ли видъ Русскаго знамени, развѣвающагося на вершинѣ Карскихъ стѣнъ? И въ слѣдъ за симъ, указывая на мою батарею, съ коей началось все дѣло и коей маловозвышенные брустверы, кромѣ того еще разбитые ядрами и пальбою, едва показывали вдали видъ небольшой черной полоски: «кто бы подумалъ и могло ли Туркамъ вообразиться, что отъ сей черной полоски рѣшится участь сихъ твердынь»? Привѣтствіе его было для меня весьма лестно.....

Между реляціями, у меня собранными, я нашелъ еще первое объявленіе о взятіи Карса, безъ подробностей, которое здѣсь въ копіи прилагаю; оно было напечатано въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ».

„Тифлисъ, 28 Іюня“ (1828).

«Поспѣшаемъ сообщить сейчасъ полученное извѣстіе о взятіи крѣпости Карсъ штурмомъ. 1250 человѣкъ достались въ плѣнъ во время приступа; цитадель и 5000 человѣкъ сдались послѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находится двухъ-бунчужный Магмедъ-Эминъ паша, начальникъ кавалеріи Вали-ага и много другихъ чиновниковъ. Убитыми и ранеными Турки потеряли до 2000 человѣкъ. Въ крѣпости и на батареяхъ непріятельскихъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 33 знамя, также пріобрѣтено значительное количество артилерійскихъ снарядовъ, множество разнаго рода оружія и большой хлѣбный магазинъ».

«Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1 и нижнихъ чиновъ 33; ранено: штабъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 216».

«Подробности о семъ штурмѣ будутъ помѣщены въ первомъ № «Тифлисскихъ Вѣдомостей».

Въ реляціи сей не сказано, какимъ образомъ сдались плѣнные, взятые не во время штурма; мнѣ помнится, что они были отпущены. Потеря Турокъ убитыми и ранеными увеличена; что же касается до нашего урона, то онъ показанъ справедливо; въ томъ числѣ въ моей бригадѣ уронъ состоялъ: убитыми—въ 3-хъ рядовыхъ; отъ ранъ умершихъ: оберъ-офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—2, рядовыхъ—2;

раненыхъ: оберъ-офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—5, рядовыхъ—32; контуженныхъ: унтеръ-офицеровъ—4, музыкантовъ—2, рядовыхъ—10; всего убитыми и ранеными: оберъ-офицеровъ—2, нижнихъ чиновъ—60.

Паскевичъ долго любовался своею побѣдою и наконецъ поѣхалъ въ городъ на квартиру свою, которая ему была отведена въ пашинскомъ домѣ. Я любопытствовалъ нѣсколько осмотрѣніемъ цитадели. Строеніе оной было въ совершенной исправности и большой чистотѣ; ходъ къ водѣ запирался вверху толстою, глухою, желѣзною дверью; ступени, по коимъ надобно было спущаться въ темное подземелье, были въ хорошемъ состояніи; я не имѣлъ времени спуститься внизъ, ибо надобно было пріискать и бывалаго проводника, и фонарь. Ходъ сей весьма узокъ, такъ что больше двухъ человѣкъ не могутъ въономъ разойтись; онъ продолжается на 60 саженъ почти отвѣсной вышины до самаго Карсъ-чая. Вышину сію измѣрилъ впослѣдствіи времени артилерійскій подполковникъ Кузнецовъ, который, оставаясь въ крѣпости Карса въ гарнизонѣ, занимался устроеніемъ веревочной машины для подъема въ цитадель муки съ мельницы, находящейся у подошвы скалы, въ избѣжаніе затруднительной перевозки оной кругомъ всей крѣпости. Протянувъ два каната сверху до низу, онъ устроилъ санки, которыя должны были съ грузомъ ходить взадъ и впередъ по симъ канатамъ и самъ захотѣлъ испытать сіе путешествіе. По несчастію, веревка, которою спущали санки, порвалась на половинѣ сей вышины, и Кузнецовъ полетѣлъ съ санками внизъ; ему бы слѣдовало разбиться въ дребезги, но такъ случилось, что онъ переломилъ только ногу и ушибъ голову и прочія части весьма сильно. Непонятно, какъ онъ остался живымъ послѣ подобнаго скачка; но надобно полагать, что онъ былъ уже не далеко отъ низу, когда веревка оборвалась.

Изъ цитадели я зашелъ еще на квартиру къ главнокомандующему. Домъ пашинской былъ неопрятенъ; кривой, косой, вонючій въ покояхъ, съ самыми грубыми украшеніями, съ неровнымъ поломъ, дверьми, которыхъ никакой крестьянинъ не навѣсилъ бы въ своей избѣ; въ семъ отношеніи, Азіятскіе Турки, коихъ я видѣлъ жилища, не могутъ похвалиться, ни сравнить себя въ образѣ жизни съ Персіянами, у коихъ замѣтно гораздо болѣе вкуса и опрятности въ жилищахъ.

Въ городѣ продолжался грабежъ, который и въ слѣдующіе дни съ трудомъ могли унять; всего болѣе участвовали въ немъ деньщики, маркитанты, Татары и наши уланы, коимъ всѣхъ менѣе было слѣда находиться въ городѣ, но дисциплина никогда не была отличительною чертою кавалеріи и въ особенности нашего своднаго уланскаго полка. Моя бригада была болѣе прочихъ войскъ въ сборѣ, а потому, не взирая на усталость людей и насъ всѣхъ, мнѣ назначено было занять на сію ночь караулы въ Карсѣ. Я не успѣлъ объѣхать всего, ибо становилось уже поздно, и я не зналъ даже, гдѣ находились всѣ роты моихъ полковъ, дѣйствовавшихъ на приступѣ отдѣльно и вошедшихъ въ городъ и крѣпость съ разныхъ сторонъ, а потому я и не могъ въ сей день всѣхъ отыскать. Всякій примостился ночевать, гдѣ удалось и караулилъ то мѣсто, гдѣ находился; а я, собравъ нѣсколько ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, спустился къ предмѣстью и остановился въ мясныхъ рядахъ, гдѣ была нестерпимая вонь отъ бойни, тутъ же находившейся и гдѣ, по обыкновенной безпечности Турокъ и нечистотѣ, имъ свойственной, стаи собакъ дѣли-

ли брошенные потроха, головы и ноги битаго скота. Цитадель была занята особеннымъ карауломъ, и мнѣ казалось, что нужнѣе было собрать войска внизу, гдѣ находилось много жителей и всего болѣе происходило; притомъ же я могъ всегда оттуда выдти въ порядкѣ въ поле и встрѣтить Турецкое войско, еслибъ со стороны онаго было извнѣ какое либо покушеніе на крѣпость и поддержать лагерь, какъ оставшійся съ обозами на прежнемъ мѣстѣ по Эрзрумской дорогѣ съ малымъ прикрытіемъ.

Я занялъ для своего ночлега какую-то лавку, въ которой жилъ столарь и, разчиствивъ стружки, расположился ночевать на какой-то скамьѣ, похожей на верстакъ; ѣсть было нечего, ибо тогда продолжался еще Петровскій постъ, и кромѣ куска сухаго хлѣба у меня ничего не было; но вскорѣ пришелъ какой-то Армянинъ, который навѣщалъ свой уголъ и который досталъ мнѣ нѣсколько луку, чѣмъ и составился мой ужинъ. Отдохнувши и выспавшись въ теченіи ночи, я проснулся рано и сидѣлъ у своей конуры, ожидая для моей бригады смѣны, въ которую былъ наряженъ Ширванскій пѣхотный полкъ. Вскорѣ увидѣлъ я ожидаемую смѣну, съ коей шелъ полковникъ Бородинъ. Увидѣвъ меня, онъ сталъ спрашивать о постахъ; но замѣтивъ, что я давалъ ему отвѣты весьма сухіе, онъ спросилъ меня, не происшествіе ли предшествовавшей ночи причинило перемѣну, которую онъ находилъ во мнѣ относительно къ нему, и когда я ему отвѣчалъ, что онъ не ошибается, то онъ хотѣлъ шутками извротиться; говоря: тутъ не за что было сердиться. Я отвѣчалъ ему съ холодностію, что не имѣю надобности въ подобныхъ объясненіяхъ, продолжая ему указывать посты. Тогда, видя, что я дѣло сіе иначе принимаю, онъ сталъ просить у меня прощенія въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, и я согласился оставить ему проступокъ его.

22-го числа, ввечеру прибыла рота Грузинскаго гренадерскаго полка, командированная съ начала компаніи въ Башкечетъ для конвоированія подвижнаго госпиталя до селенія Гумровъ.

Представленія къ наградамъ за взятіе Карса были общія; никого не исключили по обычаю, водворившемуся въ нашей арміи, и всѣ были равно награждены орденами и крестами; но Георгіевскому кресту придавалось болѣе цѣны: ихъ не болѣе роздали какъ 4 или 5 за сію побѣду, въ числѣ коихъ былъ полковникъ Фридриксъ, помнится мнѣ, Вальховскій и капитанъ Черноглазовъ 42-го егерскаго полка, который былъ поутру на первомъ приступѣ укрѣпленнаго лагеря и жестоко раненъ тремя пулями, что ему не попрепятствовало однакоже опять находиться вскорѣ во фронтѣ, т. е. два мѣсяца послѣ того. Я былъ представленъ къ Аннѣ 1-й степени, но получилъ вмѣсто того 4-го Георгія, который никогда не носилъ, ибо прежде сего ордена я получилъ 2-го класса.

24-го числа я возвратился въ лагерь; войска отдыхали. Я навѣщалъ Паскевича въ его вонючемъ пашинскомъ домѣ, гдѣ онъ провелъ день въ совершенномъ бездѣйствіи, радуясь еще неожиданной побѣдѣ своей. Онъ сидѣлъ на грязной софѣ съ Грекомъ Влангалемъ, который разбиралъ найденныя Турецкія бумаги и сказывалъ ему, что по онымъ видно было, что Мегмедъ-Кессе-пашу ожидали ежедневно изъ Эрзрума со вспомогательнымъ войскомъ. Сей Грекъ Влангали, игравшій въ Персіи самую несчастную роль, во времена Грибоѣдова, начиналъ опериваться и хотя онъ еще долгое время слу-

жилъ всеобщимъ посмѣялищемъ и поруганіемъ, но онъ все вытерпѣлъ и вынесъ и при концѣ войны оказался, посредствомъ наушничества, богатымъ, награжденнымъ и довѣренною особою Паскевича, хотя онъ и не пріобрѣлъ ничего, кромѣ всеобщаго презрѣнія.

Лагерь нашъ былъ перенесенъ ближе къ городу, ибо Паскевичъ хотѣлъ непремѣнно жить въ городѣ, что весьма много препятствовало отправленію службы, ибо штабъ былъ размѣщенъ по разбросаннымъ въ тѣсныхъ улицахъ домамъ. Сего бы надобно было въ особенности остерегаться, ибо съ перваго дня взятія Карса мы узнали отъ жителей, что въ городѣ была чума; притомъ же надобно было удалиться отъ города, дабы совершенно прекратить грабежъ, но на сіе не обратили вниманія. Мы заразились, и грабежъ продолжался въ городѣ, хотя гораздо слабѣе прежняго.

25-го числа было благодарственное молебствіе за одержанную побѣду, на коемъ собраны были всѣ войска, въ лагерѣ находившіяся. Всѣми замѣчено было, что орелъ опять парилъ въ воздухѣ надъ мѣстомъ служенія. Вспомнили орла, показавшагося въ подобномъ же случаѣ въ Гумрахъ; но замѣтили, что ихъ летало нѣсколько, и весьма справедливо заключили многіе, что хищныя птицы сіи, привлеченныя падалью и убитыми лошадьми и людьми, изъ коихъ еще не всѣ были похоронены, ожидали съ нетерпѣніемъ нашего удаленія въ лагерь, дабы опять приняться за свой пиръ.

Плѣнные Турки были отправлены въ Грузію съ 3 ротами 39-го егерскаго полка, 3 сотнями казаковъ и 2 легкими орудіями. Между ними оказались первые признаки чумы, и по прибытіи въ Гумры ихъ много померло; болѣзнь пристала къ нашимъ; у насъ умеръ изъ первыхъ артилерійскій офицеръ Отрада, который купилъ какую-то вещь у плѣнныхъ Турокъ. Смертность показалась въ Гумрахъ въ войскахъ, распространилась между жителями, и самый карантинъ оказался въ чумѣ; отъ дурныхъ мѣръ, предпринятыхъ смотрителями онаго, здоровые, приходившіе въ карантинъ, заражались и умирали чумою. Въ войскахъ у насъ были взяты различныя мѣры осторожности; приказано было всѣмъ сшить холстинныя рукавички, потому что болѣзнь сія передается въ особенности прикосновеніемъ тѣла; стали отдѣлять сомнительныхъ; но вообще еще мало вѣрили въ существованіе заразы, какъ то всегда случается при первоначальномъ появленіи сего чуждаго бѣдствія, отъ чего оно на первыхъ порахъ распространяется; сообщенія съ жителями Карса были воспрещены, но не менѣе того, наша корпусная квартира находилась въ городѣ, и всякій имѣлъ надобность тамъ быть. За симъ послѣдовали распоряженія для управленія Карскою областью.

Исправляющимъ должность начальника Карскаго пашалыка, предсѣдателемъ правленія и начальствующимъ войсками въ крѣпости Карсѣ былъ назначенъ полковникъ Херсонскаго гренадерскаго полка князь Бековичъ - Черкасскій; исправляющимъ должность Карскаго коменданта, полиціймейстеромъ и членомъ правленія маіоръ Крымскаго пѣхотнаго полка Зеленскій; членомъ правленія Потебурскаго пѣхотнаго полка маіоръ Жилинскій; начальникомъ крѣпостной артилеріи 21-й артилерійской бригады штабсъ-капитанъ Горячко; начальникомъ инженеровъ подпоручикъ инженернаго корпуса Лихачевъ. Подобное же сему управленіе было учреждено въ Эривани; оно во многихъ отношеніяхъ оказывалось порочнымъ: первое, не было одной власти, которая необходима въ военномъ управленіи; второе, уп-

равленіе комитетомъ непривычно Азіятцамъ, которые не постигаютъ онаго и привыкли уважать только одно лицо; третье, производство дѣлъ должно было быть письменное, со всею медленностію, происходящею отъ журналовъ и различныхъ мнѣній членовъ, къ чему Азіятцы также не привычны; четвертое, сего рода управленіе не было соотвѣтственно даже принятымъ въ Русскомъ царствѣ обычаямъ; пятое, оно могло произвести раздоры между членами и отнять дѣятельность старшаго члена, къ коему бы уже надобно было имѣть полную довѣренность; шестое, старшій членъ не могъ уже распоряжаться симъ присутствіемъ, какъ просто исполнительнымъ, ибо онъ самъ засѣдалъ въ ономъ; седьмое, если онъ, по бойкости своей и дарованіямъ, успѣлъ бы себя поставить въ такого рода сношенія съ присутствіемъ, то онъ естественно нарушилъ бы распоряженіе начальства, что большею частію и случалось.

Бековичъ, о коемъ я въ сихъ запискахъ нѣсколько разъ упоминалъ, былъ человѣкъ умный и одаренъ отъ природы отличными способностями, и онъ не замедлилъ обратить присутствіе сіе въ исполнительное. Онъ пользовался особенною довѣренностію народа по знанію его Азіятскихъ языковъ, Корана, суда Азіятцевъ, обычаевъ ихъ и даже по вѣрѣ своей, ибо его полагаютъ Мусульманиномъ.

Казаки по отношенію къ государству и обществу.

I.

Казаки появились прежде всего у Татаръ, потомъ у Литовцевъ, наконецъ и у Москвитянъ.

Это были вольные добычники, уклонявшіеся отъ подчиненія центральной власти.

Въ переговорахъ трехъ названныхъ народовъ, каждый изъ нихъ долго отрекался отъ своихъ казаковъ, снимая съ себя отвѣтственность за ихъ разбои и хищничество.

Грабежемъ купеческихъ каравановъ и пословъ, ходившихъ между Крымомъ, Московіею и Литвою, прославились ранѣе прочихъ Азовскіе казаки. Отъ нихъ пошли казаки Донскіе, а можетъ быть и Днѣпровскіе.

Тѣ и другіе служили школою для казаковъ Рязанскихъ, Путивльскихъ, Смоленскихъ и т. д. въ Московіи и для казаковъ Кіевскихъ, Волынскихъ, Брацлавскихъ въ Литвѣ.

Извѣстно, что Черкесы, въ XV вѣкѣ и ранѣе, будучи христіанами, разбивали на Черномъ морѣ Греческія суда, какъ въ послѣдствіи Днѣпровскіе казаки. Извѣстны древнія отношенія къ Черкесамъ Донскихъ казаковъ, которые обыкновенно женились на Черкешенкахъ. Имена городовъ *Черкаска* на Дону и *Черкасъ* на Днѣпрѣ заставляютъ предполагать, что это были колоніи Черкесовъ, основанныя помимо вѣдома исторіи. Исторія равнымъ образомъ не знаетъ, съ котораго времени Великоруссы начали называть всѣхъ Днѣпровскихъ казаковъ *Черкасами*, называя землю ихъ Литвою или Литовскою стороною. Одежда и наружность простонародныхъ жителей нынѣшней Черкащины и Чигиринщины отличаютъ эти мѣстности отъ прочихъ частей южной Руси, не смотря на то, что предки ихъ разбѣгались, во время опустошительныхъ войнъ, во всѣ стороны и лишь остатки ихъ возвращались на свои пепелища. Тамъ черный цвѣтъ простонародныхъ свитокъ никогда не переходитъ въ сѣрый или бѣлый. Высокія барашковыя шапки съ узкими верхами пошли по Украинѣ, очевидно, оттуда же. Черный цвѣтъ волосъ, тонкіе, длинные, горбатые носы, продолговатыя лица, небольшія головы на широкихъ плечахъ, худощавость и стройный складъ тѣла преобладаютъ въ Черкащинѣ и Чигиринщинѣ болѣе, нежели гдѣ-либо въ Украинѣ. Все вмѣстѣ напоминаетъ намъ Черкесовъ [1]). Запорожская воинственная колонія обязана своимъ началомъ

---

[1]) Ригельманъ, писавшій въ концѣ XVIII вѣка свое «Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи», говоритъ (кн. VI, стр. 86), что женщины у казаковъ «платье носили, и нынѣ нѣкоторыя еще носятъ, такожъ какъ и *Черкескія* женщины» (стр. 87): «Мужчины... носятъ все *Черкеское* платье, кафтанъ и жупанъ, а иные и Польское».—«Носятъ шапки Польскія и *Черкескія*».—«Они почти всѣ плясать попольски, а паче по своему *Черкаскому*, умѣющи».

Черкасцамъ и Чигиринцамъ. Черкасы издавна прозваны городомъ казацкимъ, и дѣйствительно, на тысячу казацкихъ домовъ насчитывали тамъ едва сотню мѣщанскихъ, чего въ другихъ городахъ не бывало; а Чигиринъ былъ приписнымъ достояніемъ булавы казацкаго гетмана при Богданѣ Хмельницкомъ.

Первое актовое упоминаніе о Днѣпровскихъ казакахъ среди Кіевскихъ мѣщанъ (1499 г.) обозначаетъ ихъ, какъ торговцевъ рыбою и звѣриными шкурами, добытыми вверху или внизу Днѣпра. *Казаки* поименованы въ актѣ отдѣльно отъ пріѣзжихъ *купцовъ* и, подобно этимъ купцамъ, «становятся у *мѣщанъ* на подворьяхъ», при чемъ мѣщанинъ, по «давнему обычаю», обязанъ былъ извѣстить объ ихъ пріѣздѣ воеводу или его намѣстника. Изъ этого видно, что казаки были тогда народъ еще чужой въ Кіевѣ.

Въ актахъ обыкновенно говорится, что казака, въ случаѣ преступленія, «не по чемъ сыскивать». Онъ является бездомнымъ промышленникомъ и добычникомъ. Хоть и были у казаковъ хаты въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Черкащина и Чигиринщина, но, по словамъ кобзарской думы, казацкую хату можно было отличить среди десяти неказацкихъ. «Она соломой не покрыта, приспою не обсыпана; на дворѣ дровъ ни полѣна; сидитъ въ ней казацкая жена—околѣла». Такъ и казацкая жена была замѣтна среди ея сосѣдокъ: «она всю зиму босая ходитъ, горшкомъ воду носитъ, дѣтей поитъ изъ половника». По чемъ же сыщешь подобнаго человѣка, и что для него страшно? Казакъ уподоблялся птицѣ, кладущей яйцы въ чужія гнѣзда или зарывающей въ песокъ. Его нравственность опредѣлялась уже однимъ его бытомъ. При его бездомовности и нерадѣньѣ о семьѣ, мнѣніе свѣта для него не существовало. «Куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ», говорится въ извѣстной надписи подъ изображеніемъ Запорожца. Казакъ вообще отвергалъ семейное начало и выразилъ это тѣмъ, что даже въ пѣсняхъ называлъ своею матерью Запорожскую Сѣчь, а батькомъ—Великій Лугъ. Что касается до женщины, подруги жизни, то входу ей не было въ казацкое кочевье на Низу ни подъ какимъ видомъ. Даже мать, навѣстивъ сына въ казацкомъ кошѣ, навлекла бы на него смертную казнь. Въ Кіевѣ казаки, по словамъ документа 1499 года, «дѣлали непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами» [2]). Если же казакъ рѣшался жить *по чести* съ женщиною, то не обращалъ никакого вниманія на ея бѣдственное положеніе. По кобзарской думѣ, казакъ, прибывъ къ своимъ товарищамъ-бурлакамъ, ругался надъ горькими жалобами жены. «Послушайте, паны-молодцы (говорилъ онъ), какъ женское проклятіе ничтожно: жена проклинаетъ,—это все равно, что вѣтеръ шумитъ мимо сухаго дерева, а женскія глупыя слезы текутъ какъ вода».

Отвергая семейное начало, казакъ отвергалъ и начало общественное. Первый казацкій бунтъ противъ установленнаго временемъ порядка вещей въ 1592 году, подъ предводительствомъ шляхтича Косинскаго, ознаменованъ тѣмъ, что казаки мѣщанъ и шляхту принуждали къ присягѣ на послушаніе казацкому войску; но сами подъ воеводскій, старостинскій, магистратскій или какой либо не-казацкій *присудъ* не шли [3]). Всѣ узаконенія короля и республики или сеймовыя постанов-

---

[2]) Т. е. непотребныя дѣла съ женщинами.

[3]) Volumina Legum, III, 125 (годъ 1613): «Osobne sobie sedzic y strarsze postanowiwszy, przed zadnym pravem, iedno przez sie ustanowionemi Atamany

ленія они отрицали. Въ своемъ казацкомъ кругу не имѣли никакихъ письменныхъ законовъ или руководствъ; не вели даже записокъ о быломъ; людей грамотныхъ держали только для отвѣтовъ на присылаемыя къ нимъ предложенія или требованія, но при войсковомъ писарѣ состоялъ у нихъ всего одинъ канцеляристъ, подъ именемъ *подписарчаго*, и вообще на бумажное дѣлопроизводство смотрѣли они съ подозрительностью невѣжественной и злодѣйской толпы. Поэтому, во время бунтовъ своихъ противъ Польскаго правительства, казаки истребляли все письменное. Даже охранныя грамоты, жалованныя королемъ православнымъ монастырямъ, были для нихъ ненавистны. Когда казаки Косинскаго стали грабить Межигорскій монастырь, настоятель предъявилъ имъ пергаментную грамоту Стефана Баторія. Бунтовщики, предводимые войсковымъ писаремъ Гренковичемъ, изорвали ее въ клочки, втоптали въ грязь, а настоятеля (Іосифа Бобриковича Копотя, въ послѣдствіи Мстиславскаго епископа, котораго Петръ Могила называлъ своею правою рукою) избили до кровавыхъ ранъ. Шляхетское и мѣщанское общество, съ его законами и установленіями, для казака не существовало. Казакъ жилъ добычею и для добычи. *Добыча* и *слава* на языкѣ у него были неразлучны и воспѣты въ казацкихъ пѣсняхъ, какъ одинаково нравственныя. О казакахъ и ихъ казацкой славѣ можно сказать то самое, что сказано Боклемъ о Шотландскихъ горцахъ: «Они были грабители и убійцы, но таковъ былъ ихъ образъ жизни, и они не чувствовали его позора».

Вотъ почему казаки поддерживали цѣлый рядъ самозванныхъ Молдавскихъ господарей, а когда, въ 1604 году, появился въ Польской Руси названный Димитрій, его немедленно окружило двѣ тысячи казаковъ, которые опереживали его на походѣ въ Сѣверію, и лишь только Черниговъ сдался самозванцу, тотчасъ его ограбили, такъ что шляхетная банда лжецаревича, по словамъ очевидца, нашла въ покорившемся ему городѣ только порожніе короба предъ домами [4]. Между тѣмъ самозванецъ послалъ въ казацкій кошъ свое царское знамя, и когда Мнишекъ съ своимъ шляхетнымъ ополченіемъ оставилъ его, къ нему присоединилось еще двѣнадцать тысячъ казаковъ съ полевыми пушками. Когда самозванщина осаждала Кромы, Поляковъ (по свидѣтельству ихъ ротмистра Борши) было въ ней всего двѣсти человѣкъ. Дѣло разоренія Московскаго государства начали, продолжали и довершили единовѣрные съ нами казаки,— сперва Запорожскіе, а потомъ и всякіе другіе. Какъ ни сильно поощряли іезуиты Польскую шляхту ко вторженію въ сосѣднее, обезпеченное мирнымъ договоромъ государство, она все-таки находилась подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, котораго авторитеты называли это дѣло вѣроломнымъ, предсказывали грозную за него отвѣтственность, по-

stawac niechca». Id. II, 465 (годъ 1609): «Kozacy.... zwierchnosc Starostów naszych nie przyznawaia, ale Hetmany swe, y insza forme sprawiadliwosci swey maia: czym miasta, y mieszczany nasze uciskaia, wladze y urzednikow y Urzad Ukrainny mieszaia etc.—Miasta tez nasze y mieszczanie chcemy aby sie pod ich iurisdukcye nie podawali, etc. По неимѣнію въ типографіи Латинскихъ буквъ съ Польскими значками, употреблена, здѣсь и ниже, для Польскаго языка Латинская азбука безъ значковъ, какъ это дѣлалось и самими Поляками въ ихъ письменахъ XVI и начала XVII вѣковъ.

[4]) Tylko krobie staly prozne przed domami. (Русск. Истор Библіот. I, 369).

сылали гонцовъ къ предводителямъ похода съ увѣщаніемъ вернуться, а королю представляли на сеймѣ о необходимости карать ихъ, какъ измѣнниковъ. Все вмѣстѣ парализовало предпріятіе самозванца въ ужасающей для него степени. Выручили бродягу, ради своей добычи и славы, казаки, для которыхъ авторитетъ какого-нибудь отчаяннаго банита былъ важнѣе мнѣнія лучшихъ государственныхъ людей. Это были самые вредные для общества соціалисты, коммунисты и нигилисты своего времени.

Вредъ ихъ для государства еще очевиднѣе. Одинъ изъ нашихъ популярныхъ историковъ видитъ въ казакахъ то, что составляетъ *народъ* въ противоположность классамъ высшимъ, которые отклонились отъ народа, сдѣлались его притѣснителями, взяли въ свои руки государя, злоупотребляютъ его довѣренностью или слабостями. Будучи въ этомъ искренно убѣжденъ, этотъ (весьма впрочемъ почтенный) историкъ говоритъ, будто бы имя царя у казаковъ было священнымъ для самой крайней вольницы. Трудно согласиться съ такимъ воззрѣніемъ уже по одному тому, что намъ извѣстно объ отношеніи казака къ семейству и обществу. Бѣглецъ отъ отца, матери, жены и дѣтей, человѣкъ, за которымъ «никто не заплачетъ», вообще не могъ носить въ душѣ священныя идеи, которыми проникнуты люди, воспитанные въ сферѣ первоначальной любви и дружбы. Казакъ, отвергавшій всѣ установленія верховной власти, не могъ дорожить ею, какъ чѣмъ-то священнымъ. Для казаковъ не была священна даже и та власть, которую сами они поставляли надъ собою, какъ отрицаніе всякой другой: хотя они были способны покоряться самому грубому деспотизму избраннаго ими предводителя, но за неудачный походъ предводитель отвѣчалъ у нихъ собственной головою. Отъ гибельныхъ ихъ бунтовъ уцѣлѣли тотько тѣ гетманы, которые имѣли при себѣ лейбъ-гвардію. Это мы видимъ въ исторіи казачества, начиная съ Дмитрія Вишневецкаго и кончая Мазепою. Самъ Богданъ Хмельницкій постоянно содержалъ на жалованьѣ пять тысячъ Крымскихъ Татаръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ послы царя Алексѣя Михайловича.

Выводъ о священномъ для казаковъ имени царя сдѣланъ изъ *словъ*, которыя прельщали въ свое время и пишущаго эти строки. Провѣримъ этотъ выводъ выводомъ изъ *поступковъ*.

Запорожцы утопили въ Днѣпрѣ посла короля Стефана Баторія. Они, какъ это доказано судомъ и слѣдствіемъ, умышляли вмѣстѣ съ Самуиломъ Зборовскимъ на жизнь и самого короля. Вскорѣ по его смерти, они, какъ уже сказано, втоптали въ грязь королевскую грамоту. Карая казаковъ за новый бунтъ, Жовковскій доносилъ Сигизмунду III, что они ругались надъ королевскимъ именемъ, хвалились разрушить Краковъ, истребить дворянское сословіе. Подъ конецъ жизни онъ опять доносилъ, что казаки грозятъ не только республикѣ, но и самому королю гибелью. Напасть на королевскій замокъ, какъ это сдѣлалъ Сулима въ 1635 году съ Кодакомъ, вырѣзать гарнизонъ и казнить смертью коменданта,—развѣ въ подобныхъ поступкахъ можно видѣть благоговѣніе къ монархической власти? Зборовскій и Сулима были такіе же шляхтичи, какъ и Пекарскій, а Пекарскій бросился на Сигизмунда III съ саблею при выходѣ его изъ костела. Почему же шляхтичъ-банитъ, въ казацкомъ обществѣ, долженъ считать священнымъ королевскій санъ, который для него не былъ священнымъ среди людей почетныхъ? Вспомнимъ разсказъ Маш-

кевича, дворянина [5]) князя Іереміи Вишневецкаго, о рѣшимости его патрона напасть съ своимъ вооруженнымъ почтомъ [6]) на членовъ сейма и въ случаѣ чего, на самого даже короля въ сенаторской избѣ [7]). Тотъ же самый Вишневецкій, въ 1641 году, по дневнику Литовскаго канцлера, объявилъ королю въ глаза, что, еслибъ король самъ предпринялъ вытѣснить его изъ опекаемыхъ имъ имѣній, то онъ Вишневецкій будетъ защищать ихъ до потери жизни. Въ 1649 году тотъ же самый Вишневецкій, по свидѣтельству царскаго посла Кунакова, грозилъ въ Варшавѣ королевскимъ совѣтникамъ наварить имъ и всей Рѣчи-Посполитой пива горше Хмельницкаго. Озлобленный Польскій шляхтичъ готовъ былъ на все. Почему жъ озлобленный казакъ былъ человѣчнѣе шляхтича? Сулиму выдали королю сами казаки,—это правда; но вмѣстѣ съ нимъ былъ преданъ въ руки правосудія и его соучастникъ Павлюкъ. Въ виду палача, Ѳома Замойскій «выпросилъ у короля» Павлюка. Черезъ годъ онъ явился возмутителемъ такъ называемыхъ гультяевъ, для которыхъ не было ничего священнаго, и тѣ, которые выдали его, участвовали въ его бунтѣ. Пишутъ, будто бы Богданъ Хмельницкій падалъ къ ногамъ Яна Казимира, проливалъ передъ нимъ слезы раскаянія и проч.; но это пишутъ люди, которымъ горько было видѣть униженіе короля передъ разбойникомъ. По распросамъ царскаго посла Кунакова, Хмельницкій велъ себя въ присутствіи короля, какъ человѣкъ, раздосадованный неудачею (ему помѣшалъ погубить короля со всѣмъ его войскомъ Крымскій ханъ). Приближаясь къ королевскому шатру, онъ «металъ древкомъ»; присягнулъ на вѣрность королю сидя (это свидѣтельство Литовскаго канцлера) и на всѣ ласки Яна Казимира отвѣчалъ только: «Гораздъ, королю, говоришъ»; «а вѣжества-де и учтивости (доносилъ царю Кунаковъ) никакіе противъ тѣхъ его королевскихъ рѣчей всловесне и ни въ чемъ не учинилъ». Да и безъ этого свидѣтельства, сопровождаемаго обстоятельнымъ описаніемъ всего церемоніала, трудно согласить благоговѣніе казаковъ Хмельницкаго къ монархической власти съ такими поступками, какъ публичное, всенародное ругательство надъ королевскими послами, постоянная ссылка съ Турецкимъ султаномъ и громкія угрозы отдать ему всю Польшу. «Имя царя, священное для самой крайней вольницы», не помѣшало Виговскому оторвать отъ Алексѣя Михайловича казаковъ, присягнувшихъ ему на подданство, истреблять царское войско, отдавать царскихъ воеводъ въ руки Татаръ, ругаться надъ властію монарха, коей онъ раболѣпствовалъ при жизни прежняго гетмана. Юрій Хмельницкій съ преданными ему казаками сдѣлалъ тоже самое по отношенію къ царю, и даже хуже. Дорошенко и Мазепа въ свою очередь доказали, что священное имя царя можно замѣнить и Туркомъ, и Шведомъ, смотря по надобности. Къ казакамъ, безъ малѣйшей натяжки, можно примѣнить сужденіе Бортона

---

[5]) Такъ называлась служившая при панскихъ дворахъ шляхта, въ подражаніе *дворянамъ* королевскимъ, игравшимъ роль нынѣшнихъ флигель-адъютантовъ.

[6]) Панская вооруженная свита, равно какъ и цѣлая армія, содержимая паномъ при своей особѣ, называлась почтомъ, т. е. почетомъ, — попольски poczet, pocztu.

[7]) См. нашу Исторію Возсоединенія Руси, I, 223.

о герояхъ романической фантазіи, Шотландскихъ горцахъ: «Кто бы ни пожелалъ поколебать, или низвергнуть оружіемъ, установленное правительство, могъ разсчитывать на помощь ихъ вождей; ибо всякое прочное правительство вредно ихъ власти и больше всего враждебно ихъ существованію. Чѣмъ больше такое правительство распространяетъ мирныя занятія и расширяетъ благосостояніе, созданное промышленностью, тѣмъ болѣе враждебно относится къ нему народъ, не измѣнившій своей природѣ, не сдѣлавшій успѣховъ въ промышленности, живущій войной, которая доставляетъ ему плоды чужаго труда. Твердое, мирное правительство также не согласно съ его интересами, какъ хорошо охраняемое стадо—съ интересами волковъ».

Казаковъ стараются ассимилировать съ Украинскимъ народомъ, и то, что̀ свойственно Украинскому, Малорусскому *народу*, приписываютъ казакамъ. Но народъ, участвуя въ казацкихъ бунтахъ, былъ жертвою или соблазна, или террора, которыми казаки постоянно на него дѣйствовали. Надобно смотрѣть не на тѣло, а на душу казачества. Душею казацкихъ предпріятій дѣлались обыкновенно отверженцы монархическаго общества, поправшіе ногами все, что̀ для него священно. Таковъ былъ Самуилъ Зборовскій, уличенный въ заговорѣ съ казаками на жизнь короля Стефана Баторія. Таковы были и всѣ баниты, которымъ, впутавшись въ казацкіе бунты, осталось только ниспроверженіе верховной власти или—что̀ все равно—замѣна одного монарха другимъ. *Они*-то и должны считаться «самою крайнею вольницею», а вовсе не тѣ, которыхъ они поили горѣлкою, задаривали деньгами и одеждою, или же стращали смертью, завлекая въ казацкое войско. *Они* дали казачеству его коммунистическій и нигилистическій закалъ, а не простолюдины, которые, сами по себѣ, всегда были и будутъ монархистами. Радикаломъ способенъ сдѣлаться одинъ демагогъ, а *демагогомъ*, и въ лучшемъ, и въ худшемъ значеніи слова, не можетъ быть человѣкъ низшей среды. Низшая среда казачества конечно взирала на царя по простонародному, какъ на олицетвореніе правды, которой препятствуютъ въ ея благотворномъ дѣйствіи вельможи да чиновники. Но и она лишь на столько благоговѣла передъ именемъ царя, на сколько сохраняла живую связь съ *народомъ*, который, въ своей массѣ, подчиняется не банитамъ, какъ подчинялись казаки, а хранителямъ національныхъ преданій, то есть людямъ не только образованнымъ, но и нравственнымъ. Казаки, управляемые тѣми, которые составляли душу казачества, работали даже въ массѣ своей на гибель, а не на поддержку монархической власти. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны были, въ своихъ манифестаціяхъ, признавать священное для мыслящихъ людей значеніе царственности, поступками своими они ей противодѣйствовали. Они искали и домогались, съ оружіемъ въ рукахъ, полнаго освобожденія отъ установленныхъ государствомъ властей; они требовали государства добычнаго въ государствѣ культурномъ. Отрицая всякой иной присудъ, кромѣ своего войсковаго, казаки давали въ своей средѣ пристанище всевозможнымъ преступникамъ закона, въ томъ числѣ и нарушителямъ общественнаго спокойствія. Убійца самого короля могъ явиться въ Запорожской Сѣчи съ такой безопасностію, какъ-будто это былъ его собственный за̀мокъ. Существовалъ за Порогами обычай даже не спрашивать: кто таковъ пріѣзжій, зачѣмъ и на долго ли прибылъ? Отъѣздъ, также какъ и пріѣздъ, былъ тамъ невозбраненъ во всякое время дня и ночи. Спрашивается: кому принадлежитъ

починъ въ этомъ установленіи или обычаѣ: почитателямъ, или противникамъ священнаго имени государя? Темнымъ ли мужикамъ, уходившимъ за Пороги на заработки, или же образованнымъ демагогамъ, приносившимъ туда страхъ могущественнаго преслѣдованія? Вопросъ рѣшаетъ самъ себя.

II.

Государство, допустившее образоваться на своей территоріи подобному притону крайней вольницы, обрекало себя на кровавую съ нею борьбу, а въ случаѣ безуспѣшности оной, на гибель; и дѣйствительно Польша погибла отъ того, что не имѣла ни достаточной рѣшимости, ни достаточной силы уничтожить Запорожскую общину. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Рѣчи-Посполитой, усиливалась въ ней казацко-нигилистическая пропаганда отрицанія всего того, чѣмъ государство держится, и въ особенности—отрицанія установленныхъ властей. Прямымъ способомъ казаки распространяли эту пропаганду въ оказаченномъ простонародьѣ, косвеннымъ—въ сословіи привилегированномъ. Шляхтичу, который былъ объявленъ банитомъ, или изгнанникомъ изъ общества порядочныхъ людей, лишеннымъ и гражданскихъ правъ, и самой чести, было не безопасно появляться даже и въ чужихъ краяхъ, гдѣ каждый могъ убить его, также какъ и дома, безнаказанно, что̀ и постигло, при Сигизмундѣ-Августѣ, вельможнаго свояка Константина-Василія Острожскаго, князя Димитрія Сангушка; но, живя среди Запорожцевъ, онъ могъ смѣяться надъ гнѣвомъ всѣхъ Европейскихъ государей. Самое имя его нерѣдко замѣнялось тамъ простонароднымъ прозвищемъ, и кто бы сталъ развѣдывать, напримѣръ, о князѣ Димитріи Вишневецкомъ (находившемся одно время въ службѣ у Турецкаго султана, какъ это мы знаемъ изъ подлинныхъ писемъ Сигизмунда-Августа), тотъ слышалъ бы только о казакѣ *Байдѣ*, которому все *байдуже* (ни по чемъ), что̀ ни оставилъ онъ позади себя, внѣ казацкаго общества. По розысканіямъ Московскаго посла, думнаго дьяка Григорія Кунакова въ Варшавѣ, шесть тысячъ банитовъ находилось подъ знаменами Богдана Хмельницкаго. Одного этого факта достаточно, чтобы понять, могло ли устоять государство, выработавши въ самомъ сердцѣ своемъ кадры для арміи своихъ разрушителей.

Въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ, мы обыкновенно радуемся, что погибла наконецъ Рѣчь-Посполитая, соблазнявшая Великій Новгородъ отложиться отъ Россіи, отнявшая у Ивана Грознаго Балтійское поморье, стоившее въ послѣдствіи Петру стольких ъ жертвъ и усилій, истерзавшая Россію самозванщиною, а что̀ всего для насъ обиднѣе—угнетавшая Русскую православную вѣру всевозможными способами. Въ качествѣ народа, еще юнаго въ цивилизаціи, мы чувствуемъ слишкомъ горячо, слишкомъ по-юношески, и это мѣшаетъ намъ отнестись къ былому исторически. Но если доживемъ до старости, тогда спокойное изученіе даже однихъ тѣхъ актовъ, которые давно уже нами самими напечатаны, приведетъ насъ къ убѣжденію, что угнетали Русскую вѣру не Поляки, а Русскіе ренегаты. Поляки, съ своими іезуитами, участвовали въ этомъ нелѣпомъ дѣлѣ, на столько же въ сѣверной, на сколько и въ южной Руси,—никакъ не меньше, и, пожалуй, еще больше. Вспомнимъ только, что тамъ они

вели даже войны съ цѣлью приневолить простоватую Русь къ принятію цивилизованной религіи. Здѣсь, напротивъ, не было ни одной битвы въ интересахъ церкви. Даже казнь Витебскихъ мѣщанъ за убіеніе Кунцевича совершилась безъ всякаго сраженія. Всѣ же казацкія войны были, со стороны казаковъ, бунты черни, безъ участія дворянъ и духовенства, а со стороны Поляковъ—усмиренія таковыхъ бунтовъ, съ дѣятельнымъ участіемъ Русскихъ дворянъ всѣхъ вѣроисповѣданій (въ томъ числѣ и православныхъ) и съ благословеніемъ православной іерархіи, которая, до Хмельнищины, въ лицѣ митрополита Петра Могилы, посылала своихъ игуменовъ къ казакамъ съ увѣщаніемъ разойтись по домамъ; когда же казаки были побиты и разогнаны, она, устами того же Петра Могилы, поздравляла Польскихъ вождей публично съ усмиреніемъ *бунтовщиковъ*, а послѣ первыхъ побѣдъ Хмельницкаго бѣжала изъ Кіева вмѣстѣ съ уніятами и католиками.

Еслибы въ X-мъ вѣкѣ древніе строители Русскаго государства не отвѣчали на отрѣзъ: «отцы наши не принимали вѣры отъ папы», они столько же были бы виновны предъ судомъ нашей исторіографіи, сколько и Польско-Русскіе паны, принявшіе католичество; а между тѣмъ они имѣли полное право избрать что̀ было для общества полезнѣе, какъ это сдѣлали ихъ потомки въ XVI и XVII вѣкахъ, видя вѣру св. Владиміра, съ одной стороны попранною магометанами, а съ другой—преданною въ жертву невѣжеству. Виноваты ли были потомки Гостомысловъ и Свѣнельдовъ, что Татарское лихолѣтье втолкнуло ихъ не въ православное, а въ Латинское государство, о которомъ они, какъ граждане, были обязаны всячески заботиться? И имъ ли, наконецъ, отвѣчать за Русскихъ архіереевъ, которые добровольно продали себя Сигизмунду и его іезуитамъ? Они, Русскіе паны, будучи католиками, смотрѣли съ негодованіемъ на Русскихъ ренегатовъ, подобныхъ Кунцевичу, какъ это доказываетъ извѣстное письмо Льва Сопѣги къ этому фанатику папизма. Будучи католиками, они, устами такихъ людей, какъ Янъ Замойскій, говорили Польскимъ иновѣрцамъ: «Я отдалъ бы половину жизни за то, чтобы видѣть васъ въ одной вѣрѣ со мною; но если будутъ притѣснять васъ, я отдамъ всю мою жизнь, чтобы не видѣть, какъ васъ притѣсняютъ». Будучи католиками, они, въ лицѣ такихъ магнатовъ, какъ Станиславъ Конецпольскій, служили православнымъ монахамъ прибѣжищемъ отъ казацкихъ грабежей. И вообще надобно сказать, что господствовавшая въ Польскомъ государствѣ религія боролась гораздо энергичнѣе съ уклонившимися въ реформацію католиками, нежели съ чуждавшимися латинства и унія православными. Для сохраненія своей политической цѣлости, Польское государство не должно было потворствовать водворенію въ немъ лютеранства, кальвинства, аріянства и другихъ сектъ, на которыя раскололась лукаво построенная Римская церковь. Для сохраненія достоинства религіи вообще, оно было обязано поощрять готовность служить его цѣлямъ со стороны такихъ образованныхъ архіереевъ, какъ Терлецкій, Потѣй, Смотрицкій, Рутскій, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ неизвѣстными ему ревностными, но вообще невѣжественными иноками. Наконецъ, оно, какъ и всякое другое государство, должно было покровительствовать извѣстному исповѣданію не на столько, на сколько оно истинно, а единственнно на столько, на сколько оно полезно. Оно по своему было право, и мы, на его мѣстѣ, можетъ быть, поступили бы еще

хуже. Слѣдовало бы намъ хоть по временамъ примѣривать на себѣ жупанъ Польскаго пана, сенатора и короля. Но мы этого никогда не дѣлаемъ. Не обращая никакого вниманія на формацію Польскаго общества, мы «ревнуемъ по вѣрѣ» à la Кунцевичъ, и радуемся гибели этого общества, вмѣстѣ съ его государствомъ, отъ рукъ банитовъ, назвавшихся казаками и поднявшихъ чернь на злодѣйства священными воззваніями за вѣру.

Что казаки лгали въ своихъ религіозныхъ манифестаціяхъ при Хмельницкомъ, въ этомъ удостовѣряютъ предшествовавшія отношенія ихъ къ борьбѣ другихъ корпорацій съ папистами, за православіе съ одной стороны, за унію съ другой. Въ этой борьбѣ казаки или вовсе не принимали участія, или принимали такое, какъ Итальянскіе брави.

Слухъ о церковной уніи ходилъ въ обществѣ задолго до ея обнародованія въ 1596 году. Но вассалъ князя Острожскаго, Косинскій, воюетъ не съ кѣмъ нибудь изъ католическихъ пановъ, а съ нимъ самимъ; другими словами: онъ поднимаетъ пьяную чернь или голоту противъ магната, на котораго православное духовенство смотрѣло какъ на главнаго защитника древняго Русскаго благочестія. Въ самый годъ обнародованія церковной уніи, казаки, подъ предводительствомъ другаго вассала князя Острожскаго, Северина Наливайки, затѣваютъ новый, болѣе широкій бунтъ, и православный князь Острожскій радуется отъ всего сердца, что нашихъ «борцовъ за православіе» разбили Русскіе паны на голову; а въ дѣяніяхъ Брестскаго собора и въ его послѣдствіяхъ, современныхъ пораженію казаковъ, не найдено ничего общаго между интересами церковными и казацкими. Даже тогдашняя свободная полемика въ защиту православія, гремя противъ короля и папы, ни единымъ словомъ не упомянула о казацкой кампаніи. Только лѣтописи, сочиненныя спустя много времени послѣ, связываютъ оба явленія въ одно, наперекоръ современнымъ печатнымъ и письменнымъ документамъ. Прошло много лѣтъ. Ревнители православія, казаки (какъ уже сказано выше) вторгаются съ самозванцемъ въ единовѣрное царство, не щадятъ ни мирныхъ жителей, ни церквей [8]), оставляютъ по себѣ страшную память, вмѣстѣ съ католиками, и продолжительнымъ грабежемъ Россіи, отъ 1604 до 1618 года, выростаютъ въ многочисленную, свирѣпую, грозную уже для Рѣчи-Посполитой корпорацію. Кіевскіе жители, видя въ ихъ рукахъ богатую добычу и силу, стараются съ ними ладить, подъучиваютъ ихъ на убійства, которыхъ сами совершить не смѣютъ, наконецъ вписываютъ *все* Запорожское войско въ Кіево-подольское церковное братство. Еслибы эта запись была самодѣятельная, то, принимая въ разсчетъ, что казаковъ подъ Хотиномъ въ 1621 году собралось не менѣе 30,000, надобно было бы ожидать процвѣтанія братства въ финансовомъ отношеніи. Ревностные къ вѣрѣ казаки могли бы въ одинъ день обогатить братскую казну и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ внести въ нее милліоны Польскихъ злотыхъ. Вмѣсто того мы знаемъ, что братство исчисляло свои имущества десятками и сотнями злотыхъ. Только Петръ Конашевичъ Сагайдачный, плѣнившій царскихъ воеводъ въ 1618 году, бравшій взятьемъ города по Юго-востоку Россіи, разорявшій невольницкіе базары въ Крыму, только онъ, въ духовномъ завѣщаніи, отписалъ братству какую ни-

---

[8]) См. III т. Исторіи Возсоединенія Руси, стр. 81, примѣчаніе.

будь тысячу злотыхъ, и это считалось уже богатствомъ — въ виду разоренной казаками Московщины и ограбленной Туретчины. Очевидно, что вписанные въ церковное братство казаки даже и не знали о своей принадлежности къ столь великому учрежденію. Все дѣло состояло въ томъ, чтобъ напугать ренегатовъ-унитовъ. Когда возвращался изъ Москвы Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ (1620 г.), отрядъ казаковъ конвоировалъ его отъ Прилуки до Кіева, а потомъ отъ Кіева до Турецкой границы; но вотъ замѣчательный фактъ, игнорируемый казакоманами: посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты совершено имъ, по современному свидѣтельству, тайкомъ отъ казаковъ. Опасно и позорно было для православной церкви сдѣлать участниками возстановленія іерархіи добычниковъ, едва не погубившихъ единственнаго въ мірѣ православнаго царства. Такъ точно игнорируютъ казакоманы и совершенное отсутствіе этихъ «единственныхъ борцовъ за православную вѣру и народность Русскую» въ Витебской трагедіи 1624 года. Мы знаемъ, что когда въ 1601 году казаки, пять лѣтъ тому назадъ жестоко побитые подъ Лубнами, возвращались изъ Шведскаго похода, Витебскъ сильно пострадалъ отъ ихъ разбоя и грабежа. Они хватали въ Бѣлоруссіи, какъ Татары, даже женщинъ и дѣтей. Во все время какъ они геройствовали въ Московщинѣ и Туретчинѣ, унія дѣлала самыя беззаконныя завоеванія во имя закона, и Кунцевичъ изъ звонаря доросъ до архіепископа. Выставляя, въ угоду Полякамъ, по 15, по 20 и по 30 тысячъ хорошо вооруженнаго войска, ни одной тысячи не отрядили казаки въ Бѣлоруссію для поддержки православныхъ мѣщанъ, которые, одни безъ шляхты, выносили на себѣ всѣ натиски Русскихъ ренегатовъ, поддерживаемыхъ іезуитами. Что это значитъ? Это значитъ, что мѣщане знали казаковъ лучше, чѣмъ знаютъ ихъ наши казакоманы. Когда, двадцать лѣтъ назадъ, толпа добычниковъ повела самозванца въ Московское царство, и тогда Познанскій кастелянъ Остророгъ говорилъ уже на сеймѣ: «Молю Господа Бога, чтобы Димитрій остался тамъ, чтобы къ намъ не возвращался: это войско, что съ нимъ пошло, было бы *тяжелъ непріятеля* для нашихъ Русскихъ и Украинскихъ областей» [8]). Тяжесть присутствія казаковъ испытали Витебцы въ 1601 году, когда многіе мѣщане были ими ограблены, а другіе побиты. Могли ли Витебцы звать на помощь противъ уніи такихъ головорѣзовъ, отъ которыхъ у нихъ передъ глазами извелась православная Московская Русь? Даже послѣ убіенія Кунцевича они предпочли подвергнуться королевской казни, хотя обычная медленность Польской расправы за преступленія дала имъ болѣе двухъ мѣ-

---

[8]) Инженеръ Ригельманъ, писавшій свою книгу черезъ 175 лѣтъ, повторяетъ слова Остророга, говоря о Запорожцахъ: «Они нападали на обозы купецкіе и оные многажды съ убивствомъ людей грабили; разбивали жъ и заводы селитренные, забирали скотъ и иныя пакости чинили, такъ что, будучи противу Татаръ употреблены, *паче ихъ, они въ тягость самимъ были...* Они не смотрѣли на общія нужды, но своихъ только сыскивали корыстей; ибо въ самое мирное время нападали воровски на поселянъ Татарскихъ, также и на пословъ и купцовъ Турецкихъ, какъ то въ одно время Греческихъ купцовъ великой караванъ, слѣдующій въ Россію, разбили, за которой разбой изъ казны царской, по иску отъ Порты Оттоманской, сто тысячъ ефимковъ заплачено было» (Лѣтописное повѣств. о Малой Россіи, кн. VI, стр. 71).

сяцевъ для сношеній съ казаками, а казаки, побѣдители Османа II подъ Хотиномъ и счастливые пираты на Черномъ морѣ, были тогда очень сильны.

III.

Витебская трагедія, равно какъ и успѣхи уніи въ Бѣлоруссіи вообще, имѣла, однакожъ, губительное для Польши вліяніе на казачество. Есть указаніе въ протестѣ одного католика, что религіозныя факціи наполнили Бѣлорусскими бѣглецами Бѣлорусское Понизовье и Украину. Важную роль стали играть въ казацкихъ бунтахъ мѣщане-ремесленники, лишавшіеся своихъ магистратскихъ мѣстъ за отверженіе церковной уніи. Королевскія коммиссіи домогались отъ реестровыхъ казаковъ выдачи бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ и вообще ремесленниковъ. Эти-то пришлые казаки возбуждали въ своихъ товарищахъ особенную ненависть къ иновѣрцамъ и ренегатамъ, которую наша исторіографія принимаетъ за религіозное чувство. Изъ транзакцій короннаго гетмана съ казаками въ 1625 году видно, что казацкая религіозность выражалась грабежемъ не только Кіевскихъ мѣщанъ, пошатнувшихся въ православіи, но и Богуславскихъ Жидовъ, которые заботились только о барышахъ. О казацко-шляхетской войнѣ 1630 года, которой придаютъ религіозное значеніе, существуетъ документъ, содержащій въ себѣ договоръ Конецпольскаго съ побѣжденными казаками. Требуя отъ нихъ выдачи зачинщика бунта, Тараса Ѳедорóвича, Конецпольскій, между прочимъ, укоряетъ казаковъ, что они погубили много легковѣрныхъ поселянъ увѣреніями, будто жолнеры пришли въ Украину руйновать Русскія церкви, а кто имъ не вѣрилъ, тѣхъ принуждали къ походу насиліями [10]). Самъ же Конецпольскій до того былъ чуждъ гоненія Русской вѣры, что когда подошелъ къ Кіеву, православные монахи обратились къ нему съ жалобами на хищничество самихъ казаковъ. Во времена Павлюка и Хмельницкаго выгодно было чернецамъ и казакамъ твердить Московскимъ собирателямъ вѣстей въ «Литовской сторонѣ», что война идетъ за вѣру. До самой эпохи Хмельницкаго исторія не сохранила ни одного примѣра избіенія православныхъ монаховъ католиками, тогда какъ подобныя сцены сопутствовали казакамъ отъ Ромна до Львова, начиная уже съ Павлюковщины. Въ казацкихъ подвигахъ во имя вѣры слѣдуетъ видѣть не религіозное движеніе, а тотъ самый грабежъ и то самое крушеніе, которымъ казаки подвергали единовѣрныя имъ земли — Московщину и Волощину. Не миновали они и Русскихъ поповъ, если надѣялись поживы, а чтобы допытаться спрятанныхъ денегъ, прибѣгали даже къ такимъ средствамъ, какъ зажиганье водки на поповской головѣ. Политика, естественно, указала Хмельницкому обезпеченіе отъ казаковъ православнаго духовенства. Онъ убѣдилъ высшее духовенство вернуться въ Кіевъ и роздалъ монастырямъ панскія земли; но за столомъ у того же Хмельницкаго Черкаскій полковникъ порицалъ одинаково и ксензовъ, и поповъ [11]). Правда,

[10]) По свидѣтельству наивной Львовской лѣтописи, писанной современникомъ, ходилъ тогда слухъ, будто бы «жолнѣре до Кіева пріихали съ тимъ интентомъ, абы вироdъ казаковъ, а затымъ въ вшиткой Украинѣ Русь выстинали ажъ до Москвы».

[11]) Dyariusz podróży do Pereaslawia panów komissarów polskich: «i wasi xieza, i nasi popy, wszyscy z kurwy synowie».

онъ, по казацкому обычаю, былъ пьянъ; но пословица говоритъ: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ». Развернемъ такъ называемую Львовскую лѣтопись, оканчивающуюся 1649 годомъ. Авторъ ея, очевидно священникъ, обиженный Латинцами, сочувствовалъ казакамъ, ловилъ слухи объ ихъ геройствѣ, опровергнутые документами; но онъ же написалъ о разореніи казаками Львова слѣдующее: «Львовъ, боронячися, передмѣстя сами спалили всѣ округомъ; воду отняли были казаки, руры поперетинавши; зáмку высокаго добыли и людъ выстинали; также по кляшторахъ все побрали и по церквахъ; и людъ единъ Татаре выбрали, другій отъ меча погинулъ, третій отъ голоду, четвертый отъ повѣтря. У церкви св. Юра трупа 54 забитыхъ людей; и Татаринъ, на самый престолъ упавши, розбився. У Бернардиновъ Руси, що были, поутѣкали для обороны, на пятьсотъ и больше постинано; также въ мѣстѣ, на ратуши, на валахъ».

Какъ понимали казаки Русскую землю, на которой размножились изъ Черкасской своей колоніи, видно изъ ихъ посольства къ царю въ 1625 году. Имъ предстояла тогда раздѣлка съ короннымъ войскомъ за такіе подвиги, какъ грабежи и убійства подъ видомъ обороны вѣры. Боясь Конецпольскаго, они выражали въ Москвѣ готовность перейти съ своими семьями въ Московскіе предѣлы, а поприще ихъ религіозныхъ подвиговъ оставить въ рукахъ иновѣрцевъ. Но въ Москвѣ еще въ 1594 году давали о казакахъ иностранцамъ отзывъ, какъ о людяхъ дикихъ, необузданныхъ, не имѣющихъ страха Божія и вѣроломныхъ. Не казаки были нужны Москвѣ, а земля, которая вскормила ихъ. Тому назадъ пять лѣтъ, думные дьяки сами наводили ихъ на защиту православной вѣры, допытываясь у казацкаго посланца: «нѣтъ ли отъ Поляковъ какого посяганья на вашу вѣру?» И казаки, въ 1620 году, отвѣчали: «посяганья отъ Поляковъ на нашу вѣру никакого нѣтъ» (хотя Кунцевичъ давно уже неистовствовалъ въ Бѣлоруссіи), а въ 1625 году явились ходатаями за возстановленную при Конашевичѣ Сагайдачномъ іерархію и просили принять ее съ казаками подъ царскую руку, такъ какъ имъ, «кромѣ царя, негдѣ дѣться». Царскіе бояре рѣшительно отказали въ этомъ казакамъ и дали программу привести подъ царскую руку всю Малую Россію. Исполненіе этой программы принадлежало, однакожъ, не казакамъ, а тѣмъ, которые терпѣли отъ казацкаго безпутства. Казаки присягнули царю на подданство въ Переяславѣ со слезами, и черезъ четыре года уже били царское войско подъ Конотопомъ. Русской земли, Русскаго народа, Русскаго государства не было на умѣ у того общества, душею котораго было отребіе Польской шляхты—баниты. Въ эпоху возстанія или, вѣрнѣе сказать, бунта Хмельницкаго, Украина была многолюдною, цвѣтущею страною; но уже при сынѣ его эта страна, по народной пословицѣ, стала пуста, извелась [12]). Великій государственный хозяинъ Петръ нашелъ ее въ такомъ положеніи, что разсудилъ за благо перевести казаковъ, съ ихъ подсосѣдками и подпомощниками, на лѣвый берегъ Днѣпра, а правый, за исключеніемъ Кіева, Василькова, Триполья и Стаекъ, возвратить тѣмъ, которыхъ казаки прогнали вопреки Андрусовскому договору, и ихъ земледѣльческія хозяйства превратили въ Татарскія кочевья. Изгнаніе пановъ изъ Украины мы находимъ явленіемъ

[12]) За Хмельницького Юрася пуста стала Украина, звелася.

отраднымъ. Мы забываемъ, что казаки, уничтоживъ плоды ихъ колонизаціонной дѣятельности, не создали на то мѣсто ничего, а панскими подданными, своими единовѣрцами, наполнили, чрезъ посредство Татаръ, всю Турцію; забываемъ, что, до Хмельнищины, въ Украинскихъ городахъ процвѣтали ремесла и торговля, а сельскіе мужики, по отзыву одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, во всемъ жили изобильно—въ хлѣбахъ, стадахъ и пасѣкахъ; забываемъ, наконецъ, и то, что, по милости казаковъ, Турки владѣли Подольскимъ Каменцемъ и, если бы не Петръ Великій, добрались бы до Кіева. Когда казаковъ на правой сторонѣ Днѣпра не стало, и вмѣсто нихъ опять начали располагать землею вернувшіеся на свои пепелища помѣщики, въ народѣ сложилась пословица, регулирующая нашу исторіографію. Въ переводѣ на великорусскую рѣчь, она гласитъ: «Пока шлялись по Украинѣ казаки съ пороховыми рогами, лежали широкія поля невспаханными; а когда явились въ Украинѣ паны съ ладунками, у мужиковъ на полкахъ показались пироги» [13]). Въ литературѣ выражено много сѣтованій на Петра за то, что онъ привелъ, наконецъ, въ исполненіе Андрусовскій договоръ, котораго казаки не давали исполнить ни Москвѣ, ни Варшавѣ. Но Петръ зналъ, что западная Украина, жерло бунтовъ Украинской голоты, въ казацкихъ рукахъ будетъ разсадникомъ не земледѣлія, ремеслъ и торговли, а такихъ героевъ, которые славу свою будутъ полагать въ опустошеніи заселенныхъ и культивированныхъ мѣстностей. Онъ вѣщимъ духомъ угадалъ, что Польша неспособна защищать собственными силами работы лучшихъ людей своихъ, которые одной рукой держались за мечъ, а другою за плугъ [14]), и что все обзаведеніе, какое ни устроятъ они въ «древней вотчинѣ Русскихъ государей», обратится рано или поздно на пользу его же государства. Онъ понималъ, чего не понимаютъ ограниченные ревнители православія, что латинство, съ своей обветшалой политикой, не въ состояніи преобладать въ Сѣверной Славянщинѣ. Спокойно возвратилъ онъ Мономаховщину олатиненнымъ Руссамъ, которые, со времени Тарновскихъ и Острогоговъ, отдавали, подобно ему самому, лучшія силы свои на отбой Азіятской дичи отъ Русской земли, и не ошибся въ своемъ не по нашему сдѣланномъ дѣлѣ. Начались новые подвиги культуры съ новою колонизаціей края. Полудикихъ его охранителей, не умѣвшихъ даже пороховыхъ роговъ замѣнить ладунками, смѣнили такіе охранители, которые заботились не о боевой добычѣ, а о томъ, чтобы плодоносная Украинская почва, источникъ добычи благородной, не оставалась порожнею залежью. Спустя два-три десятка лѣтъ послѣ Петра, устроенныя въ этомъ краѣ имѣнія стали приносить доходы, изумлявшіе самихъ владѣльцевъ, которые съ недоумѣніемъ писали къ своимъ управителямъ: «Неужели столько денегъ извлечено изъ хозяйства? Или, можетъ быть, въ имѣніи найдены Шведскіе клады?» Совершиться это

---

[13]) Поки блукали по Вкраинѣ козаки зъ рогами, стояли степы-поля облогами, а якъ явились на Вкраинѣ паны въ ладовницяхъ, стали у мужиковъ пироги на полицяхъ.

[14]) Такіе люди были идеаломъ Польскаго общества въ эпоху Хмельницкаго. На избирательномъ сеймѣ 1648 года коронный референдарь говорилъ: Przedlym insza byla, kiedy to byla unica zabawa szlachcica polskiego jedna reka plugu, druga sie szabli trzymac. (Iakuba Michalowskiego Ksiega pamietnicza, str. 243).

хозяйственное чудо могло только при отсутствіи казаковъ, ради оправданія которыхъ мы представляемъ Польскихъ пановъ, или окатоличенныхъ Руссовъ, землевладѣльцами - тиранами. Это—одна изъ нашихъ литературныхъ маній, внушенныхъ дешевою гуманностію, безъ пособія всесторонняго изученія предмета. На памяти живыхъ еще въ мое время людей, крестьянскія повинности въ западной Украинѣ были такъ незначительны, что эти люди увѣряли меня, будто панщины въ Украинѣ не было вовсе [15]), и показанія ихъ совпадаютъ съ Польскими извѣстіями объ Украинскомъ хозяйствѣ въ эпоху Екатерины II. Что говорить казакъ-самовидецъ о положеніи крестьянъ передъ Хмельнищиною, то самое можно сказать о нихъ въ эпоху, предшествовавшую Коліивщинѣ: «во всемъ жили обфито, въ збожахъ, бидлахъ, пасѣкахъ». Но казаки, прогнанные Петромъ въ Татарщину изъ Запорожской Сѣчи, побитые вмѣстѣ со Шведами подъ Полтавою и переведенные съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, различными путями привели этотъ вновь разцвѣтшій край къ новой катастрофѣ. Вся пьяная голь, все глупое, лѣнивое и безнравственное въ Западной Украинѣ поднято было ими на ноги, во имя вѣры и свободы, противъ колонизаторовъ опустошенной ихъ предками страны. Написана была отъ имени Екатерины II такъ названная Золотая грамота о поголовномъ истребленіи Ляховъ и Жидовъ [16]); выдуманы будто бы присланные ею же освященные ножи [17]). Началась рѣзня по памяти Хмельнищины, и въ одномъ Уманѣ пало тысячь двадцать жертвъ подобнаго же бунта. Ге-

---

[15]) См. Записки о Южной Руси, I. 143.

[16]) Народъ и въ мое время хранилъ еще воспоминаніе о содержаніи этой грамоты, передавая мнѣ со смѣхомъ замѣчаніе объ ея поддѣлкѣ: «Великъ свѣтъ Государыня велить рѣзать Жида и Ляха до ноги, щобъ и не смердѣли на Украинѣ». (Зап. о Южн. Руси, I, 149).

[17]) Шевченко популяризовалъ присылку ножей отъ царицы слѣдующими стихами:

Попôдъ дибровою стоять
Возы залѣзнои тарани.
То щедрои гостинець пани.
Умѣла що кому давать,
Невроку їй, нехай царствуе,
Нехай не вадить якъ не чуе.

У него ножи святитъ духовенство подъ Чигириномъ торжественно, съ церковными хоругвями, «якъ на великъ-день надъ пасками», чего, разумѣется, не могло быть. Къ поэмѣ онъ дѣлаетъ примѣчаніе: «такъ про *Чигиринське свято* росказують стари люде». Но ни самъ я, ни другіе собиратели народныхъ преданій не слышали въ народѣ даже и названія, даннаго Украинскимъ поэтомъ торжеству, на которое, какъ онъ изображаетъ,

.....надъ Тясминомъ,
У темному гаю.
Зôбралися старый, малый,
Убогій, богатый:
Поеднались, дожидають
Великого свята.

рои громаднаго разбоя, которому позавидовали бы Стенька Разинъ и Пугачевъ, свезли въ свой станъ подъ Уманемъ кровавую добычу, награбленную не только у пановъ и Жидовъ, но также и у православныхъ мѣщанъ; началась многонедѣльная попойка вокругъ трофеевъ легкой побѣды. Конецъ этому безобразію положила Екатерина, пославши отрядъ войска, которое перевязало пьяныхъ гайдамакъ и предало въ руки законныхъ властей. Ни Хмельнищина, ни Коліивщина не оставили по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что-нибудь ко благу общества, въ религіозномъ, просвѣтительномъ или экономическомъ отношеніи. Кромѣ дикаго отрицанія того, что̀ дѣлали люди болѣе порядочные, ничего не проявило своими дѣяніями на родной почвѣ казачество.

Русская церковь, въ защиту которой будто бы оно подвизалось, во всѣхъ своихъ писаніяхъ и распоряженіяхъ постоянно избѣгала даже упоминанія о казакахъ. Составленный въ Кіевопечерской Лаврѣ, подъ конецъ XVII вѣка, историческій «Синопсисъ», упоминаетъ о Кіевскихъ воеводахъ Польскаго короля, Жолкевскомъ, Замойскомъ, Хмелецкомъ, Тишкевичѣ, Киселѣ, но проходитъ молчаніемъ имена Косинскаго, Наливайка, Лободы, Михайла Дорошенка, Тараса Ѳедоро̀вича, Павлюка, Остряницы, Гуни, Богдана Хмельницкаго и вообще всѣхъ казацкихъ гетмановъ Польскихъ временъ, очевидно, разумѣя ихъ бунтовщиками, а не возсоединителями Руси,—хотя тутъ же исчисляетъ прибывшихъ въ Кіевъ, для защиты его отъ Турокъ, царскихъ воеводъ и вслѣдъ за ними титулуетъ гетмана Самойловича съ его войсковыми старшинами. Въ «Синопсисѣ» расторгнутая Татарами Русь возсоединяется помимо казаковъ. «Богоспасаемый преславный и первоначальный всея Россіи царственный градъ Кіевъ (сказано въ этой учебной книгѣ), по многихъ перемѣнахъ своихъ, изрядною милостію Божіею, аки на первое бытіе возвращаяся, отъ древняго достоянія царскаго паки въ достояніе царское пріиде». Еслибы исторію казачества писать по одной церковной литературѣ, то изъ устъ православной церкви мы знали бы о казакахъ столько же, сколько и о сподвижникахъ Стеньки Разина или Пугачева. Церковь какъ-будто устыдилась, что, въ лицѣ своихъ іерарховъ, имѣла когда-либо общеніе съ опустошителями Русской земли по ту и по сю сторону Московскаго рубежа,—кромѣ такого увѣщательнаго общенія, какое имѣли съ ними Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, Кіевопечерскіе исповѣдники (по «Тератургимѣ» Кальнофойскаго) и игумены Петра Могилы. Церковная іерархія поспѣшила испросить царское подтвержденіе возвращенныхъ ей казацкими гетманами владѣній, и затѣмъ предала забвенію кровавыя имена своихъ благотворителей. Разореніе Запорожской Сѣчи, гнѣзда и устоя Украинскаго казачества, не сдѣлало впечатлѣнія даже на тотъ монастырь, который еще до Хмельницкаго назывался *казацкимъ* и который Запорожцевъ считалъ своими прихожанами. Въ лицѣ достойныхъ своихъ представителей церковь терпѣла казачество, какъ неизбѣжное зло. Добра отъ его подвиговъ ни для себя самой, ни для назидаемаго ею общества она не сознавала. Представители церкви сошлись во взглядѣ на казачество съ представителями государства. Этимъ великимъ силамъ своимъ вполнѣ сочувствовало интеллигентное общество. Оно отрѣшилось отъ казакоманіи такъ точно, какъ и сочинитель «Синопсиса». Что касается до темной, невѣжественной массы, то она, повторяя, подъ

пьяную руку [18]), казацкія пѣсни, все меньше и меньше ихъ понимала [19]), наконецъ совсѣмъ оставила и ограничилась чумацкими, бурлацкими, семейными, обрядными.

Переставши казаковать подъ вліяніемъ Запорожья на худшую часть Украинскаго населенія, простонародье Украинское вошло, такъ сказать, въ свои естественные берега, попятые казацкимъ разливомъ при Хмельницкомъ къ ужасу и вреду всѣхъ порядочныхъ людей. Разливъ этотъ всего яснѣе выраженъ человѣкомъ, который самъ по неволѣ сдѣлался казакомъ въ то ужасное время, и котораго драгоцѣнныя для исторіи записки наименованы мною, въ 1846 году, «Лѣтописью Самовидца». Онъ говоритъ съ отвращеніемъ, что рѣдко кто изъ казаковъ, взбунтованныхъ Богданомъ Хмельницкимъ, не омочилъ рукъ въ крови шляхты, замковыхъ слугъ, Жидовъ и городскихъ властей. По его разсказу, всѣхъ такихъ людей, независимо отъ исповѣдываемой ими вѣры, казаки убивали, не щадя ни женъ, ни дѣтей ихъ, а имущество избитыхъ безъ всякаго разбора расхищали гайдамацкимъ способомъ. «И въ то время (продолжаетъ Самовидецъ) *почетные люди всякого сословія* терпѣли великое горе и ругательства отъ

---

[18]) Заставить мужика пѣть казацкую пѣсню въ трезвомъ видѣ я никогда не могъ, во время моихъ этнографическихъ экскурсій. Онъ, съ нѣкоторымъ чувствомъ обиды, отвѣчалъ бывало мнѣ: «чого я буду спѣвать? хиба я пьяный?» Потому-то я всегда имѣлъ при себѣ вкусную, заправленную пряностями водку (какъ объ этомъ знаютъ читатели Записокъ о Южной Руси), и только этимъ способомъ возвращалъ мысли моихъ собесѣдниковъ ко временамъ казачества. Самъ Шевченко, въ своей поэмѣ, заставляетъ своего отца обращаться къ воспоминаніямъ о Коліивщинѣ, только при посредствѣ чарки:

Бувало въ недѣлю, закрывши минею,
По чарцѣ за сусѣдомъ выпивши тоеи...
Батько дѣда просить, щобъ той росказавъ
Про Колѣёвщину, якъ колись бувало...

[19]) Примѣровъ непониманія казацкихъ пѣсенъ не только въ историческомъ, но и въ буквальномъ, смыслѣ можно привести множество. Сами издатели ихъ обнаруживаютъ иногда свойственное простонароднымъ пѣвцамъ забвеніе того, о чемъ говорится въ пѣснѣ. Напримѣръ В. Н. Лысенко, съ мужичьяго напѣва, печатаетъ:

Ой Лимане, Лимане, Запорожскій отамане!

Эта безсмыслица образовалась въ устахъ народа изъ начальнаго стиха старинной пѣсни о князѣ Богданѣ Рожинскомъ:

Ой Богдане, Богдане, Запорожскій гетмане...

Комментаторы Малорусскихъ историческихъ пѣсенъ В. Б. Антоновичъ и М. П. Драгомановъ печатаютъ, въ извѣстной невольницкой думѣ, не имѣющія смысла слова *Ляхъ Бутурлакъ*, которыя въ свое время пѣлись *Ляхъ-потурнакъ*, то есть Ляхъ отуреченный, какъ это объяснено и въ самой думѣ: «потурчився, побусурманився». Слово poturnak весьма часто употребляется въ Польскихъ историческихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка, но у насъ оно такъ наглухо забыто въ народѣ, что даже спеціалисты простонародныхъ пѣснопѣній нарицательное имя *потурнакъ* превращаютъ въ собственное *Бутурлакъ* и публикуютъ пѣсенную безсмыслицу сперва въ 1835 году отъ лица П. Лукашевича, потомъ въ 1851 отъ лица М. Максимовича, и наконецъ въ 1874 отъ лица двухъ профессоровъ Кіевскаго университета.

черни, особенно отъ бездомовниковъ, то есть отъ пивоваровъ, винокуровъ, могильниковъ, поташниковъ, наемниковъ, пастуховъ, такъ что хоть иной почетный человѣкъ и не хотѣлъ бы связываться съ *этимъ* казацкимъ войскомъ, но, чтобъ избавиться отъ ругательствъ и нестерпимыхъ бѣдъ, отъ побоевъ, попоекъ и необычныхъ кормовъ, должны были и тѣ приставать къ *этому* казацкому войску». — Не зная, что казацкимъ именемъ (очевидно, имъ презираемымъ) станутъ когда-то гордиться, казакъ Самовидецъ съ ужасомъ говоритъ о томъ, что казаки выбрасывали изъ гробовъ мертвыя тѣла и носили ихъ одежду [20]. Потомъ онъ описываетъ поголовное возстаніе Украинскаго населенія противъ шляхты и Жидовъ, но объясняетъ его весьма простыми и, къ чести народа, вовсе нерелигіозными побужденіями. «Все это дѣлалось (говоритъ онъ) потому, что въ прошломъ (1648) году обогатились казаки расхищеніемъ имуществъ шляхетскихъ, Жидовскихъ и другихъ людей, встрѣчавшихся по дорогѣ; такъ что даже гдѣ было и Магдебургское право, и тамъ присяжные бурмистры и райцы бросали свои должности, брили бороды и шли въ это казацкое войско. Такъ діаволъ учинилъ себѣ смѣхъ изъ людей почетныхъ!»

П. Кулишъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

[20]) Вспомнимъ, что уже по такъ названному Владимірову уставу назначена была строгая кара за снятіе одежды съ мертвеца.

Къ исторіи регента герцога Бирона.

Распоряженіе фельдмаршала графа Ласси.

Инструкція господину полковнику Ильину.

По полученіи сей инструкціи извольте ѣхать въ имѣющуюся здѣсь въ Лифляндіи собственную герцога Курляндскаго мызу Гольмгофъ и, прибывъ туда, накрѣпко изыскать, имѣются ли въ той мызѣ реченнаго герцога собственные пожитки, то есть деньги и прочія драгоцѣнныя вещи и будетъ имѣются, то оное запечатавъ съ добрымъ конвоемъ прислать сюда. А потомъ имѣете состоящіе въ той мызѣ недрагоцѣнные его жъ герцогскіе припасы, тоже лошадей, скотъ, хлѣбъ и прочее тому подобное описать съ изъясненіемъ достовѣрно и отдать подъ охраненіе той мызы управителю, и накрѣпко ему подтвердить, чтобъ онъ содержалъ во всякой сохранности. И потомъ извольте возвратиться паки сыды, а что чего именно описано будетъ, вѣдомость подать ко мнѣ. Впрочемъ во всемъ поступать вамъ, какъ честному и вѣрному офицеру надлежитъ, а за оплошность подъ опасеніемъ немалаго штрафа.

P. Comte de Lacy

Ноября 15 дня 1741 году.
Рига.

Съ подлинника, сообщеннаго Г. Г. Ломоносовымъ. Нечего пояснять, что это распоряженіе тогдашняго Русскаго генералъ-губернатора сдѣлано вслѣдъ за тѣмъ, какъ графъ Минихъ свергнулъ Бирона и объявилъ правительницею Россіи Анну Леопольдовну. *П. Б.*

Графъ Сегюръ и князь Потемкинъ.

Въ Декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1876 г., въ статьѣ «Всеевропейское фіаско», авторъ ея, г. Щ., разсуждая о дѣятельности Англіи на предварительныхъ засѣданіяхъ Константинопольской конференціи, говоритъ, что этой дѣятельности предшествовали самые разнообразные слухи: по однимъ, Англійскій уполномоченный, маркизъ Салсбери, былъ полнымъ представителемъ Туркофильской политики Лондонскаго кабинета; по другимъ, онъ отнюдь не былъ Туркофиломъ, напротивъ—питалъ расположеніе къ христіанамъ. Какъ лицо дипломатическое—говоритъ далѣе авторъ статьи—маркизъ Салсбери, быть можетъ, дѣйствительно выразилъ на оффиціальной конференціи пылкое негодованіе противъ возмутительнаго отзыва Савфетъ-паши о Болгарской рѣзнѣ; но (какъ свидѣтельствуетъ Константинопольскій корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей), на предварительныхъ засѣданіяхъ этотъ же самый маркизъ Салсбери былъ относительно сущности Болгарскаго вопроса «до нельзя придирчивъ и неуступчивъ».. Такое поведеніе Англійскаго уполномоченнаго, поражающее своею двойственностью, авторъ статьи пытается объяснить тѣмъ, что лордъ Салсбери прежде всего *Англійскій* политикъ, и какъ бы въ подтвержденіе того, что такая двусмысленная игра есть принадлежность Англійской политики, приводитъ изъ одной газеты (Agence Générale Russe, 19 Ноября) разсказъ о разговорѣ, имѣвшемъ мѣсто между посломъ въ Петербургѣ (очевидно—замѣчаетъ авторъ — Англійскимъ) и Русскимъ министромъ. «Посолъ выразилъ князю—передается въ этомъ разсказѣ—какъ тяжела ему, какъ человѣку, его дипломатическая роль. Я никогда не могъ понять—сказалъ онъ—и до сихъ поръ не понимаю эту странную и безнравственную политическую систему, которая упорно поддерживаетъ варваровъ, разбойниковъ, фанатиковъ, разоряющихъ, обагряющихъ кровью свои Европейскія и Азіатскія владѣнія. Можно ли давать опору варварскому, безсмысленному (stupide), тщеславному правительству, которое презираетъ насъ и нашу религію, считаетъ насъ собаками? Но я дипломатическое лицо—прибавилъ онъ: я долженъ слѣдовать своимъ инструкціямъ и исполняю ихъ въ точности»...

Прочтя этотъ разсказъ, читатель въ правѣ спросить: Гдѣ и когда происходилъ приведенный разговоръ? Кто были бесѣдующія лица? Кто этотъ Англійскій посолъ въ Петербургѣ, отличавшійся такою дѣтски-наивною откровенностью передъ Русскимъ министромъ и прямо заявлявшій, что онъ, представитель Англіи, не согласенъ съ политическими видами своей страны, хотя и принужденъ проводить ихъ? Кто, наконецъ, этотъ Русскій министръ, этотъ князь, безъ улыбки выслушивающій простодушныя рѣчи Англійскаго дипломата? На всѣ эти вопросы, любопытные въ историческомъ отношеніи, ни авторъ статьи, ни редакція журнала, въ коемъ помѣщена она, не даютъ никакого отвѣта.

Въ интересахъ исторической истины мы должны сказать, что приведенный на страницахъ Русскаго Вѣстника разговоръ есть непонятный вымыселъ, доказывающій только, съ какою непростительною небрежностью относятся у насъ къ историческимъ памятникамъ, читая въ нихъ то, чего они не даютъ, и восполняя недостающее силою фантазіи.

Позволимъ себѣ возстановить фактъ. Графъ Сегюръ, во время пребыванія своего въ Россіи, не разъ бесѣдовалъ съ княземъ Потемкинымъ о Турціи и, какъ представитель Франціи, сильно отстаивалъ усвоенный его правительствомъ взглядъ по восточному вопросу, такъ что Потемкинъ въ шутку величалъ его *Сегюромъ-эффендіемъ*, хотя въ личныхъ своихъ убѣжденіяхъ Сегюръ въ этомъ отношеніи рѣшительно расходился съ видами своего правительства. Вотъ доказательство. На стр. 350-й II-го тома своихъ Записокъ *) Сегюръ разсказываетъ слѣдующее.

«Однажды князь Потемкинъ, сообщая мнѣ о грабежахъ Кубанскихъ Татаръ и о жестокостяхъ, чинимыхъ великимъ визиремъ, между прочимъ сказалъ: Признайтесь, что существованіе мусульманъ есть истинный бичъ человѣчества. Но еслибы три или четыре великія державы пришли между собою въ соглашеніе, то ничего не стоило бы изгнать Турокъ въ Азію и такимъ образомъ избавить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Не правда-ли, что такое предпріятіе было-бы дѣломъ справедливымъ, полезнымъ, религіознымъ, нравственнымъ и доблестнымъ? Къ тому же—прибавилъ онъ съ улыбкою—если-бы вы лично способствовали такому желанному соглашенію и если бы Франція на свою долю получила Кандію или Египетъ, то не было-ли бы для васъ достаточнымъ вознагражденіемъ сдѣлаться правителемъ той или другой завоеванной страны?»

«Я возразилъ ему, что послѣднее обстоятельство очень мало льститъ моему тщеславію. Дѣло въ томъ, что это неловкое, оскорбившее меня, внушеніе укрѣпило во мнѣ въ эту минуту сознаніе долга, исполненію котораго противорѣчило и мое чувство, и мое личное мнѣніе».

«Въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ графъ Сегюръ свою политическую исповѣдь—я никогда не могъ постигнуть, да и теперь еще не понимаю этой странной и безнравственной политической системы, которая упорно поддерживаетъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ, разоряющихъ и обливающихъ кровью обширныя страны, принадлежащія имъ въ Азіи и въ Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, и ежедневно унижаетъ и оскорбляетъ насъ, называя *христіанъ собаками*. Но я былъ министромъ; я долженъ былъ слѣдовать своимъ инструкціямъ и въ точности ихъ исполнилъ».

Такимъ образомъ оказывается, что графъ Сегюръ не выражалъ князю Потемкину, какъ ему тяжела, какъ человѣку, его дипломатическая роль, не прибавлялъ въ заключеніе своей мнимой рѣчи и того, что онъ, какъ дипломатическое лицо, долженъ слѣдовать своимъ дипломатическимъ инструкціямъ и исполняетъ ихъ въ точности. Все это, а равно и личное мнѣніе свое о Туркахъ, Сегюръ высказалъ въ своихъ Запискахъ уже спустя слишкомъ тридцать лѣтъ по выѣздѣ своемъ изъ Россіи.

Къ чему же понадобилось эту политическую исповѣдь Сегюра, вырванную изъ его Записокъ и безцеремонно перекроенную, вложить въ уста какому-то Англійскому послу въ Петербургѣ, въ разговорѣ его съ какимъ-то Русскимъ министромъ, и въ такомъ нелѣпомъ видѣ приподнести Русскимъ читателямъ?

М. Шугуровъ.

---

*) Oeuvres complètes de m. le comte de Ségur. Paris. 1826. Tome II.

Книжныя заграничныя вѣсти.

Исторія, мемуары и біографія.

Полковникъ Кнезебекъ, Прусской службы, оставилъ послѣ себя Записки, изданныя въ 1848 году. Въ этихъ Запискахъ онъ присвоиваетъ себѣ немаловажную роль въ исторіи Отечественной войны 1812 года. Кнезебекъ, какъ одинъ изъ ожесточенныхъ враговъ Наполеона, составилъ, по поводу предстоявшаго похода Французовъ въ Россію, планъ оборонительныхъ дѣйствій, который въ основной идеѣ соотвѣтствовалъ будто бы плану, принятому впослѣдствіи императоромъ Александромъ. И такъ Кнезебекъ выставляетъ себя изобрѣтателемъ этой знаменитой защиты. Для объясненія своихъ предположеній онъ отправился весною 1812 года въ Петербургъ, и въ неоднократныхъ личныхъ объясненіяхъ съ Государемъ успѣлъ будто бы убѣдить его къ принятію своей мысли. Такъ пишетъ Кнезебекъ; но по сличеніи Записокъ его съ документами, недавно открытыми въ Прусскомъ государственномъ архивѣ, исторія, имъ выведенная, не подтверждается. Къ опроверженію ея издана въ прошломъ году профессоромъ Леманомъ книга подъ заглавіемъ: *Кнезебекъ и Шёнъ* (Max Lehmann, Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig 1875, 347 стр.). Авторъ, раскрывая множество ошибокъ и противорѣчій въ Запискахъ Кнезебека, утверждаетъ, что Кнезебекъ и не думалъ побуждать Русское правительство къ войнѣ, а напротивъ того, исполняя въ Петербургѣ порученіе своего короля, всѣми силами старался склонить Александра къ уступкамъ Наполеону, къ поддержанію мира и къ отдаленію войны. Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ другой писатель Максъ Дункеръ, въ статьѣ: Die Mission des Obersten v. Knesebeck nach Petersburg, помѣщенной въ Январской книжкѣ Preussische Jahrbücher 1876 года. То и другое имѣетъ интересъ въ связи съ любопытными статьями А. Н. Попова о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи передъ войною 1812 года (Ж. М. Н. Просвѣщенія 1875—1876).

*

Къ этой же и слѣдующей за нею эпохѣ относятся изданныя въ 1876 году подлинныя Записки Прусскаго министра Шёна (сотрудника Штейнова въ возстановленіи Пруссіи), о жизни его и дѣятельности, съ 1813 по 1840 годъ (Aus den Papieren des Ministers und Burggrafen von Marienburg Theodor v. Schön. Berlin 1876, 556 стр.). Важнѣйшую часть книги составляютъ приложенія, содержащія въ себѣ переписку Шёна съ знаменитыми людьми того времени и любопытныя историческія

и политическія записки. Одинъ изъ документовъ содержитъ въ себѣ любопытныя подробности объ участіи короля Фридриха Вильгельма III-го и императора Александра Павловича въ масонскихъ ложахъ.

*

Польша въ срединѣ XVIII столѣтія, соч. Репеля (Richard Roepell, Polen um die Mitte des 18 Jahrhunderts. Gotha 1876. 237 стр.). Авторъ, извѣстный въ ученой литературѣ изслѣдованіями о древней исторіи Польши, занимается въ этомъ сочиненіи изслѣдованіемъ событій, подготовлявшихъ въ XVIII столѣтіи раздѣлы и паденіе Польскаго государства. Онъ обращаетъ притомъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе Польскаго общества до 1763 года и на исторію двухъ родовъ—Чарторижскихъ и Понятовскихъ, тѣсно связанную съ судьбами Польши въ XVIII столѣтіи.

*

Изъ жизни генерала Нацмера (Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Ein Beitrag zur preussischen Geschichte. 1 Theil mit einer Einleitung v. Bernhardi. Berlin 1876, 294 стр.). Генералъ Нацмеръ, одинъ изъ главныхъ участниковъ преобразованія Прусской арміи послѣ Іенскаго погрома, дѣятельный сотрудникъ Прусскихъ военачальниковъ, довѣренное лицо короля Фридриха Вильгельма III и другъ брата его принца Вильгельма, былъ съ нимъ въ кампаніи 1814 года и сопутствовалъ ему въ поѣздкѣ его въ Россію; онъ былъ употребляемъ королемъ для важныхъ и секретныхъ порученій. Въ Запискахъ о жизни его любопытно описаніе секретной поѣздки его по порученію короля въ Русскую главную квартиру въ 1813 году, послѣ извѣстія о конвенціи Русскихъ съ Іоркомъ, съ изложеніемъ данной ему отъ короля инструкціи, и составленное имъ для короля описаніе состоянія Русской арміи.

*

C-te Prokech-Osten. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir à l' histoire de la politique europeénne (1813 — 1828). Paris 1876. Plon et frères. Послѣ событій 1812 года, когда исходъ Европейской борьбы съ Наполеономъ оставался еще въ неизвѣстности, Австрія, считавшаяся въ ту пору еще въ союзѣ съ Наполеономъ, находилась въ двусмысленномъ положеніи. Меттернихова политика съ особеннымъ страхомъ и подозрительностью слѣдила за Русскою политикой на Востокѣ и предполагаемыми замыслами Россіи на Турцію, съ судьбами которой Австрія и въ ту пору соединяла неразрывно свои политическіе интересы. Озабоченный тою же мыслію, султанъ Махмудъ II, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о политикѣ сѣверныхъ Европейскихъ государствъ, поручилъ тогдашнему господарю Валахіи, князю Янкѣ Караджу пріискать ему въ Вѣнѣ опытнаго корреспондента, и для этого дѣла избранъ былъ, по указанію Меттерниха, извѣстный политическій дѣятель и публицистъ того времени Генцъ. Съ этого времени, т. е. съ 1813 года, началась и продолжалась до 1828 г. корреспонденція Генца съ Караджемъ и его преемниками, извлеченная нынѣ изъ архивовъ и издаваемая въ свѣтъ графомъ Прокешъ-Остеномъ. Первый вышедшій томъ заключается 1819

годомъ и содержитъ въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, касающихся до Россіи и до Австрійскихъ отношеній къ Русской политикѣ. Только что появился въ продажѣ и второй томъ этого собранія.

*

Австрія и Пруссія въ войну за освобожденіе. Изслѣдованія, на новыхъ документахъ основанныя, о политической исторіи 1813 года. Соч. Онкена. Томъ I. (Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Berlin 1876, 448 стр.). Эта книга, составляющая одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній исторической литературы объ эпохѣ 1812 — 1814 года въ Германіи, составлена на основаніи документовъ, въ первый разъ извлеченныхъ изъ Берлинскаго и изъ Вѣнскаго тайныхъ архивовъ, и содержитъ въ себѣ много новыхъ данныхъ объ отношеніяхъ Пруссіи и Австріи между собою и къ Россіи передъ Московскимъ походомъ Наполеона, и въ теченіе Германской отечественной войны.

*

Для исторіи Русской политики въ Семилѣтнюю войну имѣетъ интересъ вышедшее недавно новое сочиненіе Ранке: Zur Geschichte von Oesterrich und Preussen zwischen den Friedensschlüssen zu Aachen und Hubertsburg. Leipzig 1875, 383 стр. Оно написано на основаніи новыхъ документовъ о Семилѣтней войнѣ, извлеченныхъ въ изобиліи изъ архивовъ и изданныхъ въ послѣдніе годы Арнетомъ и другими учеными, и бумагъ оставшихся послѣ канцлера Фюрста и другихъ Австрійскихъ политическихъ дѣятелей.

*

Эккардтъ издалъ сочиненіе о Лифляндіи въ XVIII столѣтіи: Очерки Лифляндской исторіи (Livland im 18-ten Jahrhunderte. 1 Band. Leipzig 1876, 595 стр.). Въ трехъ отдѣленіяхъ: по 1740, по 1763 и по 1766 годъ изложены здѣсь факты общественной жизни въ Лифляндіи, собранные изъ ненапечатанныхъ документовъ, преимущественно изъ актовъ и протоколовъ Ландтага. Авторъ останавливается на значеніи тогдашняго Лифляндскаго дворянства въ Русской исторіи и указываетъ не безъ основанія, что всѣ случайные Лифляндцы въ Русскомъ правительствѣ при императрицѣ Аннѣ, какъ то Биронъ, Остерманъ, Левенвольдъ и пр., имѣли значеніе лишь въ Русской политикѣ и при Русскомъ дворѣ, но на внутреннихъ дѣлахъ Лифляндіи почти не отразилось ихъ вліяніе. Особенно интересенъ въ этой книгѣ очеркъ интеллектуальнаго движенія въ обществѣ города Риги, при Гердерѣ и въ томъ кружкѣ, къ которому примыкалъ знаменитый мыслитель.

*

Въ Лондонѣ появился второй томъ біографіи покойнаго супруга нынѣшней королевы Викторіи, принца Альберта, составленной г. Мартиномъ (Life of the Prince Consort. By Theodore Martin. Vol. 2, London 1876. Smitt Elder). Эта часть біографіи посвящена періоду съ 1847 по 1854 годъ, когда въ особенности сильно было не прямое и тѣмъ болѣе раздражавшее умы въ Англіи вліяніе покойнаго принца на дѣла государственныя. Интересны для Русскихъ читателей въ этой части біографіи тѣ черты, которыя относятся къ назрѣванію и началу Во-

сточной войны. Замѣчательно, что въ 1853 году принцъ Альбертъ внесъ въ совѣтъ министровъ записку о восточномъ вопросѣ, прекрасно изложенную, по отзыву многихъ лучшее произведеніе его пера. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ весьма убѣдительно, что если война и необходима, то ея цѣлью ни въ какомъ случаѣ не должно быть поддержаніе Оттоманской имперіи, и съ нею не должны быть связаны никакія обязательства передъ Портой; напротивъ, она должна служить къ водворенію новыхъ порядковъ болѣе согласныхъ съ разумными интересами Европы, христіанства и цивилизаціи, а никакъ не къ возстановленію невѣжественнаго, варварскаго и самовластительнаго ига мусульманскаго, лежащаго на самой плодородной части Европы. Съ этимъ воззрѣніемъ на дѣло согласились всѣ министры, кромѣ лорда Пальмерстона, который утверждалъ, что цѣлость Оттоманской имперіи должна быть поддержана во всякомъ случаѣ и быть главною цѣлью войны. Настойчивость Пальмерстона на этомъ мнѣніи, доходившая до того, что онъ грозилъ отставкою, если оно не будетъ принято, рѣшила дѣло, и мнѣніе принца повредило немало его популярности.

*

Общество Ганзейской исторіи (Hansischer Geschichte Verein) издало первый томъ Сборника актовъ, подъ редакціей Гельбаума (Hansisches Urkundenbuch bearbeitet v. Konstantin Höhlbaum. Band I. Halle 1876). Этотъ сборникъ обнимаетъ исторію Ганзейскаго союза до 1300 года. Въ немъ напечатано 1376 актовъ, въ томъ числѣ всѣ договоры съ Россіей и Новгородомъ. Редакторъ осмотрѣлъ для своей коллекціи до 30 городскихъ архивовъ, отъ Ревеля до Кельна. Вскорѣ обѣщается изданіе 2-го тома. Кромѣ того изданъ первый томъ Собранія актовъ и протоколовъ Ганзейскаго центральнаго и мѣстныхъ городовыхъ управленій, съ 1431 по 1476 годъ, розысканныхъ въ разныхъ архивахъ, въ томъ числѣ и въ Русскихъ, ученымъ фонъ-деръ-Роппомъ. Онъ изданъ подъ заглавіемъ: Hanserecesse, Leipzig 1876.

*

Въ Лондонѣ явилась первая часть обстоятельной исторіи Монголовъ съ IX-го столѣтія по XIX, соч. Говорта (History of the Mongols from the Ninth to the Nineteenth Century by Henry Howorth. London 1876. Longmans). Авторъ собралъ и изучилъ для этой исторіи всѣ матеріалы, какіе могли быть ему доступны въ Европейской литературѣ; къ сожалѣнію, онъ не знаетъ восточныхъ языковъ и отъ того впадаетъ нерѣдко въ ошибки. Но трудъ его (коего первая только часть содержитъ въ себѣ около 800 страницъ) едвали не первая попытка цѣльной и полной исторіи Монгольскаго племени. Есть классическое, но не цѣльное изслѣдованіе о Монголахъ Шведскаго ученаго Доссона; да еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году, появилось въ Берлинѣ сочиненіе Вольфа по тому же предмету, но оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вторженія Монголовъ въ Западную Европу (Wolff, Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile).

Г. Говортъ выражаетъ странный взглядъ на Монгольскія завоеванія: онъ идеализируетъ ихъ, идеализируетъ въ особенности Чингисъ-Хана, котораго выставляетъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ и законодателемъ, хотя по его же расчету число жертвъ загубленныхъ опустошительными завоеваніями Чингисъ-Хана простирается до 18 милліоновъ. Вся эта кровь и все это разореніе, по теоріи автора, были необходимы для обновленія одряхлѣвшаго міра: за ними послѣдовалъ періодъ возрожденія и великихъ открытій (книгопечатаніе, компасъ и пр.), которыя, по мнѣнію автора, занесены были въ Европу Монгольскимъ вліяніемъ, съ дальняго Востока. Слѣды Монгольскаго владычества въ языкѣ и въ обычаяхъ указываетъ онъ въ Россіи, въ Азіи, въ Остъ-Индіи и въ Персіи.

Вотъ краткое содержаніе этого тома, во многихъ отношеніяхъ любопытнаго. Предисловіе и указаніе на источники. Гл. 1: Племена и роды населявшіе Азію въ началѣ XIII столѣтія. 2: Начало Монгольскаго племени. 3: Исторія Чингисъ-Хана. 4: Исторія Октая и его ближайшихъ преемниковъ. 5: Ханы Мангу и Кублай. 6: Преемники Кублая на Китайскомъ престолѣ и по изгнаніи изъ Китая. 7 — 11: Чакары и Калкасы или Сѣверные Монголы; Коскоты или Западные Монголы и Олоты; Кероиты и Торгуты; Коросы и Джунгарскія племена. 12: Буряты.

*

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записка Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію **10** рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногородныхъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.